Московский

история
археология
искусство
охрана

Некрополь

Материалы научно-практической конференции

МОСКОВСКИЙ

история
археология
искусство
охрана

НЕКРОПОЛЬ

Москва 1991

ББК—79.10

ISBN 5—7196—0028—0 ББК—79.10

В ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ...

Феномен памятника происходит из особого ценностного отношения к нему людей, создаваемого на основе их культурного опыта. Это в равной степени относится ко всем видам и типам памятников истории и культуры, но особо ощутимо сказывается на памятниках-могилах, разбросанных по всей нашей стране и ныне чаще всего расположенных на заброшенных и неухоженных кладбищах.

Как часто заглядывают туда те, кто не по крови, а по памяти должен заботиться о них? Именно на заброшенных кладбищах наиболее остро ощущается разрушение исторической памяти, отсутствие связи между поколениями, забвение преемственности и традиций, культуры. Мы слишком долго ратовали за избирательную память, государственную совесть, общинное, гуртовое обитание, полагая, что один человек ничего не стоит. Вот почему мы так легко забываем имена ушедших, а вместе с ними их дела, дома, где они жили, могилы, где они покоятся. Вместе с тем любое захоронение, тем более видных представителей отечественной истории и культуры, является элементом нашей жизни. А отношение к ним — показатель состояния нашей культуры.

В настоящее время, когда мы переживаем децентрализацию культуры, тягу к возрождению краеведения, всегда отличавшегося сильным личностным мировосприятием, приверженностью к общечеловеческим и культурным ценностям, появился более осознанный интерес к отечественным некрополям. Думается, что через отношение к этому виду памятников, через повседневную практическую заботу о них возможно духовное очищение личности, ее дальнейшее нравственное совершенство.

Необходимо на основе имеющихся архивных и опубликованных источников, фотоматериалов наладить процесс выявления надгробных памятников, усовершенствовать их учет и постановку на государственную охрану с целью наиболее полного ознакомления широкого круга читателей с составом дошедших до нас исторических некрополей как известных, так и практически забытых. Прошедшие годы работы над Сводом памятников дали первые положительные примеры подобного учета надгробий в России. Они зафиксированы в 30 выпусках «Материалов к Своду памятников истории и культуры», подготовленных сотрудниками Научно-исследовательского института культуры МК РСФСР и АН РСФСР. Но необходимо констатировать, что, к сожалению, инициатива выявления памятников-надгробий шла от коллектива московских исследователей, а на местах до сих пор этот тип памятника находится в забвении.

Изучая некрополи периферии, московские исследователи возобновили изучение и описание столичных некрополей. Обобщающие сведения на эту тему были опубликованы в «Памятниках Отечества» М. Т. Белявским, М. Д. Артамоновым. Интерес к этой теме был пробужден и в стенах Московского историко-архивного института. Студент этого вуза А. В. Иванкив обратился к давно забытой и неопубликованной работе подмосковного краеведа А. Т. Саладина «Прогулки по кладбищам Москвы», один экземпляр которой хранится в фондах ЦГАЛИ. Ценность данной работы состоит в том, что в ней представлен обзор целого ряда московских кладбищ, подробнейшее описание как сохранившихся, так и не сохранившихся до наших дней надгробий с датами жизни и эпитафиями. Рукопись снабжена алфавитным указателем.

Обращение к вопросам изучения некрополей в столице и ее окрестностях, создание в 1989 г. в Московском фонде культуры специальной секции по этой проблеме поставили москвоведов перед целым комплексом задач, решение которых сегодня носит и научный, и морально-этический характер. Об этом в своих сообщениях горячо и аргументированно говорили участники конференции «Исторический некрополь Москвы», проведенной по инициативе Московского фонда культуры при содействии НИИ культуры и Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева.

На конференции вместе с ведущими учеными — С. О. Шмидтом, Л. В. Ивановой — выступали исследователи, краеведы, профессиональные интересы которых связаны с отдельными, конкретными проблемами сохранения и изучения исторических некрополей Москвы и ее окрестностей. Публикуя материалы конференции, редколлегия сборника надеется, что они пробудят интерес широкого читателя к отечественной истории,

откроют перед ныне живущими всю глубину духовного наследия наших предшественников, внесут свой вклад в москвоведение и тем самым помогут нашему отечественному краеведению расширить диапазон своей исследовательской деятельности.

Э. А. Шулепова

С. О. Шмидт,
доктор исторических наук,
председатель Археографической комиссии РАН

ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Понятие «некрополь» давно обрело в нашем Отечестве собственно историческое содержание. «Некрополь» — слово греческого происхождения — «некрополис» от «некрос» — «мертвый» — «полис» — город; буквально — город мертвых. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля этого слова еще нет. В однотомном словаре русского языка, составленном С. И. Ожеговым, указывается на то, что в древнем мире так называли большое кладбище. В переиздававшемся не раз четырехтомном Словаре русского языка (последнее издание 1986 г.) отмечено два значения слова «некрополь»: 1. Кладбище, могильник в странах древнего Востока и в античном мире; и 2. Кладбище, на котором похоронены знаменитые люди (и в виде примера: Некрополь Александро-Невской лавры). Таким образом, слово «некрополь» — понятие историческое и как «давнее», и как — «значительное»: «историческое здание», «историческая речь».

Одновременно и в справочных изданиях, и в научных описаниях этот термин имел и обобщающий смысл — не одно или несколько, а много захоронений. И потому «некрополем» называют и свод сведений о захоронениях, причем обычно не на одном месте, а на нескольких (на кладбищах, в храмах и др.), в городе в целом или на большей территории.

В основе распространенного отношения к понятию «некрополь» лежит представление о важности сохранения памяти об умерших (а также о возмездии за пренебрежение этой памятью). Это свидетельствует о давнем осознании того, что хотя жизнь человека ограничена, есть некая связь времен и поколений, определяющая вечность самого процесса «бытия». И для действенности этой

связи имеет значение не только освоение опыта предшественников, но и степень уважения к ним. И то, и другое — опыт истории.

Проблема «жизнь и смерть» была, есть и будет одной из главнейших в мировоззрении и мироощущении и человечества в целом, и каждого отдельного человека. Подход к этой проблеме — сознательно мотивированный или в рамках привычного, кажущегося само собой разумеющимся, во многом предопределяет представления и о прощании с умершим, и похоронах его, о формах сохранения памяти о нем.

Это находит отражение и в религиозной обрядности, и во многих произведениях искусства (изобразительное, музыкальное искусство), в художественной литературе. Нередко все эти проявления воспринимаются как одно целое (как, к примеру, католическая обедня по умершему — реквием — исполняется как концертная программа). Праздники памяти — это особый церемониал с воспоминаниями об ушедших из жизни, оценкой их деятельности, напоминанием о том, что предстоит делать дальше, как довершить дело живущим*.

Идея сохранения тела умершего и связанных с ним предметов духовной и материальной культуры, устройства ему памятника — бесконечно древняя, воспринятая христианством из глубины веков. Всякое захоронение, отмеченное памятным знаком, — всегда показатель отношения живых не только к умершему и к делу его жизни, но и к самому обычаю, к идее сотворения памятника усопшему.

То, что создается с целью сохранения памяти о каких-то событиях, лицах, их увековечения называют «Мемориал» — от латинского «memorialis» (памятный, служащий для увековечивания памяти о ком-то или чем-то), в свою очередь происходящего от слова «memoria» — память, способность помнить, воспоминание, напоминание. Это отражено в таких словоупотреблениях, как «мемориальная доска» (обычно с надписью, а иногда и с изображением), мемориальное здание и комната, мемориальный музей и ансамбль (чаще всего архитектурно-художественный комплекс), общество «Мемориал» и т. д. Всякий мемориал в момент его создания — свидетельство понимания взаимосвязи настоящего с прошлым людьми определенного времени и социального (точнее — социокультурного) положе-

* В. О. Ключевский — проникновенный мастер статей и речей «памяти» наших выдающихся соотечественников, отвечая на вопрос: «Для чего мы празднуем юбилейные годовщины?» в речи «Памяти А. С. Пушкина» объяснял: «Самосознание — трудное и медленное дело, венчающее работу человека или народа над самим собой, и достигается разносторонними путями. Праздники в память людей, двинувших или облегчивших эту работу, — минутные остановки, чтобы осмотреться, перевести дух, оглянуться на пережитое, сосчитать прожитые годы. Так в пути оглядываются назад, чтобы по выдающимся пунктам сообразить пройденное расстояние и проверить направление» (1).

ния. Память — основа не только культуры, но и мировосприятия, и именно сбереженная социальная память обеспечивает культурную преемственность поколений.

Следует иметь в виду, что захоронение — «мемориал» и кладбище в целом являются элементами и нашей общественной жизни, не только ее внутренней, но и внешней стороны, ее публичности. Кладбище для всех открыто, оно напоминает об умершем, там видно отношение к усопшим. Кладбище формирует и само представление о характере напоминания о прошлом: кого и за что следует помнить и в какой форме выражать эту память.

И похороны (точнее, процедура похорон), и оформление места захоронения представлялись ранее и представляются теперь как своеобразный обряд, ритуал с определенным порядком последовательных действий и соблюдением церемониальных условностей, даже с особой манерой поведения — это настолько вошло в наше обыденное сознание, что бюро похоронных услуг официально стали называть комбинатом ритуального обслуживания. Такая обрядность находит выражение и в выборе, и в оформлении места захоронения, и во внешней форме могильного памятника, и в содержании и в форме намогильных надписей, т. е. в стереотипах, в определенной традиции (обычно достаточно устойчивой, хотя и многовариантной в частностях), облегчающей тем самым ученым систематизацию и научное описание могильных памятников.

Это хорошо известно и по фольклору (плачи, причитания), восходящему еще ко времени язычества, и по художественной литературе XIX—XX вв. Представление о «целой похоронной науке, точной и требовательной, не знающей ни отклонений, ни сомнений», иронически обыграно в рассказе Якова Рыкачева о столичных похоронах, так сказать, в стиле ретро. Рассказ начала 1930-х гг. «Похороны» недавно перепечатан в «Книжном обозрении» (2). Этой же теме — традиционным по старому обряду деревенским похоронам — посвящен рассказ В. А. Солоухина «Похороны Степаниды Ивановны» (3).

Характерные черты захоронений городского кладбища XIX в. отмечены, например, Н. А. Некрасовым в стихотворении «О погоде», где сторож Волкова кладбища в Петербурге свидетельствует так:

«...где кресты — там мещане,
Офицеры, простые дворяне;
Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель...» (4)

Поэтому кладбище (и его состояние) становится для историка источником понимания общественного (и религиозного) сознания и системы символов культуры не только тех лет, когда жили похороненные там люди, но и времени жизни их потомков. Эти знаковые системы — всегда и ценностные категории, причем обычно консервативные. Но и они меняются с годами: и по прошествии веков, и даже десятилетий (как в России после Октябрьской революции) нелегко уже осмыслить и даже приметить многое, казавшееся нашим предкам знаменательным. Показательны и степень внимания (или невнимания) к кладбищам вообще, и к захоронениям определенных лиц (или лиц определенной сословной принадлежности), и к элементам надгробных памятников (к примеру, уничтожение на могильных памятниках в 20—30-е гг. крестов) в те или иные годы. Отношение к мертвым всегда показывает и лицо живых.

В плане истории культуры отношение к могилам предков символизирует понятие о корнях своей истории и культуры и уровень нравственного развития общества. В России это особенно ясно выражено А. С. Пушкиным в незавершенном и неозаглавленном стихотворении 1830 года:

«Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня.
Земля была б без них мертва,
Как . . . . . . пустыня
И как алтарь без божества».

Тема «кладбище» вообще занимает особое место в поэтических размышлениях Пушкина. Напоминание о сельском кладбище возвращает к чистоте простодушной юности — вспомним слова Татьяны, обращенные к Онегину:

«...Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...»

Но и совсем юного поэта тревожила мысль о «камнях гробовых», она звучит и в стихотворениях 1814 г. «Осгар», и в «Воспоминаниях о Царском селе», и в стихотворениях 1815 г. — «Мое завещание» (там такое удивительное определение, как «тихий праздник погребенья»), «Гроб Анакреона», «Моя эпитафия». К этой теме возвращают нас и стихи последующих

лет. Среди них с детства запомнившаяся «Песнь о вещем Олеге» (1822 г.).

Знаменательно, что за семь дней до сочинения программного стихотворения — завещания («Я памятник воздвиг себе нерукотворный»), когда поэт глубоко и неотступно размышлял об итогах им свершенного и о вечных ценностях, им было написано незаконченное стихотворение, начинающееся строками:

> «Когда за городом, задумчив, я брожу
> И на публичное кладбище захожу...»

(август 1836 г.). В этих строках мы видим то, что можно было бы назвать «стилем кладбищ». Читатель может сравнить сельские кладбища («кладбища родового», где «дремлют мертвые в торжественном покое...» и «неукрашенным могилам есть простор...») со столичным кладбищем, где могилы, «стесненные рядком...» и «дешевого резца нелепые затеи...»

> «Над ними надписи и в прозе и в стихах
> О добродетелях, о службе и чинах;
> По старом рогаче вдовицы плач амурный,
> Ворами со столбов отвинченные урны...»

На сельском же кладбище:

> «...на место праздных урн и мелких пирамид,
> Безносых гениев, растрепанных харит
> Стоит широко дуб над важными гробами.
> Колеблясь и шумя...»

Совершенно очевидно, что в мучительный последний год жизни, думая о кончине (а, быть может, и предвидя ее близость), Пушкин выразил здесь свою волю быть похороненным именно на родовом кладбище в Псковской земле, где

> «Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
> Проходит селянин с молитвой и со вздохом»

И действительно, А. И. Тургенев писал после кончины Пушкина, что прах его перевезут в монастырь, за четыре версты «от его деревни, где он желал покоиться до радостного утра!» (5).

Конечно, эти размышления поэта в определенной мере отражают то настроение меланхолии в литературе вообще и в поэзии в частности, которое было распространено в период господства таких литературно-художественных стилей, как сентиментализм и романтизм (это глубоко, со многими примерами разъяснено в книге Д. С. Лихачева) (6).

Обращение к теме кладбища характерно для стиля русской культуры конца XVIII — начала XIX в. Так, Н. М. Карамзин, как и другие поэты той поры, еще молодым сочинял стихотворные эпитафии. Широко известна была его эпитафия 1792 г. на могилу ребенка: «Покойся, милый прах, до радостного утра» (эта же надпись на могиле матери Ф. М. Достоевского, любимым чтением которого были последние четыре тома «Истории

государства Российского»). И именно об этой надписи напоминает А. И. Тургенев, сообщая о похоронах А. С. Пушкина.

Творчеству Карамзина как бы сопутствует тема кладбища. И в «Бедной Лизе», и в «Письмах русского путешественника», и в «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице и в сем монастыре» не только не раз упоминается о «погребениях знаменитых людей», но и даны рассуждения такого содержания: «Холодный пепел мертвых не имеет заступника, кроме нашей совести, все безмолвствует вокруг древнего гроба! Глубокая тишина его прерывается только благословениями или проклятием идущих мимо и читающих гробовую надпись» (это о фамильном погребении Годуновых). Еще выразительнее Карамзин пишет в «Записке о московских достопамятностях» об Архангельском соборе Московского Кремля: «Вот святилище истории Российской! Сии безволвные гробы красноречивы для того, кто, смотря на них, воспоминает предания Московских летописей от XIV до XVIII столетия. Там искал я вдохновения, чтобы живо изобразить Донского и двух Иоаннов Васильевичей...» (Не пришли ли эти слова или упоминания о погребениях в «Истории государства Российского» на память А. С. Пушкину, когда он писал цитированные строки о «любви к отеческим гробам»?). Кроме того, Н. М. Карамзин напечатал в журнале «Вестник Европы» (1802 г.) элегию В. А. Жуковского «Сельское кладбище» — вольный перевод английского стихотворения Т. Грея. Владимир Соловьев полагал, что «Сельское кладбище» может считаться «началом истинно человеческой поэзии в России», он напомнил об этом и в близком ему по духу стихотворении 1897 г. «Родина русской поэзии» (7).

Поэзии тех лет свойствен мотив присутствия в душе каждого человека ушедших из жизни. Об этом мудро сказал Жуковский в утешающем нас и до сих пор четверостишии:

«О милых спутниках, которые нащ свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были».

Здесь невольно приходит на память строка из Ф. И. Тютчева:

«Душа моя — элизиум теней».

Эти представления поэтов конца XVIII — первой половины XIX в. оказались близки и многим поэтам последующего времени. Вспомним строки И. А. Бунина:

«И мне печаль могил понятна и близка,
И я родным преданьям внемлю».

В основе их прежде всего — многовековые устои отношения православных к своим кладбищам, к самому акту захоронения, к покойникам и понимание взаимосвязи захоронений и природы (уход тела опять в вечный круговорот природы). Похороны всегда дают повод к раздумьям не только об ушедшем

человеке, но и о том, что он оставляет в памяти живущих (что до пронзительности ясно отражено в картине В. Е. Попкова «Хороший был человек бабка Анисья»). Эти глубинные народные представления наблюдаем и в характерных мотивах преданий и песен: молитва, просьба: не оставлять тело без погребения, или даже похоронить в определенном месте, на Родине (классически убедительный пример — «Заповит» Тараса Шевченко), близ могил родственников или сподвижников; и в общепринятом порядке — особенно у людей одиноких — копить и оставлять деньги на похороны и поминки; и в обычае сажать на могиле деревья и цветы. И в потребности поклониться могилам (известно, что и В. И. Ленин, возвратившись из-за границы в Петроград 3 апреля 1917 г., на следующий же день — 4 апреля — посетил могилы матери Марии Александровны и сестры Ольги на Волковом кладбище). И вряд ли основательны соображения нашего выдающегося мыслителя Н. Ф. Федорова, столь решительно противопоставляющего «светское», «городское» стихотворения В. С. Соловьева «народному», «сельскому представлению о сельских похоронах и кладбищах (8).

Уже издавна выработалась, если можно так выразиться, система представлений о форме и месте захоронений. К давней традиции относится и обычай возведения храмов или часовен на месте сражений и в память павших на поле боя (начиная, по крайней мере, со знаменитого Софийского собора в Киеве). Еще в первой половине XIX в. стараниями вдовы генерала А. А. Тучкова был построен храм на Бородинском поле, где погиб ее муж. Рано утвердился и порядок захоронения лиц в определенном месте: в Московском Кремле прах высших иерархов — в Успенском соборе; великих князей и их родственников (а позднее царей) — в Архангельском; великих княгинь и княжен — в Вознесенском монастыре; российских императоров хоронили в Петропавловском соборе Петербурга. Особенно почетным признавалось захоронение в храме или близ него.

До революции аристократическими кладбищами в Петербурге почиталась Александро-Невская лавра, в Москве в XVIII—XIX вв. — кладбище Донского монастыря. На некоторых кладбищах, или даже в храмах в XIX — начале XX в., и в домовых храмах сосредоточены родовые усыпальницы некоторых дворянских фамилий, позднее и купеческих. Стремление знатных людей закрепить за своим родом устойчивое место погребения и отметить его особой символикой (иногда включающей родовой герб) непосредственно связано с составлением родословцев (а изредка даже и родовых летописцев), изображением гербов на фамильных особняках.

В больших городах в XVIII в. постепенно выделяют места преимущественного захоронения лиц интеллигентных профес-

сий (Пятницкое кладбище в Москве, где близ друга друга захоронены историк Т. Н. Грановский, актер М. С. Щепкин, переводчик, друг Герцена Н. Х. Кетчер и др., «артистические мостки» на Новодевичьем кладбище, знаменитые «литераторские мостки» на Волковом кладбище в Петербурге). В меньшей мере это заметно и на других кладбищах, а некоторые из них возникли как кладбища такого рода; Комарово под Ленинградом или новая часть кладбища с могилами писателей в Переделкино под Москвой.

В советские годы выделяются (особенно с послевоенного времени) кладбища элитарные, где нельзя хоронить без разрешения высших городских властей, а то и более высоких инстанций: это прежде всего Новодевичье, а позднее Кунцевское в Москве. Вообще городские кладбища в целом или отдельные части их рано стали различаться социальной принадлежностью (или общественно-политическим положением) захороненных. На сельских же кладбищах были особые родовые усыпальницы местных землевладельцев. Их нередко привозили хоронить «домой», даже тогда, когда они умирали вдали от родных мест. Рано образовались и иноверческие кладбища, а за рубежом появились православные кладбища для русских (Ольшаны в Праге, Сен-Женевьев дю Буа недалеко от Парижа).

Кладбища, где сосредоточены могилы известных людей, или памятники, отличающиеся особыми художественными достоинствами, получили в общественном сознании статус «исторического некрополя».

Захоронения давно признаются важным источником исторического знания и являются предметом изучения искусствоведения. Ведь археологи, например, раскапывают прежде всего либо древние поселения (точнее, места таких поселений), либо древние захоронения. Еще Н. М. Карамзин в предварявшей его «Историю государства Российского» главе «Об источниках Российской истории до XVII века» сетовал на то, что «к сожалению, на древних гробах нет надписей, или они вырезаны уже в новейшие времена».

Впоследствии было немало сделано для изучения некрополей — столичных (Москвы и Петербурга) и провинциальных. Этим заинтересованно занимались и «любители» — знатоки генеалогии и прошлого своего края, и архивисты (В. В. Шереметевский — многолетний сотрудник Московского архива Министерства юстиции, ставшего основой современного Центрального Государственного архива древних актов), и видные исследователи истории литературы. К их числу следует отнести составителей трехтомного издания «Московский некрополь» (вышел в свет в 1907—1908 гг.) члена-корреспондента Академии наук В. И. Саитова и Б. Л. Модзалевского (известный пушкинист, ставший в 1918 г. членом-корреспондентом Акаде-

мии наук). В библиографическом указателе «Справочники по истории дореволюционной России», подготовленном под научным руководством П. А. Зайончковского (второе издание вышло в 1978 г.), указаны основные материалы о некрополях. Отрадно, что в последующие годы усилиями М. Д. Артамонова, М. Т. Белявского, В. В. Сорокина и других изданы новые материалы о Московском некрополе.

Материалы «некрополей» важны не только для уточнения дат жизни и деятельности отдельных лиц и их генеалогических связей, но и для познания многообразных явлений государственно-политической и социокультурной истории. Так, исследование Е. С. Сизовым (бывшим в последние годы жизни главным хранителем Государственных музеев Московского Кремля) захоронений в Архангельском соборе, в частности, настенной живописи, сделанной по велению царя Ивана IV в приделе, избранным им как место погребения, добавляют много существенно нового для понимания общественно-политических взглядов грозного царя в самый канун опричнины (9).

Надгробия издавна привлекают внимание и историков искусств, тем более что создателями некоторых из них были крупнейшие мастера скульптуры, архитектуры, живописи, мозаичного искусства. На это обращал внимание Ю. Н. Шамурин в постановочно-обобщающей статье «Московские кладбища» в восьмом выпуске многотомного предреволюционного издания «Москва в прошлом и настоящем» и в других сочинениях. В 1978 г. в издательстве «Искусство» вышла книга В. В. Ермонской, Г. Д. Ненатухиной и Т. Ф. Поповой «Русская мемориальная скульптура: к истории художественного надгробия в России. XI начало XX в., где много внимания уделено памятникам Москвы. Данные о советских художественных надгробиях в Москве и Ленинграде обобщены в книге В. В. Ермонской «Советская мемориальная скульптура», подготовленной издательством «Советский художник» и вышедшей в свет в 1979 г. Во введении к этой книге кратко суммировано написанное прежде и о дореволюционных надгробиях.

Некоторые надгробия признаются классическими образцами скульптуры. В советские годы это работы на Новодевичьем кладбище: И. И. Шадра (надгробия Е. Н. Немирович-Данченко, Н. С. Аллилуевой); В. И. Мухиной (надгробия М. А. Пешкова, Л. В. Собинова); выразительно надгробие живописца С. Герасимова работы Е. Ф. Белашовой, изображающее спящего юношу в состоянии полета, и др. Иногда памятником скульпторам становятся копии их же произведений (такие надгробия мы видим на могилах Е. Ф. Белашовой, С. Т. Коненкова на Новодевичьем кладбище; надгробие С. Т. Коненкова воспроизводит автопортрет и сделанное им кресло его гостинной). Некоторые памятники с уничтоженных кладбищ или созданные из материала, не могущего выдержать наши погод-

ные условия (например, из итальянского мрамора), становятся частью музейных экспозиций и воспринимаются как самостоятельные произведения искусства. Но ведь и самый впечатляющий скульптурный ансамбль статуи Микельанджело «Утро», «Вечер», «День», «Ночь» — это ансамбль гробниц Лоренцо и Джулиано Медичи в церкви Сан-Лоренцо во Флоренции!

Для специалистов в области социологии и социальной психологии интересна символика знаковых систем надгробий, особенно традиционного типа, а также подчеркивающих профессиональную деятельность умершего: изображение пера и книги на могильных памятниках писателям и ученым; нот и музыкальных инструментов — музыкантам; кистей — живописцам.

Интерес к некрополям, а точнее сказать, расширение круга кладбищ и лиц, которым придается значение достойных особой исторической памяти, — показатель устремления общества к историческому знанию и постепенной демократизации общественно-исторических взглядов. Растет понимание того, что внимания заслуживают не только «избранные» лица — государи, государственные и военные деятели, виднейшие созидатели культуры. Сегодня проявляется интерес к изучению «повседневности» жизни и деятельности обычных людей. Все это свидетельствует о всестороннем осмыслении взаимосвязи времен, обыденного и вечного, того, что жизнь и смерть всегда рядом, и где конец и начало различных форм нашего существования мы не знаем и, быть может, никогда не узнаем.

Неудивительно, что изучение некрополей всегда находилось в поле зрения краеведов. Эта тематика входила в программу дореволюционных краеведческих обществ (даже в рекомендациях составителям церковно-приходских летописей советовали отмечать сведения такого рода) и особенно тех, которые были образованы в первый послереволюционный период, называемый «золотым десятилетием» отечественного краеведения. Однако значительная часть собранных и даже подготовленных к печати материалов осталась неизданной. Более того, зачастую сведения о некрополях отсутствуют и в информационных изданиях краеведов. Об этом мы узнали лишь по опубликованным материалам о деятельности таких известных в 20-е гг. объединений, как Общество изучения русской усадьбы (о нем можно прочитать в недавно вышедшей статье Л. В. Ивановой (10) и сборнике статей «Старая Москва».

Члены общества «Старая Москва» выявляли и исследовали не только старинные захоронения, но и захоронения XVIII — начала XX в. В 20-х гг. при обществе работала особая комиссия (Комитет), регистрировавшая и охранявшая на кладбищах Москвы могилы выдающихся деятелей. Данные об этом содержатся в обзоре архива общества (хранящегося в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина), подготов-

ленном С. Б. Филимоновым. (Третье, дополненное, издание этой книги с указателями вышло тиражом 7000 экземпляров в в 1989 г. под грифами Археографической комиссии АН СССР и Советского фонда культуры (11). Часть документальных материалов, отражавших эту работу, оказалась в фонде Ольги Владимировны Сваричовской-Мамет, переданном в ЦГАОР Москвы; о ее фонде и коллекции открыток и газетных вырезок о прошлом и настоящем Москвы еще при жизни фондообразователя было написано в студенческой статье В. Ф. Козлова (12). Там сохранились методические материалы комиссии: Проект инструкции для работы на кладбищах по выявлению могил выдающихся людей, образцы «учетной карточки по описанию могил». В 1925/1926 гг. были составлены «Списки выдающихся лиц, погребенных на московских кладбищах» (содержащие данные и о тех кладбищах и отдельных захоронениях, которые теперь не существуют). Составлены были и «Списки декабристов, захороненных на московских кладбищах», там скопированы и некоторые эпитафии. Готовили альбом фотографий могил декабристов (негативы переданы были Мамет-Сваричовской в Музей революции). Части могил уже нет, или сохранились они в измененном виде, поскольку уничтожались не только кресты, но и сдавали в утиль и каслинское литье. Надо предпринять усилия к тому, чтобы найти эти материалы, важные не только для историков, но и искусствоведов (в частности, и знатоков прикладных искусств). Материалы, относящиеся к городским некрополям еще в 1919—1921 гг., имеются и в фонде одного из руководителей Комитета по охране могил выдающихся деятелей общества «Старая Москва» известного архивиста Н. П. Чулкова в ЦГАЛИ СССР.

Вообще выявление историографических данных о московском некрополе, создание свода этих сведений — первоочередная задача тех, кто сегодня проявляет серьезный интерес к такой значительной исторической и культурно-нравственной проблеме как «Московский некрополь». Это долг памяти по отношению к нашим предшественникам, особенно к тем, кто и в неблагоприятных условиях, не надеясь на прижизненное издание их трудов, отдавал душевные силы этому благородному делу.

Сегодня выясняется, что сделано уже немало, и следует самые широкие круги общественности познакомить с результатами этой работы и использовать их в нашей сегодняшней деятельности. Необходимо уточнить имеющиеся сведения, дополнить их. Поэтому главная задача — сведение воедино данных об архивных материалах по московскому некрополю и, прежде всего, о подготовленных в свое время трудах.

Более или менее известно о результатах работы по составлению Московского некрополя, которую в последние годы вели историки и любители под руководством живших еще тог-

да активистов ликвидированного на рубеже 20—30-х гг. вместе с другими краеведческими обществами России общества «Старая Москва». Эту работу поощрял академик Б. Д. Греков. Труды, касающиеся исследования некрополей, хранятся в архивах Института истории СССР АН СССР, Музея истории Москвы и Государственного Исторического музея. Но до сих пор, к сожалению, мало изучены личные фонды, а именно там обнаруживаются подчас очень ценные сведения.

Сейчас впервые более или менее детально изучена рукописная книга краеведа из подмосковного поселка Раменское Алексея Тимофеевича Саладина (1876—1918) «Прогулки по кладбищам Москвы», подготовленная им к печати в 1917 г.*. Это литературно подготовленные очерки о всех существовавших тогда московских кладбищах с рассказом о наиболее известных лицах, там погребенных, и описанием надгробий. Книга снабжена именным указателем и данными о наиболее ценных художественных надгробиях. Уцелела и небольшая часть фотографий надгробий, причем таких, которых уже не существует (13). Книга, написанная с большой искренностью, и сегодня читается с большим интересом. Следовало бы подумать об ее издании, сопроводив текст примечаниями о последующей судьбе надгробий и кладбищ. Это было бы хорошим начинанием Московского фонда культуры.

Выяснился и такой факт в истории московского некрополеведения: академик М. Н. Тихомиров, столь много сделавший для изучения прошлого Москвы, в 1956 г. выступил с инициативой подготовки труда о Московском некрополе, предполагая в первую очередь описать и изучить надгробия на территории Кремля и Китай-города. Его записка 1956 г. опубликована в «Археографическом ежегоднике за 1989 год».

О кладбищах, их состоянии, об отношении к надгробным памятникам в недавнее время написано немало. И это может стать темой особого обзора. (Соответствующие материалы уже подобраны видным библиографом истории отечественного общественного сознания И. Л. Беленьким). Важно отметить, что эта тема занимает должное место на страницах самых популярных газет и еженедельников, журналов и альманахов, где помещены как информационные статьи (в основном научные), так и полные тревоги публицистические очерки. Тема некрополей затрагивается и в материалах таких важных для ознакомления с прошлым и настоящим нашей культуры изданиях, как альманах «Памятники Отечества», издаваемый Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры (статьи М. Д. Артамонова, М. Т. Белявского и др.); журнал «Наше наследие», издаваемый Советским фондом культуры (статьи

---

* Подробнее об этой рукописи см. статью А. В. Иванкива «Забытые фотографии А. Т. Саладина».

В. Я. Лазарева, В. К. Кондратьева, В. О. Седельникова, С. Соловьяненко; подборка материалов о судьбе кладбищ Ленинграда), и др.

Небольшая, с болью в сердце написанная статья профессора Московского университета М. Т. Белявского «Охрана памятников, краеведение и проблема некрополей» была последним его сочинением (14). М. Т. Белявский являл собой пример профессора, приобщившего своих учеников к работе по составлению некрополей — отдельных кладбищ (прежде всего Новодевичьего) и сводного некрополя лиц, связанных по роду своей деятельности с Московским университетом. В этой посмертно опубликованной статье М. Т. Белявский сетует на то, что места захоронения и надгробия не отмечаются в путеводителях по городам, изданных для ознакомления с памятниками искусства, не указывается в биографических справках о выдающихся людях, где и на каком кладбище они обрели вечный покой.

Проблема «исторический некрополь», конечно, не может ограничиваться задачами научного характера. Это — сфера нравственной культуры. Забвение памяти об ушедших из жизни и местах их упокоения не может не тревожить тех, кто думает о будущем нашего общества, о возрождении нашего духа. Все больше раздается в печати, по радио, телевидению взволнованных голосов, призывающих пока не поздно обратить внимание на судьбу наших кладбищ, уберечь их от глумления, охранить их, обиходить — да, именно обиходить, ибо кладбища, встреча со смертью — и нас самих, и наших близких — это сфера нашего повседневного бытия.

Воспитание почтения к кладбищам должно входить необходимейшим элементом в воспитание историей. С малых лет! Младшие школьники должны — сначала под руководством учителей, а затем уже по зову сердца — ухаживать за памятниками, могилами. К этому следует приобщать и их родных. Это сблизит школу, родителей и учеников. И потому не может не вызывать уважения стремление молодых людей участвовать в экспедиции «Поиск» для установления имен погибших героев Великой Отечественной войны. В таких экспедициях не первый год участвуют студенты Московского государственного историко-архивного института. Им удается отыскивать не только останки, медальоны с именами погибших и производить их дальнейшее захоронение, но и устанавливать, по данным архивов, время их кончины, имена погибших соратников.

Конечно, собственно «исторический некрополь» такого огромного города, как Москва, не может включать все захоронения. Приходится ограничиваться определенным перечнем имен похороненных и художественно выполненных надгробий. Но необходимо где-то сосредоточить данные обо всей документации по кладбищам (и учреждениям, ими ведающим); система по-

лучения справок о захоронениях должна приобрести научную основу.

Наверное, стоит подумать и об организации деятельности советов при кладбищах, в которые входили бы не только лица, непосредственно связанные по своей работе с кладбищем, но и депутаты местных советов, члены советов ветеранов, священнослужители, представители местной общественности, молодежных организаций. Работа по составлению «Московского некрополя» должна строиться на основе тесных контактов с такими советами, с участием и при помощи его активистов.

Желающим творчески участвовать в работе по составлению Московского некрополя, а именно таких людей объединяет наша конференция, следует, обобщив опыт наших предшественников и опыт других городов (прежде всего таких, как Киев и Ленинград, где много внимания уделяется составлению некрополей), составить четкий план работы и предусмотреть методическую последовательность ее осуществления. Так, можно привлечь к этой работе и опытных специалистов-пенсионеров (педагогов, библиотечных, музейных, архивных работников и др.), и студентов, и тяготящую к гуманитарным знаниям школьную молодежь.

Научно-исследовательским институтом культуры уже опубликовано практическое пособие по выявлению и научному описанию надгробных памятников XVI — первой половины XIX в. Пособие издано в 1990 г., автор — С. Е. Компанец. Оно вполне может рассматриваться, на мой взгляд, как основа для диссертационной работы. Важно продолжить это удачное начинание: подготовить схожего типа пособие по памятникам второй половины XIX — XX вв., а также различные образцы описаний захоронений и, быть может, намогильных надписей и эпитафий (такие тексты вообще целесообразно копировать полностью).

Желательно подготовить для печати описания кладбищ, указатели памятников. Такие сведения могут охватывать и все чем-либо выдающиеся захоронения того или иного кладбища или, так сказать, по тематическому принципу: захоронения общественных и государственных деятелей, писателей, ученых и т. д.; или памятники, созданные такими-то мастерами искусств, и т. п. Можно попытаться подготовить путеводители сводного типа по нескольким кладбищам, исходя из того же «тематического принципа».

Такая работа, кстати, вполне окупится. В этом убеждает то, как быстро раскупают у входа на территорию кладбищ то, что издано о Ваганьковском и Новодевичьем кладбищах. Полученные средства можно будет использовать для дальнейшего расширения работы по охране и изучению Московского некрополя.

Полезно было бы свести воедино сведения о захоронениях ученых (и отдельно тех, кто связан с Академией наук СССР, другими академиями, с Московским университетом, вузами и т.д.), писателей, артистов, художников, ветеранов войны и т.д. И, сообщив эти данные в соответствующие учреждения, творческие союзы, советы ветеранов, поставить вопрос перед ними и перед местными советами народных депутатов о выделении средств на приведение в порядок могил и надгробных памятников.

В 1991 г. исполнится 150 лет со дня рождения великого историка и писателя В. О. Ключевского, а его могила на Донском кладбище до сих пор не приведена в порядок. Кто восстановит первоначальный облик захоронения? Московский ли университет, гордостью которого признавали знаменитого профессора? Академия ли наук, где он был ординарным академиком по Историко-филологическому отделению и почетным академиком по Разряду изящной словесности? Духовная ли академия, где он тоже был прославленным преподавателем?!

Примером в этой деятельности должны стать учреждения и творческие союзы, иначе все наши призывы к духовному обновлению общества, и особенно молодежи, останутся плачем вопиющих идеалистов в пустыне косности, равнодушия и стяжательства.

Работу по сохранению, описанию и изучению Московского некрополя добровольцы-энтузиасты не смогут успешно осуществить только своими усилиями, необходимы и денежные средства: для приобретения бумаги и фотопленки, перепечатывания и размножения материалов, издания брошюр, справочников и т.д. Кроме того, у разных людей различные возможности и степень специальной подготовки. Одним легче, интереснее обследовать сами кладбища, фотографировать или иным путем фиксировать состояние надгробий. Другим — изыскивать материалы в кладбищенских и государственных архивах. Некоторых привлекает собственно исторический круг вопросов или язык намогильных надписей, других — искусствоведческий аспект данной темы. Важно, чтобы все могли сообща делиться своими наблюдениями, тогда можно было бы создать некий фонд (или фонды), где сосредоточивались бы все имеющиеся материалы и указатели по некрополям.

Понятно, что это можно сделать только сообща, а координировать всю эту деятельность мог бы Московский фонд культуры. Пусть эта благородная задача станет одним из главных направлений его деятельности.

Литература

1. *Ключевский В. О.* — Соч. Т. VIII. — М., 1959. — С. 306.
2. Книжное обозрение. — 1988. — № 39. — С. 141—142.
3. *Солоухин В.* Похороны Степаниды Ивановны // Новый мир. — 1987. — № 9. — С. 130—140.

4. *Некрасов Н. А.* Стихотворения в трех томах // Библиотека поэта (малая серия). — Л., 1950. — Т. 1. — С. 207—208.
5. *Тургенев А.* Политическая проза. — М., 1989. — С. 240.
6. *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: семантика садово-парковых стилей. — Л., 1982. — С. 229.
7. *Соловьев Владимир.* Неподвижно лишь солнце любви... — М., 1990. — С. 110.
8. *Федоров Н. Ф.* Сочинения. — М., 1982. — С. 625—626.
9. *Сизов Е. С.* Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство. XVII век. — М., 1964. — С. 160—174.
10. Памятники Отечества. — М., 1989. — № 1. — С. 50—55.
11. *Филимонов С. Б.* Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. — М., 1989. — С. 18—19.
12. *Козлов В. Ф.* Фонд и коллекция О. В. Сваричовской — Мамет // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. — М., 1980. — С. 66—69.
13. *Иванкив А. В.* А. Т. Саладин и его рукописная книга «Прогулки по кладбищам Москвы» // Краеведение Москвы: научно-методические материалы в помощь краеведам. — М., 1990. — С. 96—99; *Он же.* Рукописная книга А. Т. Саладина «Прогулки по кладбищам Москвы» // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР. — МГИАИ. — М., 1990. — С. 154—158; «Свою любовь к Москве отдаю юному поколению». Алексей Тимофеевич Саладин. 1876—1918//Краеведы Москвы. — М. — 1991. — Вып. 1. — С. 156—166.
14. Альманах Отечества. 1989, № 1(19). — М., 1989. — С. 82—83.

Р. Р. Лозинский

ДИАЛОГ ПРОШЛОГО С НАСТОЯЩИМ

Одной из примет сегодняшнего дня является обращение к изучению памятников прошлого нашей Родины. Многочисленные объекты далеких веков, нередко забытые и заброшенные, выявляются, а затем научно исследуются.

Пытливый ум «следопытов истории» внимательно изучает объекты, имеющие не только общенациональное значение (например, «Слово о полку Игореве»), но и такие памятники, как сохранившиеся обрывки берестяных грамот в Новгороде, древние иконы, рукописные и старопечатные книги и рукописи. Ученые умы — академики и доктора наук, историки и краеведы скрупулезно исследуют отдельные страницы великой Книги Прошлого. В каждом городе или населенном пункте всегда найдется нечто новое, что приблизит и соединит нас с культурой минувшего.

Все большее значение приобретает изучение русских мемориалов в целом и особенно русской мемориальной скульптуры. Эта ценная и значительная область русского национального искусства все еще остается мало исследованной и недостаточно оцененной.

В художественной литературе и периодической печати благодаря выступлениям академика Д. С. Лихачева, доктора технических наук М. Д. Артамонова, доктора исторических наук М. Т. Белявского, историка О. А. Омельченко, писателя В. Лазарева, статьям и заметкам в местных газетах краеведов, а также публикациям многочисленных историков, произошли значительные сдвиги в деле популяризации культурно-исторического значения кладбищ и находящейся на них архитектуре малых форм.

Местные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры призваны

более активно выступать за сохранение памятных мемориалов и содержание их в должном порядке.

Для всех должны служить образцами для подражания некрополь Александро-Невской лавры и Пискаревского кладбища в Ленинграде, мемориалы Новодевичьего и Донского монастырей в Москве, места захоронений во Львове и многих городах Прибалтийских республик. «Кладбище является частью национальной и, более того, общенародной культуры, достойное их содержание — вопрос не только личного или эмоционального характера, но заключает в себе проблему большой значимости, носит социальный характер. Порядок содержания кладбищ свидетельствует о культуре жителей данного населенного пункта, раскрывает духовно-нравственное их состояние», — это высказывание принадлежит писателю В. Лазареву.

Интерес к своему прошлому заложен в каждом мыслящем человеке. Многие составляют свое «родословное древо». Предки чередой предстают перед нами, и сколько неожиданных встреч ожидает нас на этом пути. Здесь может и не быть гениев или знаменитостей, но интересные люди, безусловно, будут, их только надо найти.

Общим «родословным древом» для города или иного населенного пункта является кладбище, хранящее множество отдельных звеньев родословной человечества. Надо только уметь составить стройную последовательную цепочку живших прежде нас, создавших духовные ценности прежних веков.

По мере распространения христианства возникла необходимость организовывать мести́ общего захоронения усопших членов данной общины. Храм, являвшийся центром верующих христиан — в нем крестили, благословляли на всех этапах жизни, венчали, напутствовали в болезни, отпевали — становится центром, вокруг которого почивали усопшие его духовные чада.

Кладбище — не только место погребения усопших, в это понятие вложено нечто большее. Филологический разбор слова КЛАДБИЩЕ открывает совершенно иное содержание и дает ему другое толкование.

В основе лежит корень:

КЛАД: производные слова — «класть, кладу» — указывают на содержание, выражают сущность кладбища; «клад» — это сокровище, сокрытое до времени от глаз живущих.

Оба суффикса **«Б»** и **«ИЩ»** с окончанием «Е» показывают на совокупность элементов в одном определенном месте (**лежбище,** стой-**бище**).

Суффикс «**ИЩ**» с окончанием «**Е**» указывает на древнее происхождение слова. Такие же суффиксы и окончания сохранились в древнерусских словах. Например, в начале XII в. в Новгороде княжеский двор проживал на «Ярославском ДВОР**ИЩЕ**»; купля-продажа совершалась на ТОРЖ**ИЩЕ**;

место пожара называлось ПОЖАР**ИЩЕ**; загороженное место именовалось ГОРОД**ИЩЕ**.

Следовательно, кладбище — это место нахождения скрытого богатства, «кладов», концентрации их на определенном участке земли. Конечно, «клад» здесь надо трактовать не как нечто материальное, вещественное, а как сокровища духовного порядка. До конца понять исключительное значение кладбища, его ценность может только тот, у кого на кладбище погребен близкий, родной человек, частица собственного «Я». Посещая могилу, знаем, что погребенный обратился в прах, его материальная оболочка разрушилась, но память о нем, его духовный образ продолжает жить в нашей душе. Особенно это чувствуется на братских могилах, где нашли себе вечный покой герои духа, защитники Родины. Их нет физически, но подвиг их не подвластен времени, продолжает жить и властно призывает следовать их примеру и в жизни, и в смерти. Могилы героев — это подлинные клады духовных ценностей.

Во все времена места захоронений почитались священными — они свидетельствовали о бренности всего земного, именно у могил происходит переоценка многих духовных ценностей. Кладбище — лучшее место для размышлений. Здесь, несмотря на видимое торжество смерти и тления, с особой остротой воспринимается жизнь, ее идеалы.

Мемориальное искусство охватывает все творческие области человеческого бытия и является выразителем чувств человеческих. Поэты и писатели слагают в память об ушедших стихи; скульпторы, художники в камне или бронзе выражают благодарность и любовь к усопшим. Происходит диалог между живыми и мертвыми.

Живые ставят памятники умершим — это их дань покинувшим землю, знак любви и уважения к ушедшим.

Мертвые через надгробия обращаются к живым, напоминают им о себе, посредством немого, но выразительного языка камня подтверждают живущим завещание идеалов своей жизни, а нередко и смерти.

Родным не безразлична судьба тела умершего. Еще за много тысячелетий до Христа делали попытки сохранить тела усопших: богатых бальзамировали, а бедным намащивали тело маслом и зарывали в песок, где они сохранялись продолжительное время. Тела погребались в пещерах или сооружаемых каменных гробницах.

Библия, говоря о местах погребений усопших, допускает их двоякое значение: 1) как конкретное место захоронения (например, книга Бытия (50:5; 1 царство 13, 21; Евангелие от Матфея 28:1; от Луки 23, 55); 2) «гроб» как обозначение (синоним) смерти (Бытия 42, 38; Иеремии 20, 17; Псалом 5, 10, 6:6).

Величие тайны смерти налагало отпечаток на ритуальные обряды проводов усопшего в последний путь. Реальность утраты растворялась в мистическом толковании действительности.

Представления о существовании потустороннего мира в христианстве получают духовно-нравственные черты. Места погребений христиан в катакомбах отличались от подобных захоронений язычников и иудеев, носивших личный или семейный характер. Христианские катакомбы устраивались в виде больших некрополей, состоявших из множества камер, соединенных между собой и предназначенных для всех христиан. Тесно сплоченной общине живых сопоставляется община умерших; принципиальному равенству в жизни соответствует и равенство в смерти. Стены катакомб покрывались священными надписями, изображениями (чаще всего Доброго Пастыря, христианскими символами, например, Рыбы — ихтиос — *греч.*, обозначавшей Христа), светильниками. День кончины мученика назывался днем его рождения, вхождения в жизнь вечную. Главное санкраментальное значение гробниц в катакомбах состояло в том, что на них совершались богослужения. Эта традиция сохраняется до наших дней.

Умеем ли мы читать язык старых надгробий, понимать их содержание? Ведь за каждым памятником или плитой стоит человек, жизнь которого таит много поучительного, нередко драматического.

Ключом к пониманию надгробий являются эпитафии. Изучение эпитафий открывает возможность для разнообразных и глубоких исследований. Происходит знакомство не только с личностью погребенного человека, но и представляется материал для понимания эпохи, социальных условий, мировоззрения умершего. Многие надгробия способны возбудить интерес к личности почивших, желание больше о них узнать, ставят вопросы, требующие детального изучения по источникам внекладбищенской информации. Каменная резьба кладбищенских надгробий — это сокровищница мудрости, утверждение бесспорной логики жизни и смерти. Большинство эпитафий выражает истины, выстраданные в муках, но несущие облегчение и успокоение, это каменные страницы народной, веками проверенной мудрости, требующие бережного к себе отношения. Скорбь и надежда, сила духа, философское отношение к самой смерти, уверенность в продолжающемся общении — все это запечатлено в образном языке эпитафий.

Старинные надписи и резьба каменных надгробий дает нам следующую информацию:

1. О лицах, нашедших покой в недрах кладбища. Сведения о погребенных нередко даются в пространной форме: сообщаются не только даты рождения и смерти, но и сколько лет и даже дней прожил умерший, иногда приводится час кончины (1). Эти сведения придают эпитафиям особую интимность и за-

душевность. На основании надписаний надгробий можно составить статистические сведения о социальном положении погребенного, определить количественное соотношение отдельных классов общества.

2. Библейские цитаты приводятся для удостоверения веры в загробную жизнь, бессмертие души, являются утешением для близких в их горе (2).

3. Слова утешения и наставления являются наиболее выразительными и живыми в происходящем диалоге живых и мертвых, они нередко передаются в стихотворной форме (3).

Символическо-аллегорические изображения по своему содержанию встречаются двух типов:

Общепринятые символы:

кресты различной конфигурации; *головки ангелов, равносторонний треугольник* — символ вечности и Триединого Бога; *венки и пальмовые ветви* — ими в древности награждали победителей; *череп* (согласно древнему преданию Иисус Христос был распят на месте погребения Адама; под крестом нередко изображается череп под названием «голова Адама»). Позже череп стали изображать без связи с крестом, отдельно, он стал символом бренности всего живущего. Черепа изображали различно: в анфас, в профиль. В Ленинграде, в некрополе Александро-Невской лавры, сохранилось изображение двух смеющихся черепов, вылитых из чугуна (4). Тульские белокаменные саркофаги часто изображали череп как символ. Например, ребенок («путти») держит в руках череп; молодая женщина указывает рукой на череп. Кости изображались под крестом или черепом в скрещенном виде или воткнутыми в землю вертикально, параллельно кресту.

Виноградная лоза, кисть винограда — символы Евхаристии, радости, единения. В виноградной лозе сокрыта глубокая тайна, она является синонимом мира и благоденствия.

Редкоупотребляемые аллегории:

«Всевидящее око» — на многих тульских надгробиях встречается соединение двух древних символов: треугольник и глаз, носящие название «Всевидящее око»; акцентируются свойства Божества — его вечность, Триединство, всезнание, всевидение.

Песочные часы с крыльями, книга с крыльями — аллегорическая композиция, символизирующая быстротечность жизни. Книга жизни и часы с крыльями указывают на краткость человеческой жизни. «Годы проходят быстро, и мы летим» (Псалом 89: 10).

«Рог изобилия». В древнегреческой мифологии повествуется: коза Амалфея вскормила Зевса. Греки считали, что рог обладает волшебным свойством давать в избытке пищу и питье его владельцу. Позже рог стал символом источника изобилия и богатства: среди богатого растительного орнамента — среди

цветов лотоса и винограда (изображения на двух надгробиях неизвестных лиц 40—60-х гг. XIX столетия, Всесвятское кладбище.). На каждом саркофаге высечено по два рога. Какое отношение рог изобилия имеет к погребенным, сказать трудно. Может быть, они были в жизни богатыми и щедрыми к неимущим?

«Факел». Поверженный факел является символом угасшей жизни. В начале XIX в. на русских надгробиях часто фигурируют крылатые гении или одинокие плакальщицы — они опираются на урну, а у ног лежат цветы и дымящийся факел. В Туле, на Всесвятском кладбище, на фронтоне надгробия неизвестному (1810—1820 гг.) изображены два перекрещивающихся, опущенных книзу факела (7) (№ 11)*.

«Птица». На западной стороне саркофага неизвестного (50—60-е гг. XIX столетия, Всесвятское кладбище) изображен ангел, держащий в правой руке крест, а в левой птицу (№ 4). В данном случае птица является символом души человеческой. Значение изображенного: ангел-хранитель охраняет крестом душу человека.

«Символическая фигура». Молодая женщина держит в руке книгу с крыльями, а другой указывает на череп (№ 6). В другом варианте молодая женщина с цветком в руке указывает другой рукой на череп (№ 49). Значение: и в цветущих годах следует думать о смерти — жизнь как цветок увядает, а Книга Жизни, как на крыльях, улетает (Всесвятское кладбище).

«Печать Соломона». По преданию, царь Соломон владел чудесным перстнем, с помощью которого он мог укрощать демонов, он покорил их главу Асмодея, стал помогать Соломону строить иерусалимский храм. Непонятно, почему шестиконечная (сионская) звезда была высечена на надгробии (№ 5) Евграфа Петровича Пальцева (1825—1895 гг.?). Может быть, он был связан с массонами? (Всесвятское кладбище).

«Семь сросшихся обрубленных стволов».

Вероятно, символизируют рано умерших детей купца М. Долгова (№ 17). Вокруг более крупного обрубка (отца) соединены шесть меньших (дети), но корень у них один, общий.

Подражание геральдическим знакам:

Имея образцы гербов, изображавшихся на надгробиях князей и дворян, камнерезы Москвы, Петербурга и Тулы создавали на могилах лиц недворянского происхождения подражания (имитацию) резьбе белокаменных саркофагов. Надгробиям незнатных людей придавались великолепие и значимость. Надгробия приобретали видимость старинных, знатных гербов: корона заменялась венцом (символ награды за добродетельную жизнь); щит изображался с помощью драпировки (мантии), в центре которого находились инициалы (вместо вензе-

* Здесь и далее в скобках указаны номера надгробий.

ля!) погребенного или информация о его личности, дата рождения и смерти. Особенную торжественность всей композиции придавали два ангела, державшие высоко в руках венец. Такие надгробия встречаются в Москве, в некрополе Донского монастыря (8).

Живописные сюжеты, выполненные в камне:

Кроме небольших одиночных изображений (головки ангелов, черепа и т. п.), тульские надгробия сохранили до нашего времени многофигурные сюжеты и сложные композиции, исполненные на камне, имитирующие (реже копирующие) иконописные образцы или картины известных живописцев.

Примером «перевоплощения» живописи в каменные формы мемориальной скульптуры могут быть:

Барельеф *«Святая Троица»,* выполненный в стиле икон «Отечество», распространенных во второй половине XVII в. Каменотесы середины XIX в., находясь под влиянием живописцев XVIII в., внесли в композицию барельефа характерные особенности своего времени: фигуры расположены асимметрично; одежды, словно в космическом вихре, развиваются. В центре крупным планом изображена сфера (Земля, космос?) — главная цель и задача всего домостроительства Святой Троицы. К сожалению, барельеф дошел до наших дней сильно разбитым и многое можно только предполагать (отбита рука Бога-Отца, благословляющего сферу; отсутствуют головные уборы и изображение голубя в центре). Христос в правой руке держит Евангелие, левой — указывает на него.

«Бог Саваоф».

Это редкое в скульптуре и живописи (в иконописи запрещенное!) изображение одного только лица Святой Троицы. Исполнено в стиле Густава Доре: глубокий старец снят по пояс с воздетыми кверху благословляющими руками. Барельеф плохо сохранился — почти все выступающие части сбиты.

«Христос на кресте с Предстоящими» (№№ 2, 18, 23, 28, 31, 44).

Часто встречающееся в живописи изображение Распятого Христа и стоящих вокруг Богоматери и апостола Иоанна Богослова. В основе сюжета лежит повествование Евангелия от Иоанна (главы 19, 25—27).

Деисус» (№ 6).

Греческое слово, в переводе означает «моление». На иконах чаще всего изображают Христа на троне и стоящих по бокам Богоматерь и Иоанна Крестителя в молитвенном положении. В иконографии Деисусом называют или одну икону с тремя фигурами, или три отдельные иконы с теми же изображениями, а иногда целый многоярусный иконостас. В Туле на саркофаге В. А. Суетиной Богоматерь изображена со свитком в руке, а Иоанн Креститель с хоругвей — знаками их молитвенного ходатайствования и победы над грехом.

«Христос на престоле в царской одежде и с регалиями» **(№ 6).** Данная резьба на камне основана на иконах «Христос — царь славы» и «Царь царей». Эти иконы в XVIII в. камнерезы могли видеть в иконостасе Тульского Успенского собора в Кремле и во Всесвятской кладбищенской церкви.

«Моление о Чаше» (№ 62).

В основе композиции лежат Евангельские повествования: о молитве Христа в Гефсиманском саду; о явлении ангела Христу во время молитвы; образные слова Христа о предстоящей ему чаше страданий. Каменный барельеф «Моление о Чаше» повторяет картину немецкого художника Гофмана, объединившего все три Евангельских повествования в одну картину. Подобный сюжет в своей картине повторил Ф. Бруни.

«Христос благословляющий» (№№ 5, 21, 30, 40).

Частое изображение на каменных саркофагах. В большинстве случаев Христос изображен с атрибутами царской власти: державой и скипетром, нередко внизу фигуры помещены облака.

«Архангел Михаил» (№ 38).

Скульптурное изображение молодого, изящного телосложения воина. В правой руке он держит опущенный меч, а в левой — щит. Облачен в древнерусский воинский костюм с кольчугой и плащем. Изображение помещено в арочной нише на обелиске из белого камня.

Ангел с крестом и цветком» (№ 11).

Фигура ангела отличается гармоническими пропорциями и красотой. Под легкими одеждами обрисовывается изящное тело сидящего ангела, в правой руке он держит большой крест, а в левой — цветок. Над профилированной овальной рамкой высечены большой бант, а по углам фасада четыре восьмилепестковых цветка.

«Плакальщица».

У древних народов был обычай выражать скорбь по умершим обильными слезами и воплями. Были даже особые женщины, которых нанимали за плату, и они создавали необходимую обстановку проводов в последний путь. Образ этих женщин-плакальщиц нашел свое отражение в искусстве. Наиболее древний и яркий образец изображения плакальщиц сохранился с гробницей египетского города Мемфиса (эпоха «Нового царства», около 1341 г. до н. э.). Из античного искусства образ плакальщицы в XVIII в. через Западную Европу был перенесен в Россию (5). Например, в Туле белокаменные саркофаги с изображениями плакальщиц имеют несколько композиционных вариантов: плакальщица одна (7) или с ребенком (11); она опирается на урну (№ 3, 31, 49, 64) или на дерево (28); опорой может быть жертвенник с воскуряемыми благовониями (№ 11). Ребенок рядом с плакальщицей; неподдельный драматизм и теплота изображения позволяют предполо-

жить, что тульские камнерезы изображали не наемных (платных) плакальщиц, а скорбящую жену или мать усопшего, вернее, символический образ страждущей женщины.

Сравнивая изображения плакальщиц мемориала Донского монастыря в Москве с подобными на Всесвятском кладбище в Туле, следует отметить, что последние выполнены на более высоком художественном уровне. Московские камнерезы помещали плакальщиц в ниши (3), а в Туле плачущие женщины иногда изображались даже в плоских медальонах — картушах.

В богослужебных книгах Православной Церкви тело каждого умершего православного называется МОЩАМИ (см. Требник гл. 17 — «Последование мертвенное мирских тел»). Мощи — одного общего корня: МОЩЬ (мочь) = СИЛА, в более широком понимании КРЕПОСТЬ. Конечно, здесь понимается сила не физическая, а духовно-нравственная, та сила, проводником которой когда-то был усопший. Православная церковь учит, что святые были помощниками не только людей во время своей земной жизни. Их духовная энергия (мощь!) является источником, действующим и после их кончины. Эта взаимная связь лежит в основе молитв, призывания святых, почитания их мощей и икон.

Самая главная служба — Литургия — может совершаться на освященном Антиминсе — плате с изображением положения Христа во гроб и вшитой частицей мощей святого.

Жизнь каждого человека ограничена его рождением и смертью. Это две непостижимые для ума тайны: начало физической и духовной жизни в утробе матери и отделение души от тела при кончине человека. Тайна зачатия нового существа происходит сокровенно, а таинство смерти имеет свидетелями многих. Живой деятельный организм теряет свою активность. Существо личное, обозначаемое местоимением «Я» приобретает другое значение, обозначаемое местоимением третьего лица («ЕГО» прах, «ЕГО» память). Таинство смерти определяет отношения между живыми и умершими.

Примечания

1. На саркофаге М. Г. Добрыниной сказано, что она преставилась «1797 году февраля 3 дня в шестом часу пополудни (Генплан № 34).

О К. Е. Добрынине упомянуто, что он был «некорыстолюбивым человеком и страдал болезнию один год и 10 месяцев» (Генплан № 33).

2. Чаще других приводятся слова благоразумного разбойника: *«Помяни мя, Господи, когда приидешь в царствие Твое»*.

3. Примеры эпитафий на памятниках Всесвятского кладбища: *«Спи милое дитя, утеха матери и отца, со временем и мы последуем* (№ 66).

«Здесь тихая могила прах младенческий взяла, любовь ея сразила, а дружба погибла» (№ 63).

«Достойному отцу — признательный сын» (№ 12).

Надгробие профессора Киевского университета П. М. Покровского гласит:

«Горе университета св. Владимира
разделят все, кому действительно
дорога русская наука и успехи
отечественного просвещения (№ 22).

Надгробие тульского оружейника А. Д. Лютикова:

«Творец, благодарю Тебя
За жизнь, дар временный и скудный,
За жизнь, в которой Промысел чудный
Открыл бессмертие для меня».

Полный текст эпитафии приведен на могиле кн. Г. Гагарина (1807), сокращенный на многих саркофагах:

«Прохожий! Ты идешь, но ляжешь, так как я.
Постой и отдохни на камне у меня.
Взгляни, что сделалось с тварью горделивой?
Где делся человек? И прах зарос крапивой!
Сорви ж былиночку и вспомни обо мне.
Я дома, ты — в гостях, подумай о себе».

4. Обелиск Пуколовых, начало XIX в. Помещая на могиле смеющиеся черепа, их создатель сделал попытку совместить трудносопоставимое: горе смерти и спокойное философское отношение к утрате. В этом выражено отношение русского человека к смерти — отсутствие ужаса и страха.

5. *Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф.* Русская мемориальная скульптура. — М., 1978. — С. 67; Искусство Древнего Египта. — М., 1972. — С. 25.

6. *Аренкова Ю. И., Мехова Г. И.* Донской монастырь. — М., 1970.

7. Надгробия Александро-Невской лавры в Ленинграде (№ 123, 124); Донского монастыря в Москве (№ 67); в Архангельском (№ 196); на Всесвятском кладбище в Туле (№ 11) (надгробие неизвестного, 1810—1820 гг.).

8. Некрополь Донского монастыря в Москве (№ 17, 30); Всесвятское кладбище в Туле (№№ 1, 36, 57, 63).

Л. В. Иванова,
доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник Института истории
России, РАН

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Время и люди создают, но они же и уничтожают некрополь как вещественную память о наших предках — так кратко можно охарактеризовать судьбы некрополя на протяжении восьми с половиной веков истории Москвы. Изменялось не только отношение к захоронениям, менялась и соответствующая терминология: наши предшественники говорили о гробницах, нивах божьих (кладбищах), погостах, достопамятностях; а с конца XIX в. крупные городские кладбища стали называть некрополями. В 1913 г. известный знаток Москвы Н. А. Скворцов дал определение науки, изучающей «всякого рода памятники московской древности», от «святынь» (икон) и храмов до гробниц как «археологии Москвы» (1). Ныне изучением некрополя занимаются представители разных наук: историки, археологи, искусствоведы. Однако и сегодня нет полной библиографии (2) и тем более историографии по Московскому некрополю. Все это затрудняет нашу задачу — впервые попытаться дать общий обзор истории изучения некрополя Москвы.

Первыми страницами в этой истории следует, по-видимому, считать летописи, повествующие о могилах великих московских князей и митрополитов в соборах Кремля. Профессиональная историография по некрополю появляется в XVIII в. Для характеристики обширной дореволюционной литературы ее можно условно представить четырьмя группами: 1) труды по истории московских монастырей и храмов; 2) работы по изучению надгробных памятников и надписей; 3) путеводители по московским достопамятностям; 4) литература по кладбищам Москвы.

Важный вклад в изучение некрополя внесли историки и москвоведы Н. П. Розанов, Н. А. Сквор-

цов, И. М. Снегирев, И. Е. Забелин, И. Ф. Токмаков, А. А. Мартынов, В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский, В. В. Шереметевский, великий князь Николай Михайлович. Вместе с тем необходимо отметить большую роль авторов-священнослужителей, среди которых были люди с учеными званиями и простые настоятели храмов. Например, архимандрит Григорий (Иван Воинов), профессор богословских наук, настоятель ряда московских монастырей. В частности, ему принадлежат труды, содержащие описание некрополей Высокопетровского и Спасо-Андроникова монастырей (3). Здесь следует назвать также работы Иосифа (Ивана Левицкого), Ювеналия (Воейкова), Н. Кедрова (4) и др.

Книги и статьи по истории московских монастырей и храмов — самая многочисленная группа изданий, в которых мы находим сведения по некрополю. Уже первые издания: «Роспись московских церквей...» (1778 г.), «Историческое известие о всех церквах столичного города Москвы... словарем расположенное» Л. М. Максимовича (1796 г.), историческое описание Успенского собора протоиереем А. Г. Левшиным (1783 г.), «Древняя Российская Вивлиофика», издаваемая Н. И. Новиковым в 1770—1780-х гг., дают ценнейший материал об исторических захоронениях.

Литература, посвященная монастырям, как правило, всегда содержит описание некрополей. Интересные материалы мы находим по Новоспасскому (автор Ювеналий, 1802 г.); Высокопетровскому (И. З. Крылов, 1841 г., Григорий, 1874 г.); Богоявленскому (И. М. Снегирев, 1864 г.); Донскому (И. Е. Забелин, 1865 г.); Златоустовскому (Григорий, 1870); Крестовоздвиженскому (Н. Кедров, 1893 и 1903 гг.) монастырям. Так, описание некрополя Богоявленского монастыря содержит тексты всех 143 надгробных надписей XVII—XVIII вв., сохранившихся к 1864 г.

Книги о московских храмах менее информативны. Это объясняется тем, что они создавались в основном во второй половине XIX в., когда были почти полностью утрачены наглядные приметы былых приходских кладбищ при церквах. Со времени Указа Петра I от 12 апреля 1722 г. надгробные камни на приходских кладбищах опускались вровень с землей или использовались для церковных строений, а с 1771 г. захоронения в городе были вообще запрещены. И тем не менее книги о церквах сохранили немало ценных данных о захоронениях в храмах или вокруг них. Назовем лишь работы И. Ф. Токмакова о церкви Введения на Лубянке («Московская старина», вып. 1, 1889); Л. Любимова и А. Соколова «Церковь св. пророка Илии, что слывет Обыденный» (1904 г.); А. И. Успенского о церкви Николая на Берсеневке[1].

К примеру, от автора исторического описания слободского

[1] См.: Московская церковная старина. — Т. 3. — Вып. 2. — 1906.

храма XVII века Н. Л. Дружина (5) мы узнаем, что в приходе церкви Троицы на Шаболовке был дом семьи протопопа Аввакума, его вдова Настасья Марковна похоронена в 1710-х гг. на прицерковном кладбище, и ее надгробная плита еще сохранялась в XIX в.

Особым вниманием издавна пользовались и специально изучались надгробные надписи. Церковные власти много раз обращали внимание на необходимость их сохранения и точной фиксации. Так, Указ Синода 1773 г. предписывал священникам сообщать о всех надписях на могильных плитах. В «Древней Российской Вивлиофике» в числе древностей особо были выделены надгробные надписи во многих московских храмах и монастырях. Л. М. Максимович в «Путеводителе к древностям и достопримечательностям московским...» (изданном в четырех частях в 1792—1793 гг.) дал текстуальное воспроизведение многих сотен надмогильных надписей. Например, в Донском монастыре отмечены 522 захоронения, в Богоявленском — 143.

Наиболее широко вел работу по изучению надписей А. А. Мартынов. В 1895 г. на страницах «Русского архива» он опубликовал обширный труд «Надгробная летопись Москвы» (6). Им были зафиксированы и воспроизведены около 500 надписей в 94 московских храмах. По его свидетельству, к тому времени сохранилось гораздо больше надписей, но многие из них были скрыты киотами или побелкой и штукатуркой. Труд Мартынова и сегодня является уникальным источником для изучения Московского некрополя. Особенно важны его сведения по снесенным в 20 и 30-е гг. церквам. Например, из надгробной надписи мы узнаем, что «думной дворянин и печатник благоразумен» Евстигней Минич Башмаков, трудившийся 72 года, построил в 1705 г. храм Похвалы Богородицы, что потом звался «в Башмакове». В церкви Григория Богослова на Дмитровке с надгробной медной доски был списан длинный, в пять современных книжных страниц текст, повествующий о жизни и деяниях генерал-фельдмаршала А. Б. Бутурлина (1704—1767) и о его роде.

Работа А. А. Мартынова так и осталась непревзойденной, хотя по отдельным храмам делались попытки дать более полную картину захоронений. В. К. Клейн в 1905 г. издал «Надписи на гробницах в церкви Николая на Столпах», где поместил планы размещения и тексты 34 надгробных плит и 6 гробниц (у Мартынова зафиксированы лишь 28 надписей) XVII—XVIII вв., в том числе известных исторических деятелей — А. С. Матвеева, Милославских, Сумароковых.

В книге И. З. Крылова «Достопримечательные могилы в Московском Высоко-Петровском монастыре» (1841 г.) были даны надписи и план размещения гробниц Нарышкиных, родственников Петра I. Но спустя 33 года архимандрит Григорий

уточнил и дополнил данные Крылова, сообщив о всех сохранившихся надгробиях на территории монастыря (7). Его работа представляет определенный, имевший известное распространение тип издания — списки настоятелей московских монастырей, среди которых многие были похоронены в этих монастырях.

Еще один тип издания демонстрирует книга «Особы великокняжеской и царской фамилии, в бозе почивающие в Московском Вознесенском девичьем монастыре» (1902 г.), в которой не только воспроизведены все сохранившиеся надмогильные надписи, но и описаны памятники 35 женщинам и девицам из родов Рюриковичей и Романовых. Такие же описания имеют захоронения остальных кремлевских соборов (8).

Наряду со строго научным изучением надгробий (наивысшим достижением в этой области считаются работы В. Н. Щепкина, публиковавшиеся в «Отчетах» Исторического музея в 1906 и 1911 гг.) предпринимались попытки показать нравственное значение текстов надмогильных эпитафий. В 1834 г. А. Орлов выпустил книгу «Надгробные надписи из всех монастырей и со всех кладбищ московских». Автор задался целью передать потомкам все лучшее, высокое, духовное в облике ушедших от нас людей; он отобрал «по чувству души и по великости идей» тексты эпитафий на десяти московских кладбищах (61 текст), в основном стихотворные.

Уже первый путеводитель «Описание Императорского столичного города Москвы», составленный В. Г. Рубаном в 1775 г. и напечатанный в 1782 г., содержал в себе специальный раздел: «Известие о кладбищах, или о местах определенных для погребения умерших в Москве». Здесь сообщалось об Указе Синода от 24 мая 1771 г., по которому за городом отводились особые места для захоронений и создавались таким образом первые общегородские кладбища — Даниловское, Дорогомиловское, Ваганьковское, Миусское, Калитниковское и Пятницкое. Каждая из 14 полицейских частей Москвы хоронила на одном из этих кладбищ.

Начиная с этого издания, практически все дореволюционные путеводители по Москве отмечали в числе достопамятностей могилы известных деятелей и представителей знатных родов в московских соборах, храмах и монастырях, на кладбищах. Среди многочисленных путеводителей XIX в. следует особо выделить книгу И. К. Кондратьева «Седая старина Москвы. Исторический обзор и полный указатель московских достопамятностей...» (1893 г.).

В начале XX в. путеводители стали давать более полные описания некрополя. Путеводитель «По Москве и ее окрестностям» И. Ф. Горностаева и Я. М. Богуславского (1903 г.) ввел специальный раздел «Могилы русских писателей». «Путеводитель по Москве» 1905 г. (авторы А. Крот и Н. Д-к), давая

сведения о монастырских кладбищах, сообщал ценные сведения о Симонове монастыре — ориентиры расположения могил Д. В. Веневитинова, писателя М. Невзорова (с текстами надписей), представителей дворянских и купеческих фамилий. Особенно обширно описание Ваганьковского кладбища — здесь подробно рассказано о могилах актеров, памятниках. А в одном из последних и лучших путеводителей, изданном в 1915 г. Обществом распространения технических знаний, появились две статьи о кладбищах: о Рогожском — исследователя старообрядчества В. Е. Макарова и о московских кладбищах в целом — историка К. В. Сивкова. Последний, помимо очерка истории, дал перечень 125 могил известных деятелей России на 22 московских кладбищах. Интересны и общие суждения историка о резких социальных различиях кладбищ Москвы, о необходимости поиска старых могил по печатным источникам в связи с их плохой сохранностью, о высокой художественной ценности надгробных памятников Богоявленского, Донского и Спасо-Андронникова монастырей.

Наконец, скажем о небольшой группе книг и статей, посвященных городским кладбищам. В 1868 г. вышла книга Н. П. Розанова «О московских городских кладбищах». В ней впервые были собраны и обобщены правительственные и церковные указы, регулировавшие, начиная со времени Петра I, порядок захоронений в Москве. В 1869 и 1870 гг. автор подробнее изложил этот вопрос в «Истории Московского епархиального управления со времени учреждения св. Синода (1721—1821)». Н. П. Розанову принадлежит первенство в освещении истории открытия после 1771 г. городских кладбищ и их развития.

Эту единственную общую работу о кладбищах Москвы дополняют несколько книг по отдельным кладбищам. Довольно значительна литература по старообрядческим — Преображенскому и Рогожскому — кладбищам, основанным в 1771 г. (9). Правда, собственно некрополю в ней уделено скромное место, а основное содержание составляет история старообрядчества. В 1893 г. вышла основательная работа священника В. Остроухова «Московское Лазарево кладбище. Историческое исследование, составленное на основании имеющихся в кладбищенской церкви разных документов». Здесь изложена история (до 1893 г.) первого, основанного в 1750 г. городского кладбища. Интересна композиция книги: тут и старая история местности, и история учреждения в Москве Убогих домов, и изложение порядка погребений, начиная с XVII в. На основе документов, хранящихся в церковной ризнице, автор дал характеристику жизни и деятельности кладбищенского духовенства, рассказал о храмоздателях — именитых московских купцах Долговых, о вкладчиках, похороненных тут же, о церковных строениях и надгробных памятниках. В приложениях — сведения о церковных доходах и вкладах на поминовение, о числе погребен-

ных, о кладбищенских синодиках и т. д. И хотя автор считал свою работу лишь попыткой, путем к солидному исследованию, книга на деле стала одним из первых серьезных изданий по истории кладбищ Москвы.

Продолжением подобных изысканий стала, к сожалению, только одна книга — «Московское городское Братское кладбище», изданная С. В. Пучковым (1915), главным врачом Александровской больницы и одним из организаторов последнего предреволюционного некрополя. Созданное по инициативе великой княгини Елизаветы Федоровны это кладбище неофициально называли «кладбищем молодых», так как тут хоронили участников войны 1914 г. «Положение» о Братском кладбище назвало его «Всероссийским памятником Великой войны». Небольшая по объему книжка обладает рядом достоинств: четким планом, документированностью, показом большой роли общественной инициативы и благотворительности в создании ансамбля кладбища. Списки похороненных, иллюстрации дополняют текст книги, которая могла бы служить образцом для написания истории других кладбищ, но, увы, оказалась последней.

Интерес к изучению Московского некрополя всегда содержал помимо исторического глубокий нравственный аспект. Пробуждение уважения к памяти предков, «любви к отеческим гробам» считалось важной задачей, ибо факты небрежения к могилам проявлялись и в прошлом. Об этом писали и священнослужители, и ученые, и журналисты. Сошлемся на известные имена Ю. И. и З. И. Шамуриных, опубликовавших на страницах прекрасно изданного иллюстративного труда «Москва в ее прошлом и настоящем» (вып. 8 и 10, 1911 г.) статьи о московских кладбищах и могилах известных людей.

Именно Ю. И. Шамурину принадлежит первенство художественного анализа московских надгробий, сохраняющего ценность и в наши дни. В числе первых о возобновлении и сохранении могил артистов на Ваганьковском кладбище писал на страницах «Исторического вестника» в 1893 г. А. Ярцев. Им, по-видимому, впервые поставлен вопрос о роли общественности в охране некрополя (10), в данном случае — Общества для пособия нуждающимся сценическим деятелям в Москве и Петербурге.

С точки зрения нравственно-воспитательной представляет интерес и то, какое место тема некрополя занимала в художественной литературе и публицистике XIX в., которые, как и церковь, помогали формировать общественное мнение. И здесь, безусловно, огромное влияние оказывал Н. М. Карамзин. Во всех слоях общества находила отклик его «Записка о московских достопамятностях» (1817 г.), в которой он к числу первейших достопамятностей отнес «гробы древних московских святителей, митрополитов и патриархов» в Успенском соборе

и захоронения государей в Архангельском соборе. О них он говорил: «Вот святилище истории российской! Сии безмолвные гробы красноречивы для того, кто, смотря на них, вспоминает предания Московских летописей от XIV до XVIII столетий. Тут искал я вдохновения, чтобы живо изобразить Донского и двух Иоаннов Васильевичей...» (11). Искреннее чувство уважения к могилам предков, да и самая манера описания исторических гробниц Карамзиным долго служили образцом для многих авторов, писавших о Москве. Известно, что Н. М. Карамзин, как и многие другие литераторы, был автором эпитафий. Он, говоря о кладбище Донского монастыря, с горечью вспоминал: «Там некоторые эпитафии младенцев сочинены мною... Но гробы детей моих не имеют эпитафий» (12).

Дореволюционная практика описаний некрополя имела и такую хорошую традицию: фотографии могил, как правило, сопровождали биографии видных русских писателей. Это имело большой воспитательный резонанс, ибо в таком случае могила становилась известной и почитаемой многими людьми. Для историка некрополя эта фиксация памятника особенно важна. Так, например, помещенная в полном иллюстрированном собрании сочинений Н. В. Гоголя (1912—1913 гг.) фотография могилы писателя ныне дает ключ к реконструкции уничтоженного некрополя Данилова монастыря. С благодарностью воспринимаем мы усилия издателей «Ежегодника Общества архитекторов-художников» (выходил с 1906 г.), публиковавших, в частности, проекты и фотографии надгробных памятников. Это и часовня М. А. Морозова работы А. М. Васнецова, и памятник И. Н. Говорухи-Отрока работы В. М. Васнецова, и усыпальница Романовых — автор С. У. Соловьев, и памятник А. П. Чехова — автор Л. М. Браиловский.

Начало XX в. явилось качественно новым этапом в изучении некрополя. Если многие работы предшествующего периода носили подчас описательный характер, отличались неполнотой и недостаточным углублением в первоисточники (что отражало общие черты историографии того времени), то в 900-е гг. появились фундаментальные издания: трехтомный «Московский некрополь» (1907—1908 гг.); «Петербургский некрополь» (1912—1913 гг.); «Провинциальный некрополь» (1914 г.), в первый том которого вошла Московская губерния (13).

Важную роль в подготовке указанных изданий, и сегодня являющихся важнейшими, уникальными трудами по исследованию некрополей, сыграл великий князь Николай Михайлович. Значение этих работ далеко выходит за рамки конкретной темы. Так, и в наши дни они служат самым полным указателем лиц, живших в XIV — начале XX в. и погребенных в Москве. Это ценный источник российской генеалогии, да и истории вообще.

Успех этих необычайно трудоемких изданий был определен, по меньшей мере, тремя обстоятельствами: высоким покровительством и авторитетом издателя — великого князя; привлечением к работе прекрасных специалистов — В. И. Саитова, Б. Л. Модзалевского, В. В. Шереметевского, а также помощью Синода, давшего распоряжение о сборе данных всем приходам. В результате целеустремленной работы только для «Московского некрополя» были описаны захоронения на 23 православных и 2 единоверческих монастырях, в Троице-Сергиевой лавре, на 15 кладбищах Москвы и в ее храмах. Вошли в справочник и данные печатных источников. Заметим, что здесь впервые была помещена краткая библиография по Московскому некрополю.

Создание «Московского некрополя» явилось, в известном смысле, итогом дореволюционного этапа изучения истории некрополя. Но при этом было бы неверно не назвать и ряд научно-общественных центров, которые внесли существенный вклад в разработку данной проблемы.

Еще с 1863 г. целенаправленно трудилось Общество любителей духовного просвещения. Его историко-археологический отдел ставил целью осуществить историко-статистическое описание монастырей и храмов Московской епархии. Специально разработанные и опубликованные в 1897 г. планы таких описаний (14) включали кладбища, могилы, надгробные памятники, склепы, надписи. Члены Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины Москвы и Московской епархии во главе с А. И. Успенским публиковали работы по некрополю на страницах «Трудов» Комиссии (они назывались также — «Московская церковная старина», с 1907 по 1911 г. вышли 4 тома), а также в периодических изданиях Общества — «Московских церковных ведомостях» и в «Московских епархиальных ведомостях».

Другой центр — созданная в 1900 г. Комиссия по сохранению древних памятников Московского Археологического общества во главе с П. С. Уваровой. В ее составе преобладали архитекторы и реставраторы, в отличие от Комиссии Общества любителей духовного просвещения, где трудились в основном священнослужители. В трудах Комиссии Уваровой — «Древностях» (с 1907 по 1915 г. издано 6 томов) — также печатались материалы по некрополю.

Наконец, надо назвать организованную в 1907 г. при Московском Археологическом обществе Комиссию «Старая Москва», многие члены которой — М. И. Александровский, Н. П. Чулков, В. В. Шереметевский и др. — изучали Московский некрополь.

Подводя итог, следует признать, что к началу XX столетия в изучении Московского некрополя накопился немалый опыт, сложился круг гражданских и церковных исследователей, оп-

ределились центры изучения, а также тематика и типы изданий, а некоторые направления, такие, как изучение надгробных надписей, описание городских кладбищ, создание фундаментальных справочных трудов, получили в предреволюционные годы значительное развитие.

Октябрьская революция и последовавшие за ней события, в частности, борьба не только с религией, но и с церковью и ее учреждениями и кадрами, привели к почти полному исчезновению церковной историографии, к отказу от изучения некрополя. Сносы храмов, закрытие монастырей и ликвидация старинных исторических кладбищ под лозунгами превращения кладбищ в парки (была уничтожена почти половина исторических некрополей — Симонова, Данилова, Новоспасского, Алексеевского, Покровского, Спасо-Андроникова монастырей, Лазаревского и Дорогомиловского кладбищ) усиливали нигилизм в отношении некрополя.

Единственным центром, продолжавшим работу в этой области, была Комиссия «Старая Москва». Сама претерпевшая ряд болезненных реорганизаций, она пыталась бороться за сохранение памятников старины, в том числе храмов и захоронений. В 1927—1930 гг. в составе Общества изучения Московской губернии (куда вошла «Старая Москва») был создан Комитет по охране могил выдающихся деятелей во главе с П. Н. Миллером. Сохранился, но мало изучен архив Комитета, из которого видны основные направления работы общественности. Это и создание обществ по благоустройству кладбищ (восемь московских кладбищ передали в ведение Комитета), и составление списков захоронений видных деятелей истории и культуры, а также списков могил на 21 кладбище Москвы, которые подлежали государственной охране, и списков склепов и балдахинов над могилами, отличающихся выразительными художественными достоинствами. Все это, понятно, требовало серьезных изысканий и кропотливой работы. Только в течение 1925—1926 гг. общественность зафиксировала на московских кладбищах 17 тысяч могил (15).

В связи со столетним юбилеем восстания декабристов Н. П. Чулков осуществил разработку новой темы — некрополь декабристов в Москве (16). В 60-е гг. эту тему продолжил Л. А. Ястржембский (17). В 30-е гг. А. В. Арциховский изучал надгробные памятники, в частности, найденные на трассе строящегося метрополитета (18). В 40—60-е гг. эту важную сторону изучения некрополя развивал В. Б. Гиршберг, подготавливая свод надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. (19). Им были опубликованы 531 надпись из более чем девятисот обнаруженных, проведена их классификация. Таким образом определился обширный и важный не только для изучения некрополя, но и для истории письменности, искусства резьбы, культуры фонд источников.

После Великой Отечественной войны, когда возрос интерес к истории памятников Отечества, в связи с юбилеем Москвы появились важные научные начинания. Именно тогда создал свой фундаментальный труд по истории Москвы П. В. Сытин, включивший в себя немало ценных материалов по некрополю (20). Эта тема нашла освещение в шеститомной «Истории Москвы» (21). Под руководством Б. Д. Грекова Институт истории АН СССР и Исторический музей начали большую работу по подготовке «Московского некрополя». Это издание было задумано как справочное, в нем давались краткие биографические справки о похороненных в Москве деятелях истории и культуры, при этом отмечалось место захоронения и описывался надгробный памятник. Собрав в 40—50-х гг. огромный материал и подготовив в основном рукопись, коллектив авторов, к сожалению, не завершил работу, а рукопись осталась лишь в архиве.

Вклад советских искусствоведов в изучение некрополя выразился в работах по художественному и историческому анализу надгробий, их классификации. По Донскому монастырю это сделал Е. В. Николаев (22), его материалы вошли в путеводитель по монастырю (1970 г.), составленный Ю. И. Аренковой и Г. И. Меховой (23). В 1986 г. вышел «Некрополь Донского монастыря» (24). Осталась неопубликованной работа М. Ю. Барановской по этому некрополю.

Свод художественных надгробий 1914—1969 гг. на кладбище Новодевичьего монастыря составил в 1970 г. Г. Г. Антипин. Многие памятники этого кладбища, так же как Донского, Ваганьковского, Армянского, Введенского, получили освещение в серьезной монографии В. В. Ермонской, Г. Д. Нетунахиной и Т. Ф. Поповой «Русская мемориальная скульптура» (1978 г.), в которой дан художественный анализ надгробий XV—XX вв.

Не имея возможности в общем обзоре осветить все советские публикации, остановимся на принципиально важных начинаниях.

В 1983 г. альманах «Памятники Отечества» (орган Центрального совета ВООПИК) ввел у себя новую рубрику — «Отечественные некрополи», которая получила признание общественности. За последние годы здесь опубликовано семь материалов по московским некрополям. Один из авторов многих публикаций — М. Д. Артамонов, который давно и бескорыстно занимается изучением кладбищ Москвы. С 1981 г. в крупнейших библиотеках города и в ЦГАЛИ находятся на хранении и широко используются его рукописные труды по Армянскому, Ваганьковскому, Введенскому, Донскому и Пятницкому кладбищам. В «Памятниках Отечества» увидели свет сокращенные варианты описаний некрополей Ваганькова и Донского монастыря (1983, № 8; 1986, № 13), а также «Пушкинский некрополь Москвы» (1986, № 14). Эти публикации выделяются

представленными в них схемами кладбищ, расположения могил, краткими дефинициями захороненных лиц. Конечно, выявив тысячи захоронений, автор смог назвать лишь небольшую их часть (около 130 на Ваганькове, 230 — на Донском). Для Пушкинского некрополя М. Д. Артамонов выявил по литературным и другим источникам 330 имен родных и знакомых поэта, похороненных на кладбищах Москвы, нашел могилы около трети из них. Этому же автору принадлежит работа, посвященная революционному некрополю Ваганькова — от декабристов до участников гражданской войны (1987, № 16). Данная тема нашла отражение в выступлениях на страницах альманаха таких авторов, как М. Т. Белявский и О. А. Омельченко (1984, № 10; 1985, № 12; 1987, № 16). Их очерк «Ушедшие в бессмертие», сопровождаемый схемами расположения могил, рассказывает о 209 Героях Советского Союза и 204 видных деятелях науки и техники, похороненных на старом и новом кладбищах Новодевичьего монастыря. Изучению революционного некрополя Москвы посвящены книги А. С. Абрамова «У Кремлевской стены» и «Мавзолей Ленина».

Итак, в последние годы опубликованы первые справочные труды по Московскому некрополю. Научные в своей основе, они носят пока характер популярных изданий, что имеет свои достоинства, привлекая внимание широких кругов москвичей к делу охраны некрополей. Весьма перспективной представляется форма депонирования рукописей по отдельным кладбищам — это дает возможность многим другим исследователям экономить время, пользуясь уже систематизированным материалом.

Примечательно, что москвоведческие работы последних лет все чаще обращаются к вопросам некрополя. Это позволяет ожидать новых исследовательских открытий. Только один пример. Отталкиваясь от изучения некрополя Крутицкого подворья — захоронений архиереев, — Т. А. Корюкина и В. А. Виноградов недавно обосновали необходимость новой датировки и трактовки древнейшего памятника подворья — кафедрального Успенского собора (25).

В советские годы, несмотря на значительное сокращение работ по некрополю, все же появилось новое в их тематике (декабристы, революционный, воинский некрополи), в форме изданий. Однако далеко не все старые традиции в этом деле развиваются, а главное — нас не может удовлетворить диапазон исследований.

Современные задачи в изучении Московского некрополя представляются многообразными и неотложными. Прежде всего необходимо значительно расширить масштабы и тематику исследований в области некрополя. Особенно важна здесь целеустремленная и систематическая работа ведущих научных центров — музеев, библиотек и архивов. Именно они могли бы

поддержать и направить работы отдельных энтузиастов, в том числе общественников, молодежи. Уместно вспомнить предложение редакции альманаха «Памятники Отечества» создать координационный центр по сбору и изучению материалов некрополя. Таким центром могла бы стать Комиссия по некрополю в недавно созданном Московском краеведческом обществе.

Есть основания, и тем более необходимость, завершить работу над «Московским некрополем», дополнить его сведениями наших дней. И материалы должны вылиться в обобщающий труд, который продолжил бы дореволюционный трехтомник. Подобное издание имеет большое научное и просветительное значение, сейчас оно возобновилось.

Крайне важны исследования по каждому из сохранившихся московских кладбищ (26). Здесь особенно важна координация сил, чтобы не повторять, а взаимно дополнять работы отдельных исследователей. Особо нуждается в изучении история ликвидированных в советские годы кладбищ, история проводимых перезахоронений, переноса ценных надгробий. Придет время, когда возможно будет восстановить память о разрушенных могилах известных русских деятелей, и все специалисты, занимающиеся изучением некрополей, должны представить для этого соответствующие материалы.

На 1 января 1988 г. в списке охраняемых памятников истории Москвы зафиксировано 676 памятников некрополя. Это, конечно, очень мало; в данной ситуации возрастает необходимость публикации подобного списка с добавлением кратких историко-биографических и искусствоведческих комментариев. Имеющие особую художественную ценность надгробные памятники заслуживают и специального исследования, и публикаций в виде альбомов и открыток.

Без полной библиографии книг и статей по некрополю дальнейшая работа будет неизбежно продвигаться медленно и хаотично. А если бы наши архивы смогли подготовить обзоры хранящихся в них неопубликованных авторских материалов, а также источников по некрополям Москвы, то это помогло бы сконцентрировать усилия исследователей на мало изученных проблемах.

Необходимо устранять разобщенность гражданских и церковных исследований. Только совместная работа научных центров, отдельных энтузиастов, церкви, общественности позволит восполнить серьезные пробелы в изучении Московского некрополя, в его действенной охране, поможет пробудить у соотечественников утраченную «любовь к отеческим гробам», без которой не может быть в обществе высокой нравственности и подлинной культуры.

Примечания

1. *Скворцов Н. А.* Археология и топография Москвы. Курс лекций... 1912—1913 гг. — М., 1913. — С. 3.
2. В 1990 г. Историческая библиотека выпустила каталог книжно-иллюстративной выставки «Московский некрополь».
3. *Григорий.* Высокопетровский монастырь. — М., 1873; Он же. Списки настоятелей Московского Высокопетровского монастыря и его же надгробные памятники. — М., 1874; *Он же.* Списки настоятелей Московского Спасо-Андронникова... монастыря. — М., 1890, и др.
4. *Иосиф.* Московские соборы и монастыри. — М., 1869; Он же. Путеводитель к святыне и священным достопамятностям Москвы. — М., 1876 (обе работы неоднократно переиздавались); *Ювеналий.* Краткое историческое описание Московского... Новоспасского монастыря... — М., 1802; *Кедров Н.* Крестовоздвиженский монастырь... — М., 1893, 1903.
5. *Дружина Н. Л.* Храм ... Троицы на Шаболовке в Москве. Краткое историческое описание // «Московская церковная старина». — М., 1911, Т. IV.
6. Русский архив. 1895. — № 2—9. Работа вышла также отдельным оттиском.
7. *Григорий.* Списки настоятелей Московского Высокопетровского монастыря и его же надгробные памятники. — М., 1874.
8. *Гр. Истомин.* Указатель святынь и достопримечательностей московского большого Успенского собора. — М., 1893; Московский Архангельский собор с планом гробниц... — М., 1864; Московский кафедральный Чудов монастырь. — М., 1896, и др.
9. *Субботин Н. И.* Из истории Преображенского кладбища. — М., 1862; Преображенское кладбище и его прошлое. — М., 1901; *Субботин Н. И.* Из истории Рогожского кладбища. — М., 1892; *Макаров В. Е.* Очерк истории Рогожского кладбища в Москве. — М., 1911, и др.
10. *Ярцев А.* Возобновление и охранение «забытых могил» // Исторический вестник. — М., 1893. — XII.
11. *Карамзин Н. М.* Записки старого московского жителя. Избранная проза. — М., 1986. — С. 312.
12. Там же. — С. 317.
13. *Саитов В. И., Модзалевский Б. Л.* Московский некрополь. — Т. 1—3; СПб, 1907—1908; *Саитов В. И.* Петербургский некрополь. — Т. 1—4; СПб., 1912—1913; *Шереметевский В. В.* Русский провинциальный некрополь — Т. 1. — М., 1914.
14. Московские церковные ведомости. — М., 1897. — № 1. — С. 10—11.
15. Московский краевед. — М., 1927. — Вып. 2. — С. 88.
16. *Чулков Н. П.* Список декабристов, погребенных в Москве // Листок краеведа Московской губернии. — М., 1926. — № 3; *Он же.* Москва и декабристы // Декабристы и их время. — М., 1932. — Т. II.
17. *Ястржембский Л. А.* Московский некрополь декабристов // Декабристы в Москве. — М., 1963.
18. *Арциховский А. В.* Надписи, найденные на Метрострое // По трассе первой очереди Московского метрополитена. — Л., 1936; *Он же.* Археологические работы в Москве // Преподавание истории в школе. — М., 1946. — № 3.
19. *Гиршберг В. Б.* Надписи из Георгиевского монастыря // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. — М., 1954; *Он же.* Материалы для

свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв.//Нумизматика и эпиграфика. — Т. 1. — Ч. 1. — М., 1960; Т. 3. — Ч. 2., 1962.

20. *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы. — Т. 1—3. — М., 1950—1972.

21. История Москвы. — Т. 1—6. — М., 1952—1959.

22. *Николаев Е. В.* Классическая Москва. — М., 1975. — С. 85—96.

23. *Аренкова Ю. И., Мехова Г. И.* Донской монастырь. — М., 1970.

24. *Гераскин С. В., Луппол А. Н.* Некрополь Донского манастыря. — М., 1986.

25. *Корюкина Т. А., Виноградов В. А.* Новые данные по истории Крутицкого подворья в Москве. // Архитектурное наследство. — Т. 35. — М., 1988.

26. В 1991 г. издательство «Московский рабочий» начало выпускать серию «Московский некрополь» — ее открыла книга М. Д. Артамонова «Ваганьково».

В. Ф. Козлов,
канд. ист. наук,
зав. отделом
Центрального Музея древнерусской
культуры и искусства им. Андрея Рублева

СУДЬБЫ МОНАСТЫРСКИХ КЛАДБИЩ МОСКВЫ
(1920 — 30-е гг.)

Национализация монастырей в первые годы Советской власти прервала нормальное развитие московских обителей с их богатой духовной историко-художественной, бытовой историей. До революции практически каждый московский монастырь имел свою печатную историю с описанием архитектурных памятников, почитаемых святынь, монастырского кладбища, а после октября 1917 г. практически ни об одной обители не было издано серьезных исследований. Но если известным архитектурным памятникам Новодевичьего, Новоспасского, Высоко-Петровского монастырей посвящались брошюры, статьи, то о судьбах богатейшего исторического некрополя московских монастырей не издавалось почти ничего.

Между тем судьба монастырских кладбищ в послереволюционный период имела драматическую окраску: большинство их было разорено, надгробные памятники уничтожены, места захоронений выдающихся деятелей отечественной культуры заняты новыми могилами.

Учитывая, что подавляющая часть старых церковных кладбищ, расположенных у приходских храмов, была упразднена еще Петром I в начале XVIII в., монастырские некрополи стали местами самых древних захоронений в Москве. Наиболее благоустроенными были кладбища монастырей в конце XVIII — начале XX в., так как на них стали традиционно хоронить высшую московскую знать. Место на этих кладбищах стоило чрезвычайно дорого, что существенно пополняло монастырский бюджет.

В декабре 1918 г. за подписью В. И. Ленина был принят Декрет о кладбищах и похоронах, по которому организация похорон стала исключительной прерогативой местных Советов, а оплата

мест на кладбищах и деление похорон на разряды уничтожались. При внешней демократичности декрета в нем очевидно желание сузить масштабы деятельности церкви, оторвать ее от участия в судьбах православных кладбищ. Всеми делами, связанными с их устройством, стал ведать Моссовет в лице отдела погребально-санитарных мероприятий (1). В мае 1919 г. на заседании коллегии этого отдела была высказана мысль о необходимости закрыть монастырские кладбища с тем, чтобы приспособить их для прогулок граждан (2). Это предложение обосновывалось и тем, что практически все помещения монастырей были заняты рабочими общежитиями, конторами. Из 25 московских монастырей девять имели обширные кладбища, которые зачастую занимали большую часть территории монастыря: Донское, Новодевичье, Новоспасское, Спасо-Андрониковское, Симоновское, Данилово, Алексеевское, Скорбященское, Всесвятское, Покровское. В других монастырях: Чудовом и Вознесенском в Кремле, Богоявленском, Рождественском, Высоко-Петровском было немало древних захоронений знатных дворянских родов и духовных лиц, но гробницы в этих и некоторых других монастырях располагались в храмах, занимали отдельные усыпальницы, и новые захоронения в этих обителях почти не производились.

Наиболее уязвимыми были некрополи первой группы. В 1919 г. были закрыты для захоронения кладбища монастырей: Новоспасского (занят исправительным домом), Спасо-Андроникова (занят концлагерем для политических заключенных), Симонова (квартиры для рабочих), Скорбященского (артиллерийский дивизион), а также Алексеевского, Покровского, Данилова, где были устроены общежития для рабочих, культпросветучреждения. Всего к 1923 г. было закрыто девять монастырских кладбищ.

К 1919 г. относятся первые сведения о бесхозяйственности и даже вандализме на монастырских кладбищах. Так, например, в Скорбященском монастыре «часть, занятая кладбищем, сильно испорчена, загрязнена, каменные ограды некоторых могил разрушены». Беспризорное состояние ценнейших исторических некрополей встревожило общественность. Архитектурно-реставрационное отделение музейного отдела Наркомпроса РСФСР приступило к обследованию некоторых монастырских кладбищ (3).

Осенью 1919 г. при моссоветовской комиссии по охране памятников была организована специальная комиссия в составе Н. С. Моргунова, Н. Д. Рудницкой, Клейна и др., которая сразу же предложила отдать кладбища при Новодевичьем, Донском, Даниловом и Симоновом монастырях в ведение Музейного отдела и выделить денежные средства на их охрану. Это предложение было весьма своевременным, так как обследовавший кладбище Донского монастыря архитектор С. А. Торопов

сообщал, что хулиганствующие граждане «...сбивают кресты, выковыривают бронзовые доски и клейма, выбивают стекла, обивают скульптуру надгробий и иногда валят покачнувшиеся надгробия» (4). Разжигаемая официальной пропагандой классовая ненависть часто находила свое воплощение в уничтожении надгробных памятников «эксплуататорам». Кладбища Донского, Новодевичьего монастырей находились в лучшем состоянии, так как на их территориях удалось открыть в начале 20-х гг. музеи. Гораздо хуже было положение с кладбищами Спасо-Андроникова, Новоспасского, Симонова монастырей.

Памятники Андроникова монастыря пострадали первыми и больше всего. Сначала там был концлагерь, затем поселок рабочих завода «Серп и молот», древний собор был отдан архиву. Попытки музейного отдела открыть в монастыре музей окончились безрезультатно. Обследовавшие монастырь в 1924 г. Мамуровский и Левинсон нашли разбитыми надгробные доски в усыпальнице Лопухиных; они отмечали, что «кладбище подвергается уничтожению, памятники сносятся, решетки разбираются и т. п., навес над скульптурной группой Витали снесен, у статуи перешиблена рука» и т. д. Дело приняло настолько серьезный оборот, что музейным работникам пришлось в конце 1925 г. вывезти с Андрониковского кладбища в Донской монастырь скульптуру «Спящий Амур» (могила Трубецкого), статуи с могил Толстого, Нарышкина и плиты с барельефами с могилы Демидова (5). С этого времени Донской монастырь стал и некрополем уничтожаемых кладбищ московских монастырей. Однако увезти все ценные в историческом плане надгробия крупного некрополя, являвшегося цельным памятником, было делом нереальным. С Андроникова кладбища стали пропадать и отдельные каменные и металлические памятники. По слухам, их продавали новоявленные жители.

С подобной проблемой в начале 20-х гг. столкнулись сотрудники организованного в Симоновом монастыре музея. Нередким явлением на территории монастыря (часть его помещений была отдана под квартиры рабочим, часть — под клуб молодежи) стала «разбивка древних плит и сброс с места могильных памятников». Вскоре уничтожение некрополя попытались узаконить: в 1924 г. заводоуправление «Динамо» ходатайствовало перед Моссоветом о разрешении пользоваться надгробными памятниками с Симоновского кладбища как строительным материалом. Против подобных планов выступили Главнаука и музейный отдел. В письме Моссовету они указывали, что Симонов монастырь целиком находится в ведении Главнауки и «никакая утилизация надгробий не может быть проведена помимо Главнауки... тем более что на закрытом кладбище Симонова монастыря находится множество памятников конца XVIII — начала XX в., имеющих художественно-историческое значение. Кроме того, самый размер и материал

памятников не могут дать сколько-нибудь значительного количества строительных материалов». Далее в письме содержится, к сожалению, характерное конформистское предложение: «Если заводу «Динамо» действительно нужны строительные материалы, то Главнаука может предоставить ему в бывшем Донском монастыре кирпич от трех новых больших, разобранных вследствие своей антихудожественности часовен...» (6). Эти три часовни Голицыных у Западных ворот Донского монастыря стали первой крупной утратой Донского некрополя. Музейными органами в январе 1925 г. был составлен «Список памятников Симонова монастыря к предложению о покупке на лом», куда было включено более 100 надгробий XIX — начала XX в., в том числе таких известных дворянских фамилий, как Таболины, Бахметьевы, Нарышкины, Загряжские, Мещерские, Салтыковы, Головины, Бахрушины и др. (7).

1924—1925 гг. были определяющими и для будущего кладбищ Покровского и Новоспасского монастырей. На территории первого было устроено футбольное поле, несмотря на то, что кругом был много свободной площади. Реальным хозяином Новоспасского монастыря и его кладбища стал исправительный дом. Его администрация добилась от Музейного отдела разрешения на удаление надгробных памятников части кладбища. Таким образом, уже к середине 20-х гг. хозяйственные службы в целом с разрешения органов охраны начали «чистку» Андроникова, Новоспасского, Симонова, Покровского монастырских кладбищ, удаляя бесхозные памятники. Надгробные камни продавались как строительный материал (каждый оценивался по 25—30 руб.).

В наиболее благополучном положении находился некрополь Донского монастыря, объявленного музеем. В 1925—1926 гг. были выделены деньги на проведение ремонта надгробных памятников (в том числе Чаадаеву, Щербатову, Кожухову, Хераскову). Музей, организованный в монастыре, был обязан охранять исторический некрополь.

На состояние некрополей негативно влияла активная хозяйственная деятельность в столице и все усиливающаяся атеистическая пропаганда. Известное краеведческое общество «Старая Москва» создало в 1925 г. особую кладбищенскую комиссию, которая обследовала московские кладбища, выявляя на них могилы выдающихся деятелей отечественной науки и культуры, надгробия художественного значения. Подобные комиссии возникали и позднее, в 1927 г., при Губмузее, а затем и при всероссийском Союзе писателей (ВСП). В марте 1927 г. Губмузеем, ВСП и «Старой Москвой» был образован особый межведомственный комитет по охране могил выдающихся деятелей на кладбищах Москвы и губернии.

В состав комитета входили представители Моссовета, Общества изучения Московской губернии, Музея революции, Теат-

рального общества и др. Активное участие в заседаниях комитета и охране московских кладбищ принимали П. Миллер, Д. Веселовский, Н. Дружинин, П. Сытин, Н. Телешов и другие видные ученые, писатели, краеведы. За три года работы комитетом и созданными при некоторых кладбищах особыми комиссиями была проведена большая работа по благоустройству, ремонту надгробий, сооружению каменных оград, составлению списков памятников, подлежащих охране на закрытых кладбищах (8). Последнее очень важно, так как почти все закрытые в 20-е гг. для захоронений кладбища были монастырскими.

Сегодня списки, составленные в 1927—1929 гг. членами Комитета по охране могил выдающихся деятелей, представляют немалый интерес для историков, ибо большинство захоронений до сегодняшнего дня не сохранилось. Выдающиеся деятели подбирались в списки по следующим категориям: деятели науки, литераторы и публицисты, писатели и поэты, архитекторы, художники и деятели искусств, актеры и деятели театра, общественные деятели, революционные деятели и др. К сожалению, в конце 20-х гг. по известным идеологическим мотивам в составленных списках не нашлось места для видных церковных и военных деятелей, городских общественных деятелей, значительной части профессуры, купечества, меценатов и т. д. Но так или иначе мы имеем ценные списки захоронений по известным (разрушенным в конце 1920/1930 гг.) некрополям Алексеевского (79 фамилий), Скорбященского (50 фамилий), Спасо-Андроникова (13 фамилий), Симонова (19 фамилий), Всехсвятского (37 фамилий). Данилова (19 фамилий) и др. монастырей (9). Но несмотря на значительные усилия, московским любителям старины не удалось остановить узаконенный городскими и районными властями вандализм и сохранить могилы многих выдающихся людей. Вот краткая хроника.

Летом 1927 г. Рогожско-Симоновский райсовет обратился с просьбой к Моссовету разрешить уже полную ликвидацию кладбища Андроникова монастыря с передачей вырученных средств рабочему поселку «Серп и молот» для устройства на месте кладбища сквера. В середине ноября того же года решением Сокольнического райсовета предлагалось на месте известного кладбища Алексеевского монастыря устроить парк. К концу 1927 г. планы разбить скверы распространились и на Новоспасский, Единоверческий Всехсвятский и Покровский монастыри (10). Как свидетельствуют акты проведенного осмотра, все эти кладбища были уже разорены. На благоустройство территории требовались значительные суммы, каковыми органы охраны памятников не располагали. Вот как описывали в 1927 г. современники состояние знаменитого Симонова монастыря: «...старые надгробия на глазах разрушаются, становясь жертвою хулиганствующих подростков. Такой же участи подвергаются и могилы Аксаковых, поэта Веневитинова и др.,

...Все... залито помоями, запакощено курами, свиньями, собаками, лошадьми» (11).

Так или иначе музейный отдел согласился на уничтожение этих монастырских некрополей, выторговав лишь право сохранить отдельные надгробия выдающихся деятелей. 1928 год прошел под флагом начала массовых работ по «приведению в порядок кладбищ». Так называли хозяйственники освобождение некрополей города от значительной части надгробий, намогильных крестов, решеток и т. д. Во главе этого «движения» был поставлен Москоммунхоз, в районах же эту работу выполняли отделы благоустройства. Такое своеобразное «благоустройство» выполняло сразу несколько задач: позволяло без особого труда, убрав надгробия, превращать кладбища в парки и скверы, решать задачи по борьбе с религией, наконец, пополнять городской бюджет. Последнее было немаловажно. Старые кладбища давали большой «урожай» прекрасного мрамора, гранита, металлических решеток, крестов. В 1927 г. Москоммунхоз через похоронный отдел подготовил «Список склепов и балдахинов на кладбищах». Список показывает, насколько были богаты склепами, часовнями, балдахинами московские кладбища: на Пятницком — 98; Даниловском — 92, Лазаревском — 73 и т. д. (12). В результате «чисток» и изъятий разных лет сегодня сохранились лишь единицы этих памятников, придававших кладбищам своеобразный, характерный для православных некрополей вид. Общественные и научные организации пытались спасти отдельные памятники. В октябре 1928 г. Московское архитектурное общество, встревоженное тем, что «на всех московских городских и монастырских кладбищах производятся общественные работы по снятию и сносу памятников, надгробных и других монументов, не считаясь ни с художественной, ни с исторической их ценностью, ни с памятью лиц, под ними погребенных», заявило о настоятельной необходимости охранения 41 могилы известных московских архитекторов. Вот как представляли социально-нравственную роль кладбища представители художественно-археологической секции МАО в письме в Москоммунхоз: «...кладбища — истинные музеи, хранящие останки всех людей без исключения и должны быть превращены в открытые музеи как это существует в государствах Западной Европы: Англии, Германии и преимущественно Италии и Франции... — таков культ предков в цивилизованных странах; ибо это есть завершение всей предшествующей жизни человека и память его дорога не только по чувству родственности и близости, но и по чувству гражданственности.

Таковы были кладбища и у нас в Москве и остаются сейчас для народа, который неукоснительно посещал и посещает свои дорогие музеи — кладбища, особенно в поминальные дни. Таков окончательный смысл кладбищенских монументов и над-

гробий, находящихся на них» (13). Эта прекрасная задача была недостижима в эпоху сталинизации общества. Через полгода газета «Вечерняя Москва» писала о необходимости выполнения директивы Моссовета: придать кладбищам вид парков и заменять кресты образцами другого типа надгробных украшений (14). Моссовет специальным решением (в середине 1928 г.) разрешил службам Москоммунхоза реализовывать так называемый «негодный» материал на кладбищах и заготавливать там металлолом. В 1929 г. Моссовет выделил деньги на уничтожение некоторых монастырских памятников. В Алексеевском и Покровском монастырях стали спешно снимать все ограждающие могилы решетки (этим занимался Рудметаллторг). Следом рабочие отделов благоустройства принялись за памятники. Отдел благоустройства объявил, что собирается при планировке кладбища Данилова монастыря снять все памятники за исключением надгробий Гоголю, Хомякову, Языкову, Перову, Рубинштейну, Голицыну, Завалишину. Известный художник-коллекционер, основатель музея иконописи И. Остроухов в июле 1929 г. просил «Старую Москву» сохранить на ликвидированном кладбище Покровского монастыря памятники, созданные им и скульптором А. Андреевым докторам Белоголовому, Боткиным, инженеру Дункеру, купцам Карзинкиным и др. Однако памятники спасти не удалось и, быть может, этот факт был одной из причин смерти выдающегося гражданина Москвы И. Остроухова. Безжалостной «чистке» подверглось в 1929 г. и монастырское Новодевичье кладбище, где были утилизованы многие сотни художественных надгробий (15). Размах этого варварства поражает (сохранились фотографии многочисленных надгробий, собранных у стен собора и приготовленных к вывозу на стройки Москвы). Службы Моссовета, Комитет по охране могил были завалены просьбами горожан помочь им перенести со сносимых некрополей прах и надгробия родственников. В условиях массового сноса нескольких монастырских кладбищ удалось организовать перезахоронение лишь немногих выдающихся деятелей: Гоголя, Веневитинова, Аксакова и др. (средства на перенесение праха и памятников выделил Союз писателей). Очень немногие захоронения были вывезены в 1929 г. с некрополя разрушаемого Скорбященского монастыря (не удалось спасти и перевезти прах выдающегося философа-мыслителя Н. Федорова). В самом конце 1929 г. в Голицынскую усыпальницу Донского монастыря были перевезены из собора Богоявленского монастыря два высокохудожественных мраморных надгробия XVIII в. М. М. и А. Д. Голицыным работы известного французского скульптора Ж. Гудона.

Казалось бы, неприкосновенный в силу своей уникальности, историко-художественной значимости некрополь Донского монастыря летом 1929 г. также оказался под угрозой. Работа дирекции музея-монастыря носила ярко выраженный антире-

лигиозный характер. В июне 1929 г. заведующий музеем А. Леонов направил письмо в музейный подотдел МОНО с просьбой принять участие в разработке проекта перепланировки территории монастыря. Вот отрывок из проекта договора музея Донского монастыря с инженерами: «2. Сделать проект разбивки территории кладбища под спортплощадку и цветники, устройства музыкальной эстрады». Были уже составлены эскизы и получено особое распоряжение Моссовета об отпуске средств на «улучшение» территории Донского монастыря путем превращения его в место культурного отдыха ввиду большого его посещения трудящимися, устройства студенческого общежития, детских садов. Трудно сказать, чья воля спасла знаменитый некрополь от участи других монастырей. И все-таки некрополь Донского монастыря задела волна варварства, охватившая страну в то время. В 1929 г. и особенно весной 1930 г. музейные деятели жаловались в Центральные государственные реставрационные мастерские на то, что в Донском монастыре систематически разрушаются памятники и вывозится белый камень и мрамор (16). И сегодня даже непосвященному посетителю монастыря бросаются в глаза пустые места на некогда плотном некрополе.

Апофеоз разрушения, охвативший на рубеже 1929/30 гг. XX в. кладбища Москвы, не пощадил древнейшие кремлевские Чудов и Вознесенский, а также Симонов монастыри. Все они были почти полностью разрушены, и на их месте построены административные здания, клуб. Ничего не сохранилось и от древнейших некрополей этих обителей. Перед сносом удалось перенести в безопасные места или перезахоронить прах русских цариц в Вознесенском монастыре, отдельные памятники Симонова монастыря. После взрыва древнего Успенского собора Симонова монастыря во время разборки в апреле 1930 г. развалин П. Д. Барановским в фундаменте собора был открыт ряд погребений Телешовых, Головиных, Мстиславских и др. известных деятелей отечественной истории. Из гробницы Головиных 1620 г. был извлечен каменный саркофаг с женским захоронением (17). Но из-за спешки лишь небольшая часть найденного была вывезена в Исторический музей. Летом 1930 г. благодаря наблюдениям реставраторов над разборкой взорванного Чудова монастыря, удалось найти множество каменных надгробий XVII—XVIII вв., из которых в музей были отобраны лишь три. Любопытны описания раскопок, оставленные учеными: «К северу от Вознесенского собора траншея привела к кладбищу с деревянными гробами и колодами, поставленными друг на друга. Некоторые из гробов наполнены водой, в них сохранилась обувь, льняная ткань бурого цвета, обувь из цельного куска кожи и др.» (18).

В начале 30-х гг. музейные работники и реставраторы пытались спасти еще не снесенные ценные надгробия на отдель-

ных монастырских кладбищах, вывезти из разрушенных монастырей памятники в Донской монастырь. Сделать это было уже гораздо труднее, чем в конце 20-х гг. В 1930—1931 гг. были повсеместно закрыты краеведческие общества, в том числе и «Старая Москва», так много сделавшая для охраны некрополей. Тогда же прекратил деятельность межведомственный Комитет по охране могил выдающихся деятелей.

В 1930—1932 гг. заканчивался первый акт трагедии монастырских кладбищ Москвы. Чтобы как-то сохранить место могил известных деятелей на Алексеевском кладбище, доживавшее последние дни общество «Старая Москва» поставило на них 20 охранных досок, однако вскоре почти все они были похищены... Музейные работники не могли уже противостоять настойчивым требованиям администрации Новоспасского исправдома, желавшего снести уцелевшие надгробия. Удалось спасти лишь несколько плит, переданных вскоре в Донской монастырь-музей, получивший в соответствии с идеологической обстановкой того времени новое название «Антирелигиозный музей искусства».

Постоянная комиссия по вопросам культа при Президиуме ВЦИК в 1931 г. приняла новую инструкцию «О порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников». Само название этой инструкции не оставляло сомнений в целях, которые она преследовала. Положения инструкции значительно упрощали порядок не только закрытия кладбищ, но и снос надмогильных памятников, объявленных до того народным достоянием. Снос памятника можно было производить, если в течение одного года он был бесхозным (19). Но кто определял критерии этой бесхозности? Так или иначе инструкция «помогала» не только уничтожению тысяч памятников, но и целых гражданских кладбищ Москвы: Дорогомиловского, Семеновского, Лазаревского, военного Братского и других.

Нигилизм в отношении к могилам предков, истоки которого лежат в самых первых шагах Советской власти по национализации монастырей, гонения на религию, отстранение церкви от благоустройства кладбищ, безнравственные акции по так называемым вскрытиям и ликвидации святых мощей — все это дает себя знать и в наши дни. И сегодня мы слышим о застройке оставшихся нетронутыми с 30-х гг. мест бывшего Скорбященского, Алексеевского и др. монастырских кладбищ. Хотя сегодня, безусловно, появляются и ростки возвращения духовного отношения к отечественным некрополям. Попытки исследования и регенерации бывших исторических некрополей Новодевичьего и Спасо-Андроникова монастырей предпринимают сегодня и размещающиеся там известные музеи. На заседаниях

возникшей в 1989 г. при Московском фонде культуры секции «Московский некрополь» обсуждаются вопросы сооружения на месте снесенных в прежние годы памятников (стел, часовен и т. д.) с обозначением имен деятелей, чьи могилы там находились. Отношение к отечественным некрополям и могилам наших предков — показатель духовного и нравственного здоровья народа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСКИ МОГИЛ И НАДГРОБИЙ ИЗВЕСТНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ, ПОХОРОНЕННЫХ НА МОНАСТЫРСКИХ КЛАДБИЩАХ МОСКВЫ (НЫНЕ УТРАЧЕННЫХ). СОСТАВЛЕНЫ КЛАДБИЩЕНСКОЙ КОМИССИЕЙ ОБЩЕСТВА «СТАРАЯ МОСКВА» В 1927—1929 ГОДАХ НА ОСНОВАНИИ СПИСКОВ (В Т. Ч. И ЧЕРНОВИКОВ), ХРАНЯЩИХСЯ В ДЕЛАХ КЛАДБИЩЕНСКОЙ КОМИССИИ (ОРГБЛ ф. 177)

СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ

Деятели науки

Викторова М. А. — исследовательница в области древнерусской литературы 1844—1863.

Викторов А. Е. — археограф и археолог 1827—1883.

Ундольский В. М. — библиограф и собиратель рукописных и старопечатных книг, 1864.

Литераторы и публицисты

Баженов А. Н. — театральный критик 1835—1867.

Ржевский В. К. — публицист 1811—1885.

Писатели и поэты

Аксакова В. С. — автор дневника 1819—1864.

Аксаков К. С. 1817—1860.

Аксаков С. Т. 1791—1859.

Бахрушин А. П. — коллекционер, автор воспоминаний 1904.

Веневитинов Д. В. — поэт 1805—1827.

Мертваго Д. Б. — автор мемуаров 1760—1824.

Невзоров М. И. — писатель, член Новиковского кружка, издатель-журнала «Друг юношества» 1763—1827.

Пассек В. В. — писатель 1808—1842.

Энгельгардт Л. Н. — автор мемуаров 1833.

Музыканты и певцы

Алябьев А. А. — композитор 1787—1851.

Общественные деятели

Селивановский С. И. — типограф 1772.

Кожевников Ф. И. — Московский городской голова 1749—1814.

Васильчиков Н. А. — декабрист 1801—1882.
Муравьева (Шаховская) — жена декабриста.

НОВОСПАССКИЙ МОНАСТЫРЬ

Деятели науки и изобретатели

Бекетов П. П. — книгоиздатель и типограф 1776—1836.
Веселовский Н. Н. — проф. геодезии Московского межевого института 1922.
Давыдов И. И. — академик, проф. словесности 1794—1863.
Карабанов П. Ф. — собиратель древностей 1767—1851.
Медовиков П. Е. — проф. (полит. эконом.) 1855.
Шереметев С. Д. — историк 1844—1918. Новое кладбище.

Литераторы и публицисты

Спиридонов Н. И. — **рабочий фабрики «Циндель» (убит в 1922 г.), корреспондент газет «Правда», «Рабочая Москва».**

Художники и деятели искусства

Смирнов В. С. — академик живописи 1858—1890.

Городские и земские деятели

Алексеев А. В. — московский городской голова 1788—1841.
Алексеев Н. А. — московский городской голова 1852—1893. Старое кладбище.

СПАСО-АНДРОНИКОВ МОНАСТЫРЬ

Деятели науки

Барсов А. А. — профессор красноречия. 1730—1791.
Соколов Н. К. — проф. Московского университета 1835—1874.
Суворов П. И. — ученый, историк, писатель 1815.
Ханыков Я. В. — писатель-картограф 1818—1862.
Лебедев А. П. — ординарный проф. Московского университета 1908.
Зубов П. В. — нумизмат.

Писатели и поэты

Селиванов И. В. — писатель 1809—1832.
Сушков М. В. — писатель-стихотворец 1799.

Художники и деятели искусства

Андрей Рублев	— знаменитый иконописец 1430.

Актеры и деятели театра

Волков Ф. Г.	— первый русский актер 1729—1763.

Общественные деятели

Демидов П. Г.	— покровитель наук и искусства, основатель Ярославского лицея 1821 (мраморный памятник, урна разбита).
Лопухина Н. Ф.	— бывшая статс-дама Елизаветы Петровны 1763.
Поздеев И. А.	— масон **1820.**

К списку предыдущего дела добавлены:

Арсеньева-Камынина Н. В.	— писательница, жена масона С. Н. Арсеньева 1855.
Медведников И. Л.	— почетный гражданин, основатель мужской гимназии в Москве 1884.
Степанов Р. С.	— масон.
Арсеньева Н. В.	— писательница 1855, на 51-м г. жизни.
Сын ее *Василий Сергеевич*	— масон, писатель.
Баратынский А. А.	— генерал-лейтенант, отец поэта 1767—1811.
Волконский кн. Н. С.	— генерал от инфантерии, дед Л. Н. Толстого 1753—1821.
Бибарсов кн. Я. Д.	— 1767—1833. Снимок памятника представлен в изд. «Москва в ее прошлом», т. VIII.
Головкина, графиня Екатерина Ивановна	последовала за мужем в ссылку в Сибирь 1702—1779.
Булгари, графиня Анна Марковна	— 1841. Памятник снят в кн. «Москва в ее прошлом», т. VIII.
Горихвостов Д. П.	— благотворитель 1846.
Горчаков В. П.	— литератор 1866.
Жигарев В. Я.	— московский городской голова 1741—1802. Мраморный барельеф. Снимок в кн. «Москва в ее прошлом», т. VIII.
Красильников П. И.	1847.
Трубецкой И. Д.	1827.
Жена его Екатерина Александровна	1831.

Памятник работы Витали. Снимок в кн. «Москва в ее прошлом», т. VIII.

СКОРБЯЩЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Скорбященское кладбище существует с 1895 г.

Буслаев В. Ф. — сын знаменитого проф. и академика 1906.

Бартенев Ю. П. — сын П. И. Бартенева, издателя «Русского архива», некоторое время и сам продолжал эту деятельность 1908.

Братиано Д. К. — брат Румынского министра 1917.

Брюхоненко М. Г. — начальница гимназии 1917.

Бартоломей А. 73 г. — генерал от кавалерии 1916.

Вильшау Р. Ф. — известный музыкант, композитор 1910.

Виленц В. Г. — борец за правду и общественные идеалы 1903.

Второвы: А. Ф. и Н. А. — общественные деятели 1911. 1918.

Войденов В. П. — музыкальный деятель и композитор, преподаватель Московской консерватории.

Говоруха-Отрок Ю. Н. — критик (памятник по проекту Васнецова) 1896.

Глубоковский М. Н. — популярный в Москве врач, издатель журналов «Наука и жизнь», изобретатель прибора «Врачебный индуктор».

Герен В. 30 лет — жена Румынского Генерального консула 1918.

Дуров А. Л. — дрессировщик животных, клоун 1916.

Драго Н. И. — член кружка Чайковского 1922.

Жебунева М. А. — 57 лет, член Исполнительного комитета «Народной воли» 1913.

Зограф Н. Ю. — проф. зоологии Московского института 1919.

Иверонов И. А. — проф. сельскохозяйственного института 1916.

Иловайский Д. И. — историк 1920.

Костякова А. Н. — мать известного проф., академика Тимирязевской сельскохозяйственной академии 1920.

Клеветский А. З. — 76 лет, генерал от артиллерии 1902.

Кареев С. А. — 67 лет, генерал от кавалерии 1914.

Кадников И. А. — 38 лет, старший врач Кавказского дивизиона 1915.

Лисовский Н. М. — библиограф 1920.

Легонин В. А.	— проф. Московского университета 1899.
Лысогорский Н. В.	— проф. историк 1921.
Миртов В. П.	— военно-санитарный инспектор 1916.
Мамонов И. И.	— приват-доцент Московского университета, популярный врач в Москве, лечивший Ленина 1920.
Майков А. А.	— внук поэта А. Майкова 1914.
Мензбир Л. А.	— 60 лет, жена известного проф. и почетного академика АН М. А. Мензбира 1916.
Маклаков А. А.	— 46 лет, проф. Московского университета 1918.
Максимов Л. А.	— 30 лет, проф. филармонического училища 1904.
Мрачек-Дроздовская К.	— жена проф. Московского университета 1913.
Небогатов Н. И.	— адмирал 1922.
Нарышкин П. К.	— майор из дворянской семьи 1897.
Плевако Ф. Н.	— известный адвокат 1908.
Попова-Зорина В. В.	— знаменитая опереточная артистка 1920.
Пастухов Н. И.	— 78 лет, известный издатель «Московского листка» 1911.
Паупертов В. А.	— известный в Москве врач 1920.
Ростовцев С. И.	— проф. сельскохозяйственного института 1916.
Ростовцева В. И.	— жена проф. сельскохозяйственного института 1919.
Савостицкий Г. А.	— известный врач 1898.
Собинов Г. В. (капитан)	— брат известного народного артиста республики Собинова 1913.
Скрябин Л. А.	— сын свободного художника 1910.
Турский М. К.	— проф. сельскохозяйственного института 1899.
Федоров Н. Ф.	— философ 1903.
Федоров В. А.	— собиратель народных песен и этнограф 1920.
Фортунатова А. А.	— 63 года, жена знаменитого проф. Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева 1916.
Шульгин М. М.	— 70 лет, генерал от инфантерии 1904.
Якубовский В. А.	— известный в Москве врач 1919.

Художественные памятники по проекту Васнецова:

на могиле *Грингмут* 1908.
на могиле *Слесаревых* 1910—1911.
Левенштейн Л. А. 1917.
Бетлин Б. Н. 1909.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Деятели науки

Александров П. А. — директор 3 Московской гимназии, магистр химии 1816—1867.
Бартенев П. И. — историк, издатель «Русского архива» 1829—1912.
Березовский С. Э. — хирург, проф. Московского университета 1864—1918.
Глебов И. Т. — проф. сравнительной анатомии и физиологии 1806—1884.
Голицын Н. Н. — историк, автор словаря русских писательниц 1836—1893.
Делла-Вос В. К. — первый директор и организатор Московского технического училища, основатель Политехнического общества 1829—1890. Бюст работы Диллона.
Добрынин П. И. — директор московского родовспомогательного заведения 1905.
Ершов А. С. — проф. механики 1818—1867.
Зубков В. Г. — проф. Московского университета, классик 1847—1903.
Катков М. Н. — юрист 1820—1875.
Кожевников А. Я. — проф. Московского университета, невропатолог 1836—1902.
Колоколов Г. Е. — проф. криминалист 1909.
Корелин М. С. — проф. Московского университета, историк 1855—1894.
Корсаков С. С. — проф. психиатр 1854—1900.
Кох В. И. — проф. акушерства 1820—1884.
Лебедев П. Н. — проф. физики 1866—1912.
Леонтьев П. М. — проф. физиологии 1822—1875.
Летников А. В. — проф. Московского технического училища 1837—1888.
Лошков В. Н. — проф. юрист 1881.
Матюшенков И. П. — проф. хирург 1878.
Орлов Ф. Е. — проф. механики 1843—1892.
Преображенский В. П. — редактор журнала «Вопросы философии и психологии» 1900.
Слудский Ф. А. — проф. математики 1841—1897.
Соколов Н. А. — проф. Харьковского университета 1856—1907.
Токарский А. А. — психиатр 1859—1901.
Шахов А. А. — историк литературы 1850—1877.

Литераторы и публицисты

Воскобойников Н. Н. — публицист 1838—1882.
Катков М. Н. — публицист 1818—1887.

Коптев Д. И.	— литератор и переводчик 1820—1867.
Ланин Н. П.	— издатель газеты «Русский курьер» 1830—1895.
Скворцов Н. С.	— редактор, издатель «Русских ведомостей» 1882.

Писатели и поэты

Барышев-Мясницкий И. И.	— юморист и драматург 1911.
Вельтман Е. И.	— писательница 1816—1868.
Вигель Ф. Ф.	— мемуарист 1786—1856.
Жемчужников	— поэт (Козьма Прутков).
Чаев Н. А.	— драматург 1914.
Юрьев С. А.	— писатель и переводчик 1888.
Филипсон Г. И.	— автор мемуаров 1782—1882.

Архитекторы

Каминский А. С.	— 1829—1897.
Карнеев В.	— академик 1895.
Никитин А. С.	— академик 1880.
Турчанинов К. Ф.	— академик 1900.

Художники и деятели искусств

Зарянко С. К.	— проф. живописи 1818—1870.
Переплетчиков В. В.	— художник 1863—1918.
Прянишников И. М.	— художник, действительный член Академии художеств, преподаватель училища живописи, ваяния и зодчества 1839—1894.
Рамазанов Н. А.	— скульптор 1815—1867.

Актеры и деятели театра

Бороздина З. П.	— драматическая актриса 1889.
Дмитриев С. Н.	— артист 1893.
Ильинский-Немытский А. К.	— артист Малого театра 1905.
Смирнова-Кудиш Л. М.	— артистка Казанского театра 1909.

Музыканты и певцы

Багрецов Ф. А.	— композитор 1874.
Бутенко И. Ф.	— бас, певец Большого театра 1854—1891.

Педагоги

Зиновьева А. З.	— проф. Демидовского и Лазаревского институтов 1884.
Медовикова Н. В.	— учительница 1912.

Смецкой Н. П. — директор Межевого института 1802—1866.
Цветковский Ю. Ю. — директор Александровского коммерческого училища 1843—1913.

Общественные деятели

Баснин В. Н. — сибирский деятель 1799—1876.
Беркут Н. К. — врач, председатель Общества русских врачей 1818—1890.
Шанявский А. А. — основатель Народного университета 1905.

Земские и городские деятели

Бабаев П. А. — председатель Сокольнического районного Совета, член исполкома Моссовета 1920.
Зимин Н. П. — ученый, инженер-механик, строитель водопровода в Москве 1909.
Ладыженский С. А. — товарищ московского городского головы 1830—1877.

Революционные деятели

Вишневский Ф. Г. — декабрист 1865.
Свистунов П. Н. — декабрист 1803—1889.

Дополнительно

Мамонтова М. Т. — мать Саввы Мамонтова.
Беневоленский П. В. — историк, деятель наук, художник.
Минин В. П. — преподаватель 3 мужской гимназии, математик, педагог 1910.
Кожухов Н. С. — московский почт-директор, общественный деятель.
Ашхарумов В. И. — председатель межевой канцелярии, общественный деятель 1909.
Орлов В. С. — директор синодального хора и училища церковного пения.
Алексеевы С. В. — 1836—1893 родители
Е. В. — 1841—1904 К. С. Станиславского.
Ливенцов А. И. 1850—1879 — проф. Московского университета и высших женских курсов и
Ливенцова А. А. — заведующая Мариинским училищем 1845—1913.
Соколов А. А. — главный директор больницы Святого Владимира 1856—1918.
Мамонтова Е. И. — организатор Общества гувернанток.
Горбова С. Н. — учредительница многих благотворительных учреждений.
Малинин А. Ф. — математик (Малинин и Буренин).

Богуславский — **проф. 1 МГУ.**
Щегляев В. С. — проф. (прах перенесен на Новодевичье кладбище).
Бельский Л. Л. — проф. 2 МГУ — (русская литература.)
Карнеева О. И. — 1884 (художественный памятник).
Пащенко В. М. — (бронзовый медальон).
Николаев П. А. — 1894.
Котовы — усыпальница работы Васнецова.
Алексеевы С. В. и Е. В. — большие мозаичные иконы прекрасного исполнения.

ДАНИЛОВ МОНАСТЫРЬ

Деятели науки

Бабухин А. И. — проф. эмбриологии и гистологии 1827—1891.
Снегирев В. Ф. — проф. гинеколог 1916.
Тихонравов Н. С. — академик, историк литературы 1832—1893.
Хавский П. В. — археолог 1771—1876.
Чижов Ф. В. — математик, искусствовед, промышленный деятель, финансист 1811—1877.

Литераторы и публицисты

Самарин Д. Ф. — общественный деятель и публицист 1831—1901.
Самарин Ю. Ф. — публицист 1819—1876.

Писатели и поэты

Гоголь Н. В. — 1809—1852.
Хомяков А. С. — поэт 1804—1860.
Языков Н. М. — поэт 1803—1846.

Художники и деятели искусства

Перов В. Г. — 1833—1882.

Музыканты и певцы

Рубинштейн Н. Г. — пианист, первый директор и основатель Московской консерватории 1835—1881.

Педагоги

Чепелевская П. И. — учительница Московского женского учительского семинара 1832—1881.
Чепелевская В. И. — 1838—1911.

Общественные деятели

Куманин А. А.	— Московский городской голова 1818.
Лямин	— Московский городской голова 1822—1894.
Черкасский В. А.	— Московский городской голова, общественный политический деятель 1824—1878.
Голицин В. М.	— декабрист 1803—1859.
Завалишин Д. И.	— декабрист 1804—1892.
Венелин Ю. И.	— славист 1802—1839.
Дашков В. А.	— директор Румянцевского музея 1819—1896.
Дмитриев Ф. М.	— проф. истории русского права 1829—1894.
Морошкин Ф. Л.	— проф. юрист 1804—1857.
Кошелев А. И.	— публицист-славянофил 1806—1883.
Волуев Д. А.	— литератор-славянофил 1820—1845.
Домашнев С. Г.	— поэт, директор Академии наук 1796.
Облеухов Д. А.	— поэт-переводчик 1790—1827.
Губерт Н. А.	— проф., директор Московской консерватории 1886.
Ляпин М. И.	— городской деятель и благотворитель 1906.
Ляпин Н. И.	— городской деятель и благотворитель 1910.

Источники

[1] ЦГАМО, ф. 4557, оп. 1, д. 48, л. 16—17.
[2] Там же, д. 50, л. 3.
[3] ЦГАОРСС г. Москвы, ф. Р-1, д. 2, л. 108—110.
[4] Там же, — д. 4, л. 43—44.
[5] Там же.
[6] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 9, д. 154, л. 63.
[7] ЦГАОРСС г. Москвы, ф. Р-1, д. 129.
[8] *Козлов В. В.* Московские некрополи и опыт краеведов 1920-х гг. //Моя Москва: проспект Московского фонда культуры. — М., 1990. — июнь.
[9] Протоколы заседаний комитета по охране могил выдающихся деятелей и списки захороненных на кладбищах хранятся в ОР ГБЛ, фонд 177 (Московское областное бюро краеведения).
[10] ОР ГБЛ, ф. 177, к. 31, д. 2, л. 1—15; д. 4, л. 1—11.
[11] ЦГАМО, ф. 966, оп. 4, д. 1060, л. 9.
[12] Там же, ф. 4557, оп. 8, д. 651.,
[13] Там же, д. 652, л. 122
[14] Ученые кресты//Вечерняя Москва. — 1929. — 12 августа.
[15] ОР ГБЛ, ф. 177, к. 31, д. 6, л. 30—34.
[16] ЦГАОРСС г. Москвы, ф. Р-1, д. 13, л. 49—51.
[17] Там же, л. 31—32.
[18] Там же, л. 75—78.
[19] ЦГАМО, ф. 4570, д. 31, л. 9—19.

И. И. Комарова,
зав. отделом ВНИИТАГ

ИСТОЧНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ПРОВИНЦИАЛЬНЫМ НЕКРОПОЛЯМ

Выявление состояния Московских некрополей и создание программы их исследований — лишь начало большой работы по координации исследований некрополей России.

Одним из направлений должно стать создание аннотированного указателя по провинциальным некрополям. Сведения о последних содержатся главным образом в местных изданиях, но, к сожалению, многое уже безвозвратно утеряно.

Из всего многообразия литературы, издававшейся в российской провинции, значительный интерес для нашей темы представляют материалы провинциальных обществ. Наименее исследованы издания трех основных групп: церковно-археологических обществ и комитетов, губернских ученых архивных комиссий и, наконец, губернских и областных статистических комитетов. Материалы упомянутых организаций заложили основу для дальнейшей работы в этом направлении. Не останавливаясь на специфике данных публикаций, определяемых особенностями источников, отметим лишь издания, относящиеся к нашей теме.

Церковно-археологические общества и комитеты (к 1917 г. их насчитывалось 54) начали зарождаться в 50-е гг. XIX в. Основная задача, стоящая перед этими учреждениями, заключалась в создании истории епархии на основании обследований приходов и архивов, консистории и монастырей. Историко-статистический анализ епархий осуществлялся по специальной программе, разработанной Волынским ЦАО[1], и в том числе включал описание кладбищ. Работы велись священниками приходов. Материалы нескольких комитетов — Архангельского, Казанского, Орловского — были выпущены отдельными изданиями. Ряд публикаций хранится в фондах ЦАО истори-

[1] ЦАО — церковно-археологическое общество.

ческих областных архивов. Не менее интересными для нас являются описания отдельных монастырей и церквей, которые составили ЦАО и комитеты. В них также имеются сведения о кладбищах и церковных захоронениях. Ряд таких материалов был выпущен в виде отдельных изданий.

Активную издательскую деятельность осуществляли десять комитетов, в трудах которых и помещена бо́льшая часть описаний. Специальную работу, посвященную некрополям, выпустил только Казанский комитет — «Некрополь Казанского кафедрального собора» (Казань, 1907).

Из издающих ЦАКиО следует отметить: Архангельский церковно-археологический комитет; Воронежский церковно-археологический комитет — «Воронежская старина» (1902—1914) — 14 томов; Казанское церковно-археологическое общество; Киевское церковно-археологическое общество — «Чтения» (1899—1916), 14 выпусков; Орловское церковно-археологическое общество; Подольский историко-статистический комитет — «Труды» (1878—1901, 9 выпусков); Смоленский церковно-археологический комитет; Тверской церковно-археологический комитет; Тульское историко-археологическое товарищество — «Тульская старина» (1899—1916, 18 выпусков).

Второй группой обществ явились губернские ученые архивные комиссии (ГУАК). Созданные в 1884 г. по инициативе Н. В. Калачова первые четыре комиссии начали разработку гражданских архивов (в отличие от ЦАО). К 1917 г. существовало немногим более 40 подобных учреждений. Они также занимались историографией монастырей, пустыней, но уже по гражданским архивам. Кроме того, ими были подготовлены путеводители по городам, в которых нашли отражения и кладбища.

Описание трудов ГУАК было сделано **О. Шведовой.**

Активно и много публиковали материалы 12 комиссий: Владимирская ГУАК (1898) — «Труды» (1898—1917, 18 книг); Вятская ГУАК (1904) — «Труды» (1905—1917, от 2 до 6 вып. в год); Костромская ГУАК (1885) — «Костромская старина» (1890—1902, 7 вып.); Нижегородская ГУАК (1887) — «Действия» (1887—1916, 18 т.); Оренбургская (1904) — «Труды» (1889—1917, 35 т.); Полтавская (1903) — «Труды» (1905—1916, 15 т.); Рязанская (1884) — «Труды» (1885—1916, 27 т.); Саратовская (1886) — «Труды (1886—1916, 33 т.); Симбирская (1895); Таврическая ГУАК (1887) — «Известия» (1887—1920, 57 номеров); Тамбовская (1884) — «Известия» (1884—1918, 58 вып..); Тверская ГУАК (1884). Однако непосредственно работ, посвященных некрополям, почти не было. Можно указать лишь на две: это — Псковский некрополь (сборник Псковской ГУАК) и История Ярославского кладбища, нашедшая отражение в трудах Ярославской ГУАК.

Третья группа общественных учреждений — губернские и областные статистические комитеты. Созданные в 1834 г. с

целью собирания статистических данных в губерниях, они превратились в центры изучения губерний с широким диапазоном действия. К 1917 г. существовало 93 статистических комитета. Активно издавать материалы проводимых обследований губерний члены статкомитетов начали в 1870-е гг., хотя некоторые из них издавались уже с 1850-х гг. Интересующие нас материалы содержатся в «Памятных книжках губерний» — повременном издании, выходившем ежегодно. Здесь губернскими статистическими комитетами были опубликованы следующие статьи, посвященные некрополям:

Потулов И. И. Заметки о древних литовцах и их могильниках в Виленской губ. // Памятная книжка Виленской губернии на 1901 г. — Вильна, 1900.

Кузнецов С. К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Памятная книжка Вятской губернии на 1908 г. — Вятка, 1907.

Находка могил // Памятная книжка Вятской губернии на 1910 г. — Вятка, 1909.

Могила академика Гмелина // Дагестанский сборник. — 1900. — Вып. 2.

О погребенных в Киеве владетельных князьях, бывших в Киеве и упоминаемых в летописях // Памятная книжка Киевской губернии на 1856 г. — Киев, 1856.

Лапин С. А. Шахи-зинда и его намогильный памятник // Справочная книжка Самаркандской области на 1896 г. — Самарканд, 1896.

По некоторым имеющимся материалам можно восстановить историю погребений в каждой области. Статистические комитеты, созданные в 1834 г., за более чем 80-летний период своего существования смогли провести серьезные обследования курганов и могильников, составить археологические карты губерний, списки древних церковных памятников. Весь этот материал и был опубликован в трудах статистических комитетов.

Таким образом, мы имеем издания примерно 20 губернских комиссий Архангельского, Виленского, Витебского, Владимирского, Войска Донского, Воронежского, Вятского, Кубанского, Нижегородского, Олонецкого, Пензенского, Пермского, Псковского, Самаркандского, Симбирского, Тульского, Харьковского, Эстляндского.

При составлении специальной программы обследования некрополей существенным подспорьем могут стать списки населенных мест, изданные всеми комитетами, и кроме того, библиография по материалам, опубликованным всеми группами обществ, в основу которой положен географический принцип: (например, «Новгородика») и т. д. Такая классификация позволяет сегодня выявить пока еще не утерянные надгробия.

Описание материалов, посвященных некрополям, было бы неполным, если бы мы не отметили труда археологических обществ. Правда, в силу их большого числа нет возможности привести полный перечень публикаций по данной проблеме. Приведем некоторые из них.

Так, только в «Известиях общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (1878—1918) были помещены следующие статьи:

Рязанцев А. О старинном кладбище близ села Билярморского, Уржумского уезда Вятской губернии. — 1879. — Т. 2. — С. 145—146.

Магнитский В. К. Из поездки в с. Шуматово, Ядринского уезда, Казанской губ. — 1880/82. — Т. 3. — С. 160—179.

Якимов. Кладбище близ Старо-Шешминска, Чистопольского уезда. — 1884. — Т. 5. — С. 16.

Высоцкий Н. Ф. Следы древнего армянского кладбища в Казани. — 1885. — Т. 6. — Вып. 1. — С. 18—19.

Штукенберг А. А. Об одной из древних могил Спасского уезда Казанской губернии. — 1891. — Т. IX. — Вып. 3. — С. 21—22.

Вознесенский П. Надгробные камни в Жукотинском округе по левую сторону Камы. — 1894. — Т. XII. — Вып. 1. — С. 75—78.

Пантусов Н. Могила Ак-там (близ города Джаркента). — 1900. — Т. XVII. — Вып. 2—3. — С. 214—217, и др.

Помимо этого, в изданиях общества помещено множество статей о курганах, могильниках и других типах захоронений.

Немалый интерес представляют статьи следующих авторов:

Кузнецов С. К. О загробных верованиях и культе покойников у черемис. — 1882. — Т. 5. — С. 50—52.

Погребение у черемис Вятской губернии. — 1892. — Т. IX. — Вып. 3. — С. 1.

Тр-б-г П. Формы погребения у современных и древних народов России: 1) Полуостров Камчатка и побережье Берингова моря. Бассейны Анадыри, Яны и Колымы; 2) Бассейн Лены; 3) Бассейн Амура. — 1892. — Т. X. — Вып. 1. — С. 80—92; 4) Забайкальская область. — 1892. — Т. X. — Вып. 2. — С. 195—204; Вып. 3. — С. 289—299.

Прокопьев К. П. Похороны и памятники у чуваш. — 1903. — Т. XIX. — Вып. 5—6. — С. 215—250.

Кочнев Д. А. О погребальных обрядах якутов Вилюйского округа. — 1897—1898. — Т. XIV. — Вып. 4. — С. 474.

Матвеев С. М. Погребальные и поминальные обряды крещеных татар Уфимской губернии. — 1899. — Т. XV. — Вып. 1—2. — С. 241—242, и др.

В трудах археологических съездов интерес к захоронениям отразился наиболее полно:

Антонович В. Б. О древнем кладбище у Иорданской церкви в Киеве // Труды IV АС. — 1884. — Т. 1. — С. 42.

Берже А. П. Могилы святых и другие места, уважаемые мусульманами // Труды предварительного комитета V АС. — 1885. — С. 14, 29.

Васильев П. Историческая могила // Труды I АС. — 1869. — Т. 1. — С. CXXIV. Прот.

Веселовский Н. И. Надгробный памятник Тимура в Самарканде // Труды VII АС. — 1894. — Т. 2. — С. 67.

Комаров А. В. Обзор и описание пещер и древних могил в Дагестане // Труды предварительного комитета V АС. — 1885. — Т. 126, 432.

Мушкетов. О гробнице Тамерлана в Самарканде // Труды V АС. — 1885. — С. XXIV.

Павинский. Языческое кладбище в Добрышицах // Труды III АС.. — 1878. — Т. 1. — С. 245.

Поливанов В. Н. Древнее кладбище и городище у с. Муранах, Сызранского уезда//Труды VIII. — АС. 1895. — Т. 4 — С. 57.

Смирнов С. К. Древние надгробные надписи, открытые в Троицкой лавре//Труды I АС. — 1869. — Т. 2. — С. 417.

Тизенгаузен В. Г. О древних могилах у Мцхет, исследованных в 1871—1872 гг. г. Байерном // Труды IV АС. — 1884. — Т. 1. — С. 53.

Хвольсон Д. А. Что означают изображения на еврейских надгробных камнях, найденных на Таманском полуострове близ древней Фанагории//Труды II АС. — 1872. — Т. 2. — С. 26.

Хвольсон Д. А. О надгробном камне с еврейской надписью из Мцхета // Труды V АС. — 1885. — С. XXXIX.

Хвольсон Д. А. Сиро-несторианские надгробные надписи в Семиреченской области // Труды VIII АС. — 1895. — Т. 4 — С. 110.

Литература

1. *Шведова О.* Указатель трудов губернских ученых архивных комиссий и отдельных изданий // Археологический ежегодник за 1966 год. — М., 1967. — С. 377—433.
2. См. описание изданий ГСК: *Комарова И. И.* Предпроектные исследования в строительстве. Акмолинский-Воронежский. — М., 1988. — Вып. 1. Вятский-Ковенский. — М., 1989. — Вып. 2; Кубанский-Оренбургский. — М., 1990. — Вып. 3.

С. З. Чернов,
нач. Московской археологической
экспедиции ИА РАН

СЕЛЬСКИЕ НЕКРОПОЛИ XIV—XVI вв. НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА

Некрополи являются одной из важных категорий археологических памятников раннемосковского времени (вторая половина XIII—XV вв.). Именно в этот период на русском Северо-Востоке повсеместно распространяется каноническая форма христианского захоронения, что связано с проникновением православного вероучения и обрядовой практики в толщу народной жизни. Без изучения некрополей наши представления о раннемосковской культуре были бы неполными. Между тем такая многочисленная группа погребальных памятников, как сельские некрополи, на которых захоранивалась основная часть населения, известны в настоящее время значительно хуже, чем городские кладбища.

Сельские некрополи давно привлекли внимание исследователей. Упоминания о них встречаются в описаниях церковных древностей московского края, а также в работах по надгробиям (1). Ряд некрополей исследован археологически (2). Однако систематический анализ этой категории памятников не проводился. В определенной степени такое положение связано с представлением (тем более устойчивым, чем менее оно проверено конкретными исследованиями) о типологической идентичности некрополей XIV—XVI вв. и сельских кладбищ XVII—XVIII вв. Пока такое представление не изжито, количественный рост раскопанных погребений вряд ли будет вести к эквивалентному приращению наших знаний о раннемосковских некрополях. Поэтому представляется своевременным рассмотреть сельские некрополи XIV—XVI вв. и их особенности. Последние могут быть прояснены в значительно большей степени, если взглянуть на некрополи в контексте сельского расселения того времени. Именно такой подход применен в данной работе.

Настоящая статья написана по материалам, полученным при исследовании московских волостей Радонеж, Бели, Воря и переяславской волости Кинелы. Здесь в 1976—1989 гг. было выявлено 250 селищ XII—XVII вв., в том числе 40 поселений, на которых, по письменным данным, локализованы некрополи XIV—XVI вв. Из них 15 были исследованы археологически. Хорошая изученность этого района в сочетании с богатством относящихся к нему письменных источников XIV—XV вв. позволяет рассмотреть археологические материалы о погребальных памятниках в нескольких аспектах: 1. Признаки некрополей XIV—XVI вв. 2. Взаиморасположение жилой застройки поселения, церкви и некрополя. 3. Место некрополей в структуре расселения.

Рассматриваемый район, входивший в Радонежскую церковную десятину, испытывал ощутимое влияние Троице-Сергиева монастыря. Со стороны Москвы к нему примыкала Селецкая митрополичья волость, ряд сел принадлежал московскому Чудову монастырю. Поэтому некрополи этого края не могли не отразить традиций погребального обряда, характерных для церковного обихода Московского княжества XIV—XV вв.

Выявление некрополей XIV—XVI вв. связано с рядом трудностей. Могилы этого времени, помимо деревянных крестов, обозначались на поверхности лишь холмиками и могильными плитами. Следы их обыкновенно стирались кладбищами более позднего времени. Поэтому некрополи XIV—XVI вв. нередко обнаруживались случайно. Так, в 1860-е гг. при прокладке Ярославской железной дороги, близ Сергиева посада, в 0,5 км к юго-востоку от д. Зубачево, было «вырыто до сотни человеческих черепов» (3). Обследование этого места (рис. 5, в) показало, что железная дорога прошла через селище и могильник XIV—XVI вв. (4), которые сохранились на месте с. Юрьевского (Зубачева). Село известно с 1400—1410 гг., когда оно было продано Семеном Яковлевым, сыном Зубачева, Троицкому монастырю (5). По Сотной грамоте 1562 г. на левом берегу р. Торгоши (в Переяславском уезде), т. е. там, где открылся могильник, располагалась «треть села Зубачева, а в нем церковь Георгии Страстотерпец» (6). Первое ее упоминание относится к 1490 г. (7), но, судя по названию села, церковь существовала уже в начале XV в.

Ряд древних некрополей обнаружен на территории населенных пунктов, близ мест, на которых некогда стояли храмы. Так, в д. Площево (рис. 7, в), на месте, где, по преданию, находились церковь и кладбище, в начале 1980-х гг., при строительстве шоссе, было вскрыто до 30 белокаменных плит (8). Обнаружение в этом месте могильника закономерно, поскольку Площево упоминается в актах Троицкого монастыря в 1460—1470-е гг. как крупное село, являвшееся центром черной волостки. В д. Даниловской (рис. 6, г), близ места разрушен-

ной в 1933 г. часовни, во вторичном залегании найдено 12 фрагментов белокаменных надгробий с орнаментом в виде «волчьего зуба» первой трети XVI в. (9). Изучение архивных материалов показало, что часовня была поставлена на месте разобранной между 1785 и 1792 гг. церкви Архистратига Михаила. В XV—XVIII вв. с. Даниловское принадлежало московскому Чудову монастырю. К этому периоду и относится выявленный некрополь. Этот памятник интересен тем, что в XIV в. село, именовавшееся тогда Белями, являлось центром одноименной волости московских князей, известной с 1336 г. (10).

Оба отмеченных признака некрополей XV—XVI вв. — приуроченность к месту древней церкви и присутствие плит с орнаментом в виде «волчьего зуба» — отмечаются также на селищах в с. Черкизове на Клязьме, где найдено надгробие 7030 (1521—1522) (рис. 3, г; 10) (11), и посаде древнего Радонежа близ места церкви Афанасия Великого (12).

Наиболее подробно был исследован некрополь монастыря Великое Воскресенье, расположенного в 15 км от Троице-Сергиевой лавры. Эта небольшая обитель возникла в конце XIV в., когда местный землевладелец Никита Камчатый поставил в своей вотчине храм Воскресения, принял монашество и священство и стал игуменом в своем монастыре (13). Около 1473 г. Воскресенская церковь с одноименным сельцом и окружающими землянами перешла к Троице-Сергиеву монастырю, за которым сельцо значилось и в 1544—1545 гг. (14). В межевой книге 1557—1559 гг. сообщалось лишь о «церковной земле» Воскресенской (15), а ко времени составления Сотной грамоты 1562 г. сельцо перестало существовать (16). После польского разорения (17) в 1627—1629 гг. это место именовалось «пустошью, что был погост Воскресенский». Часовня существовала здесь и позже, на что указывает упоминание в 1774 г. «Воскресенского пустового погоста экономического ведомства» (18).

В настоящее время Воскресенский погост — это сельское кладбище с обваловкой (50×30 м) и следами сгоревшей в 1976 г. деревянной часовни (рис. 7, г). Археологическое обследование выявило к западу от кладбища культурный слой XIV—XVI вв. на площади 7 тыс. кв. м. (19). Небольшой шурф (16 км. м.) был заложен на заброшенном участке кладбища, где наше внимание привлекли три могильные плиты из валунного камня. После снятия 40 см слоя, выявились еще четыре подобные плиты и одно надгробие из белого камня с орнаментом из мелких треугольников («волчий зуб»; размеры надгробия — 92×44×5 см). На глубине 100—150 см (70—110 см от уровня древней поверхности) были обнаружены следы нескольких погребений. Два из них были совершены в деревянных колодах. Ориентировка погребений — головой на ЗЮЗ. Судя по особенностям белокаменного надгробия, погребения можно отнести к концу XV — первой половине XVI в.

К западу от кладбища был заложен раскоп (224 кв. м.), южная часть которого захватила зону жилой застройки, а северная — некрополь, который подвергся на этом участке распашке. Плохая сохранность костей и то обстоятельство, что погребения перекрывали друг друга, затрудняли их идентификацию. В квадратах 1—10 было прослежено пять могильных ям, ориентированных ЮЗ—СВ. Могильная яма № 2 (2,5×0,7 м; глубина — 103 см) заполнена переотложенной материковой глиной (кости не встречены), остальные — переотложенным культурным слоем XIV—XV вв. (6,7% серой, 86% красноглиняной, 7% белоглиняной грубой, 0,3% мореной керамики). В юго-западной части ямы 5 (2,3×0,8 м) на глубине 85 см прослежен череп. В яме 7 (2×0,5 м; глубина 106 см) следы костей выявлены на глубине 80 см, а в яме 8 (2,4×1 м, вероятно, две частично совпадавшие ямы) — на глубине 105 см. Южнее, в квадратах 11—16, начиная с зачистки четвертого пласта, очертилась обширная яма 6 (4,2×4 м), содержавшая следы нескольких частично перекрывающих друг друга погребений. Одно из них прослеживается в кв. 12 в виде следов костей (135—160 см), другое было совершено на глубине 135 см в колоде (1,6×0,7 м, ориентирована ЗЮЗ—ВСВ) и перекрыло более раннее погребение в ящичном гробовище (153—158 см). От гробовища сохранились два бруска, лежащие перпендикулярно друг другу (1,05 м, 0,6 м; толщина — 0,15 м). Ориентировано гробовище ЮЗ—СВ. В его юго-западной части, на отметке 158 см, прослежен череп, несколько смещенный со своего первоначального места. Погребения в гробовищах такого типа характерны для второй половины XVI—XVII вв. (20), но судя по развалу краснолощеного сосуда, найденного внутри гробовища на отметке 145 см и отсутствию материала второй половины XVI—XVII вв., эти погребения, скорее всего, были совершены в первой половине XVI в. В кв. 16, на глубине 155 см, зафиксирован череп от разрушенного погребения. Ниже, на глубине 167—180 см, расчищена бревенчатая обкладка из двух, лежащих перпендикулярно друг другу бревен длиной 95 и 100 см, ориентированных ЗВ. Погребение не сохранилось. В яме 6 также найдены обломок белокаменной могильной плиты с орнаментом в виде «солнца», выполненного мелкими треугольниками (вторая половина XV — первая половина XVI в., 153 см), и развал белоглиняного грубого горшка (высота 16 см, диаметр венчика 12 см) того же времени.

Эти материалы, полученные на типичном сельском некрополе XV — первой половине XVI в. (21), позволяют выделить признаки, характерные для подобных памятников: каноническая западная (юго-западная) ориентировка погребений, глубина могильной ямы — 0,7—1,7 м, совершение трупоположения в деревянном гробу-колоде или ящичном гробу, белокаменные надгробные плиты с орнаментом в виде «волчьего зуба» и над-

гробия из валунного камня. Поскольку первые три признака не позволяют отличить безынвентарные погребения XIV—XVI вв. от более поздних, особый интерес представляют надгробия из валунного камня, которые в XVII—XIX вв. не употреблялись (рис. 8).

Помимо Воскресенского погоста, такие надгробия были зафиксированы в с. Благовещенье, известном с 1462—1466 гг. (22) (рис. 7, а), с. Душенове (рис. 6, а), с. Микульском на Пруженке (рис. 5, а) и д. Михайловской на р. Воре (рис. 4, в). Они представляют собой примитивно обработанные валунные камни, которым придана более или менее прямоугольная форма. Для большинства плит характерны подправка с боков, придавшая валунам вытянутую форму, а также скругление углов. К первому типу (рис. 1) относятся крупные образцы длиной 100—120 см. Ширина их колеблется в пределах 70—100 см, а толщина — от 6 до 40 см. Среди них представлены плоские плиты, которым придана подпрямоугольная форма (№№ 16, 20), плоские ромбовидные (№ 18) и почти совершенно не обработанные глыбы валунного камня (№ 4) (24). Плита №15 имеет непропорционально большую толщину, которая обусловлена толщиной исходного природного камня-плитняка (25). Второй, наиболее многочисленный тип, — это плиты длиной 70—90 см. Они имеют ширину на порядок меньшую, чем плиты первого типа (40—60 см), что соответствует их пропорциям. Типичные плиты этой группы (№№ 10, 25) несут явные следы обработки. Надгробия, изготовленные из камня-плитняка, имеют гладкую верхнюю и нижнюю поверхности при толщине 10—30 см (№№ 11, 12, 14, 17) (26). Третий тип представлен небольшими валунными камнями, не превышающими в поперечнике 50—60 см. Они имеют случайную форму, соответствующую естественным очертаниям валунов и часто не подправлены (№№ 8, 13) (27). Иногда и для них выбирались плоские камни, ширина которых подгонялась до 35—60 см (№ 5) (28).

Для датировки плит из валунного камня важна находка, сделанная в д. Михайловой на р. Воре (рис. 4, б; 9). В XV в. здесь располагалось вотчинное сельцо Михайловское, отданное около 1461 г. его владельцем Василием Михайловичем Троицкому монастырю (29). Судя по отчеству вотчинника, село Михайловское могло получить название по имени его отца, жившего в первой четверти XV в. В 1976 г. на усадьбе дома № 16 был обнаружен могильник (30). По словам владельца усадьбы при земляных работах на ней встречалось большое количество человеческих костяков. Перед домом старожилы указали место часовни Никиты, поставленной в память бывшего здесь «девичьего монастыря». В ходе осмотра усадьбы было обнаружено три плиты из валунного камня. Одна из них располагалась в 10 м к востоку от СВ угла дома № 16. В ходе

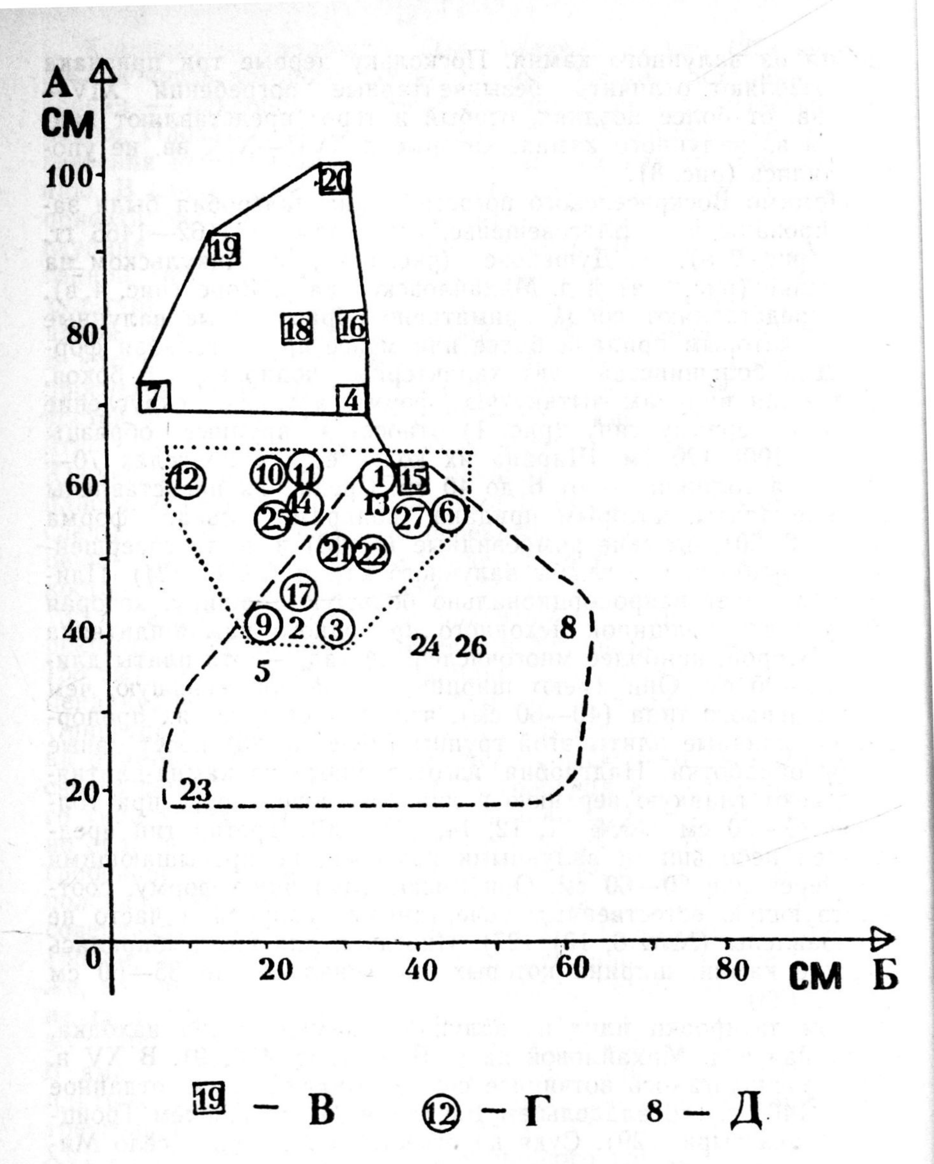


Рис. 1. **Могильные плиты из валунного камня. График соотношения размеров.**
А — ширина; Б — толщина; В — плиты длиной 1—1,2 м; Г — плиты длиной 0,7—0,9 м; Д — плиты длиной 0,5—0,6 м; 1—9 — Воскресенский погост (1—3—1978 г., 4—9—1979 г. соответствуют №№ 2, 3, 4, 6, 8, 9 отчета); 10 — 16 — с. Благовещенье (№№ 1—7 отчета); 17 — с. Душеново; 18, 19 — с. Михайловское на Воре; 20—26 — с. Микульское на Пруженке (№№ 1—4, 15, 16, 26 отчета 1990 г.); № 27 — с. Радонеж, могильник у церкви Преображения. Длина плит (в см.) в последовательности, соответствующей их нумерации: 85, 60, 90, 100, 105, 109, 100, 50, 70, 80, 90, 70, 80, 90, 70, 60, 90, 100, 120, 60, 120, 100, 102, 85, 85, 30, 60, 75, 60, 90.

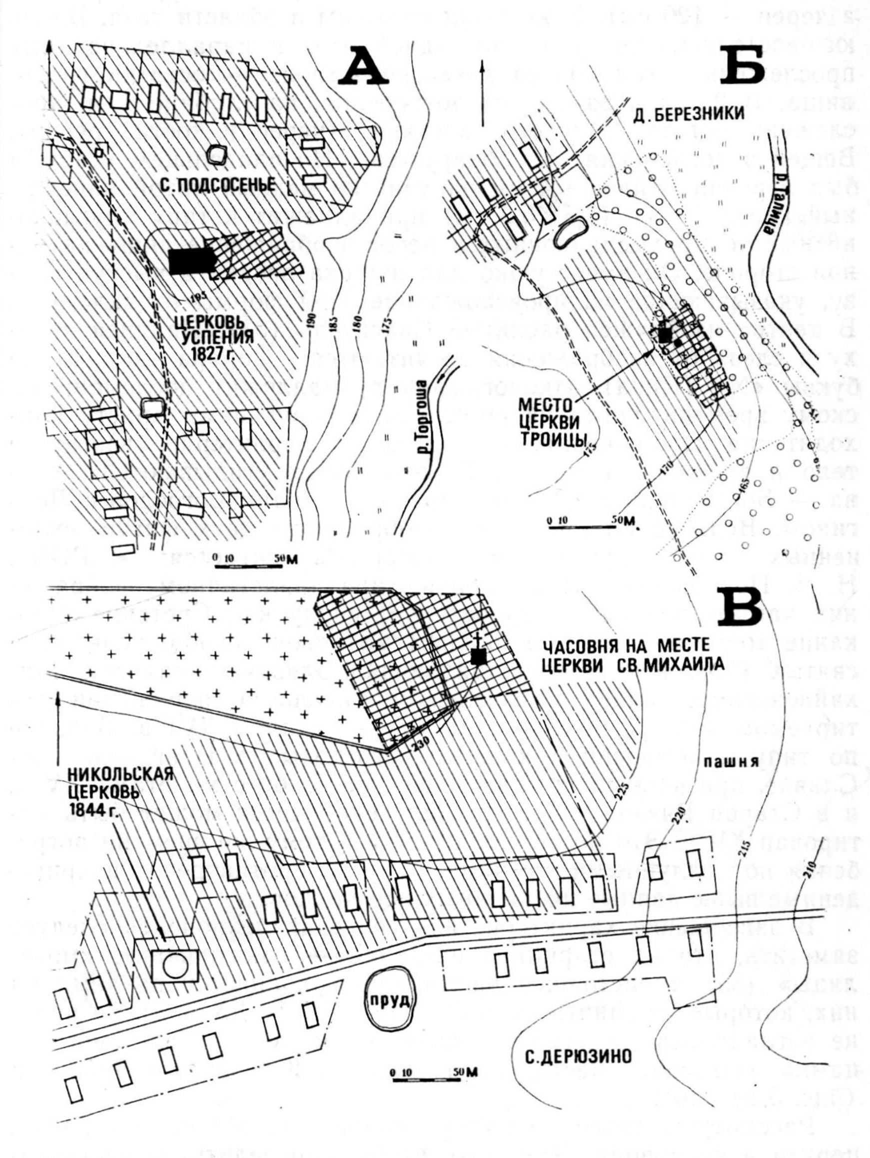


Рис. 2. Монастыри и села при реке, протекающей к востоку.

А — монастырь Успения Богородицы под Сосной; Б — монастырь Троицы на Березнике; В — с. Михайловское Дерюзино. Условные обозначения к рисункам 2—7 — см. на рис. 4 (все отметки высот от уровня Балтийского моря).

раскопок под плитой обнаружено погребение, ориентированное головой на ЮЗ. Костяк лежал на спине (ноги на уровне 85 см, а череп — 120 см). Руки были сложены в области таза. Вдоль юго-восточного контура могильной ямы и параллельно ему прослежена узкая полоса древесного тлена — остатки гробовища. В 0,3 м к западу от погребения, на глубине 1 м, прослежены остатки детского костяка (череп и кости ребер). Вещей в погребениях не обнаружено. Но владельцем усадьбы был передан найденный им на участке медный литой наперстный крест. Крест (7,5×5,2 см) принадлежит к типу круглоконечных четырехмедальонных и несет изображение лишь на одной стороне. Он имеет ушко для шнурка вверху и выступ снизу, указывающие на происхождение этой формы от складней. В центре изображен распятый Спаситель (31). Надписи вверху и слева от изображения не читаются. Справа видны две буквы «N» (Ника). Иконография принадлежит послемонгольскому времени, когда на смену триумфирующему Христу приходит тип изображения, для которого характерно изогнутое тело и склоненная голова. В медальонах угадываются: слева — Богоматерь с Марией, справа — Иоанн Богослов с Лонгином. Верхнее клеймо несет изображение двух фигур, склоненных друг к другу, над которыми читается: «...РОЧ». Н. В. Покровский читает надпись при аналогичном изображении как «отроче» и интерпретирует сцену как Сретение (ласкание «отроча») (32). В нижнем медальоне изображены двое святых (33). Крест, представляющий близкую аналогию Михайловскому, найден в московском Заяузье, в сооружении, датируемом по керамике концом XV — началом XVI в. Близкие по типу и композиции кресты встречены в Новгороде, на Славне, при раскопках кладбищенского слоя с монетами XV в. и в Старой Рязани (34). Михайловский крест может быть датирован XV в. Это позволяет отнести к тому же времени погребения под валунными камнями, чему не противоречат и приведенные выше данные письменных источников.

В завершение характеристики сельских некрополей следует заметить, что их старинное название — «могильник», «могилицы» (35) в настоящее время еще сохраняется за теми из них, которые не заняты кладбищами XVIII—XX вв. и не вполне изгладились из памяти местного населения. Так, «могильцами» называют место некрополя с. Юрьевского Зубачева (рис. 5, в) (36).

Рассмотрим теперь взаиморасположение жилой застройки, церкви и некрополя. Для того, чтобы определить, существовали какие-либо приоритеты в размещении некрополя как места погребения, необходимо учесть топографические условия (расположение поселения относительно реки, рельеф), направления дорог и другие обстоятельства, оказывающие влияние на размещение храма. Поэтому поселения будут рассматриваться

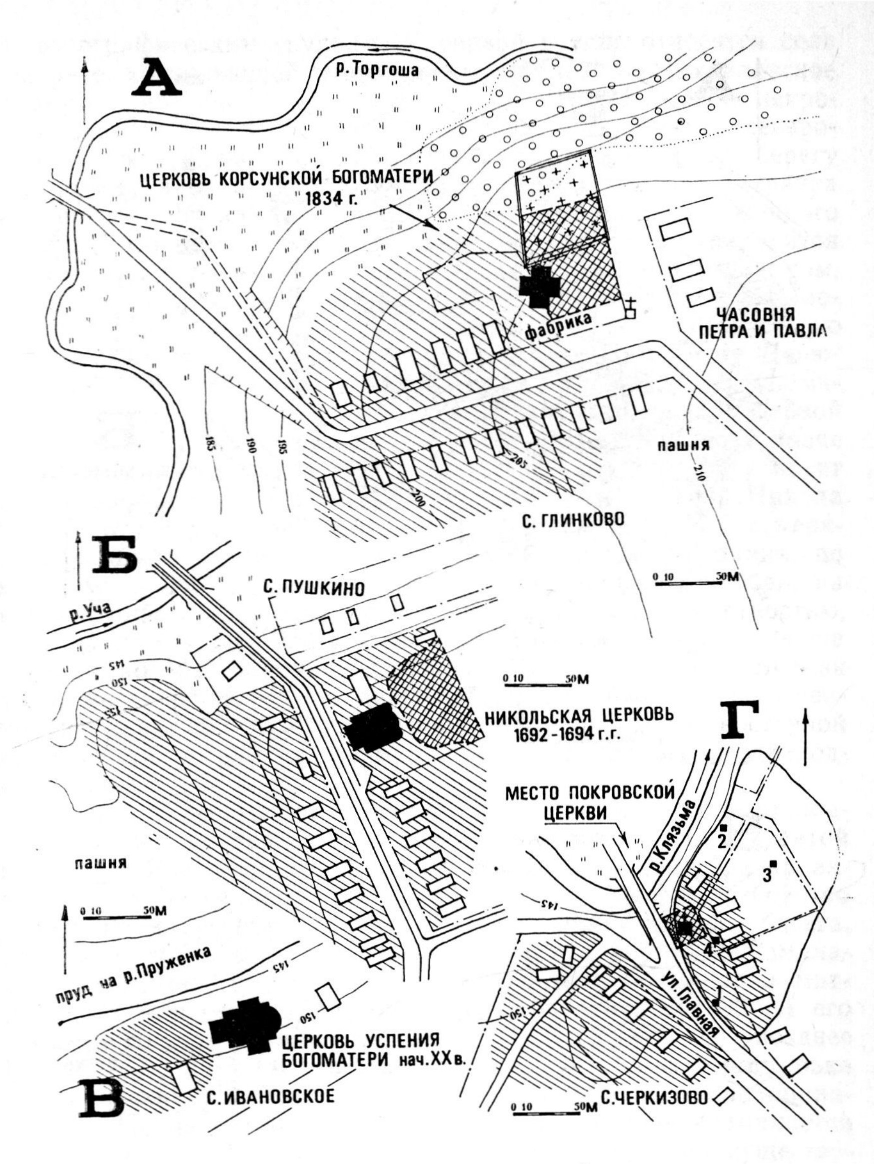


Рис. 3. **Села при реке, протекающей к северу.**
А — с. Беклемишево (Глинково); Б — с. Пушкино на р. Уче; В — с. Ивановское на р. Пруженке; Г — с. Черкизово на р. Клязьме.

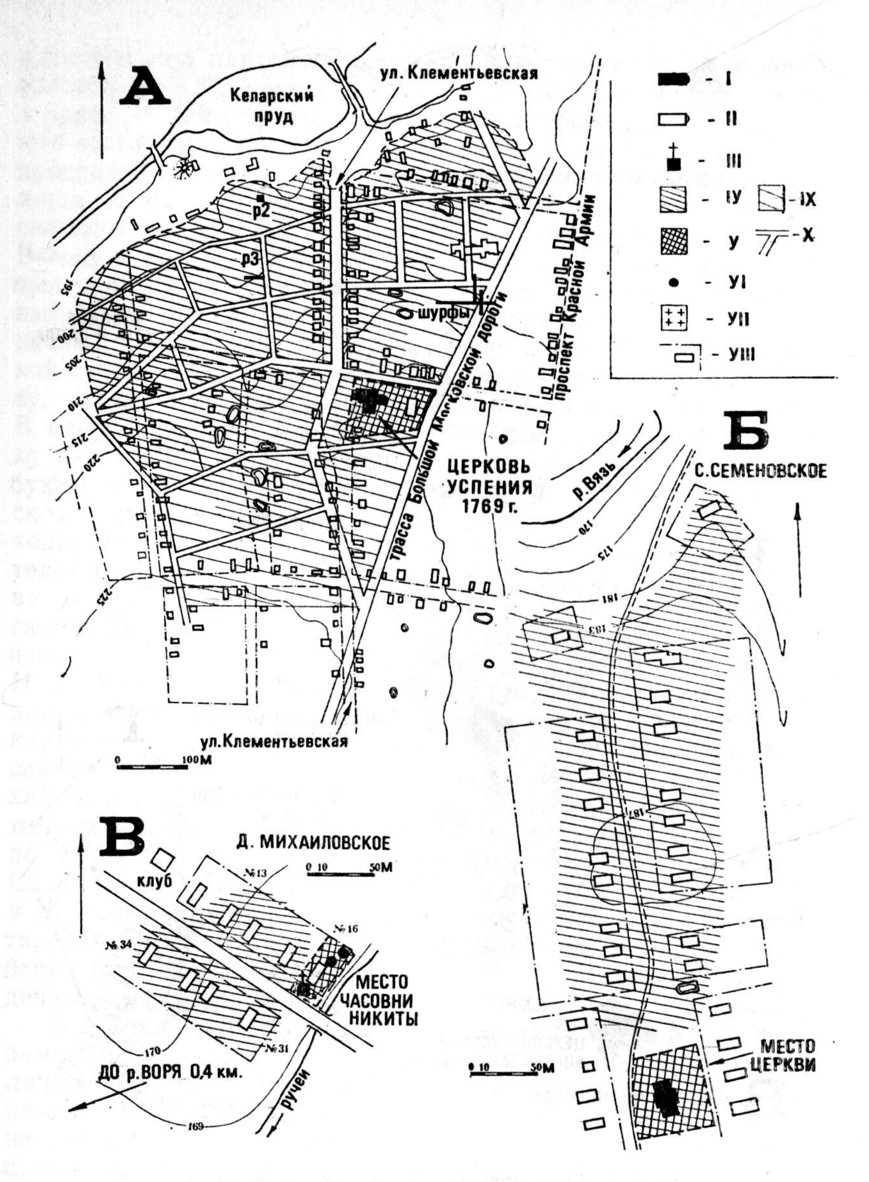


Рис. 4. Села при реке, протекающей к северу, с храмом и некрополем, вынесенными на водораздел.

А — с. Клементьево (позднее — часть г. Сергиев посад) (уменьшено); Б — с. Семеновское на р. Вязь; В — с. Михайловское на р. Воре (при ручье). I — церковь на ее первоначальном месте; II — церковь XVII—XIX вв.; III — часовня на месте первоначальной церкви; IV — селище XIV—XVI вв.; V — некрополь XIV—XVI вв.; VI надгробие XIV—XVI вв.; VII — кладбище XVIII—XX вв.; VIII — существующая застройка; IX — культурный слой XVII—XVIII вв.; X — уличная сеть до перепланировки XIX в., показанная на плане 1775 г.

по топографическим группам. К **первой группе** относятся села при реке, протекающей к востоку от поселения (Михайловское на Воре, Дерюзино — рис. 2, в; 4, б). В Михайловском некрополь размещался на восточной окраине поселения, к северо-востоку от церкви. Село Дерюзино расположено на берегу р. Вондюги и ориентировано в настоящее время вдоль тракта из Сергиева посада на Александрову слободу, проложенного в первой половине XVI в. В западной части села находится Никольская церковь 1844 г. Бытующее в селе предание о том, что церковь стоит на месте монастыря, подтверждается жалованной грамотой Ивана III, данной Троицкому монастырю между 1467 и 1474 гг. на их «монастырек» Николы на Дерюгине (37). В источнике, относящемся к 1417—1427 гг., упоминается «путь... к церкви к Святому Михаилу», как в первой половине XV в. именовалось Дерюзино (38). Древнее название села сохранялось и позднее: в сотной 1562 г. оно фигурирует как «Село Михайловское Дерюзино, а в нем церковь Никола Чудотворец да предел Дмитрий Селунский» (39). Место церкви Архангела Михаила определяется на основе предания, по которому в 300 м к северо-востоку от Никольской церкви, на возвышенности, господствующей над окружающей местностью, некогда стояла деревянная церковь. Позднее была устроена часовня, которая к началу XX в. уже не существовала. Вблизи этого места расположено действующее кладбище, что косвенно указывает на то, что именно здесь на северо-восточной оконечности поселения, размещался первоначальный приходской храм.

По топографическим условиям к описанным селам примыкают малые монастыри: Троица на Березнике, Илья Святой на Воре и Богородица под сосной (рис. 2, а, б). Для них характерна постановка храма на высоком берегу реки и устройство кладбища к востоку от храма, между ним и краем берега. Мужской монастырь Троицы на Березнике впервые упоминается в грамоте, данной «по благословению» племянника митрополита Алексея «старца Давида» (скончался в 1393 г.) его внуком «Иваном Даниловым сыном Даниловича» не позднее 1438 г. (40). Судя по этому документу, ктиторами монастырька был боярский род Бяконтовых. В 1471 г. обитель была приписана к Троице-Сергиеву монастырю, за которым упоминается в 1503/1504 г. (41). К 1544 г. монастырь перестал существовать, обратившись в «Троицкий погост» (42). К 1586—1596 гг. здесь возникло «сельцо Березовец на речке на Талице, а в нем церковь Троицы Живоначалные, древена, клетцки, а церковь, поставленье и церковное строение монастырское» (Троице-Сергиева монастыря — С. Ч.) (43). К XVIII в. сельцо запустело (44). В 1773 г. церковь была упразднена, и ее заменила деревянная часовня. Место монастыря определяется в районе кладбища (75×37 м), расположенного на краю первой террасы

р. Талицы. В его западной части до 1970-х гг. сохранялась часовня, построенная на месте церкви Троицы. В 10 м к ЮВ от него была расчищена белокаменная могильная плита 1631 г. (45). Культурный слой прослежен к северу, западу и югу от древнего кладбища.

Село Богородцкое (1462—1466 гг.) или «У Богородицы под сосною» (1981 г.) (46) получило название по расположенному в нем храму. Между 1536 и 1559 гг. здесь возник девичий монастырь, знаменитый тем, что в нем приняла постриг младшая дочь кн. Владимира Андреевича Старицкого по возвращении ее из Германии в 1586 г. (47). В писцовой книге 1588—1597 гг. в монастыре упомянуты храмы Успения Богородицы и Воскресения Христова (48), причем в дозорной книге 1614 г. о первом говорится: «каменой, разорен от литовскихъ людей» (49). После смутного времени монастырские храмы были обращены в приходские. Вокруг них возникло каре жилой застройки, открытое в сторону реки (50). Археологическое исследование показало, что в XIV—XV вв. застройка примыкала к церкви с севера, запада и юга. Кладбище зафиксировано к востоку от церкви, между ней и склоном к р. Торгоше (51).

Если размещение церквей и некрополей на поселениях первой группы можно объяснить стремлением использовать для этой цели хорошо обозреваемые берега рек, то это объяснение не описывает всех вариантов размещения храмов в селах второй группы — на берегу реки, протекающей к северу от поселения. В трех селах этого типа (Глинкове, Пушкине на Уче и Ивановском на Пруженке — рис. 3, а—в) церкви занимают край высокого берега, но при этом во всех случаях приурочены к восточной окраине поселения. Село Глинково, известное под этим названием с 1462—1466 гг., возникло, по археологическим данным, в XIV в. (52) и получило название по родовому прозвищу московского боярина Федора Беклемишева — в 1425 г. оно упоминается как «село Беклемишево» (53). В с. Пушкине, которое также связывается с боярским землевладением XIV—XV вв. (54), кладбище располагается к востоку от церкви, что позволяет вспомнить уже отмечавшуюся схему, когда застройка, церковь и некрополь следуют одно за другим с запада на восток. Лишь в с. Черкизове некрополь зафиксирован в центральной части селища, близ существовавшей до 1920-х гг. Покровской часовни (рис. 3, г). Следует, впрочем, учесть, что возникшее в XIV в. село, с которым связан некрополь, частично перекрыло поселение XII—XIII вв., занимавшее край высокого берега Клязьмы к северо-востоку от возникшего позднее некрополя (55). Устройство храма в восточной части поселения отмечается и для сел, стоявших на двух берегах рек (села Бели-Даниловское и Шараповское) (56) (рис. 6, г, д).

В других селах этой группы (Клементьеве близ Лавры и Семеновском на Вязи — рис. 4, а, б) церкви располагаются в

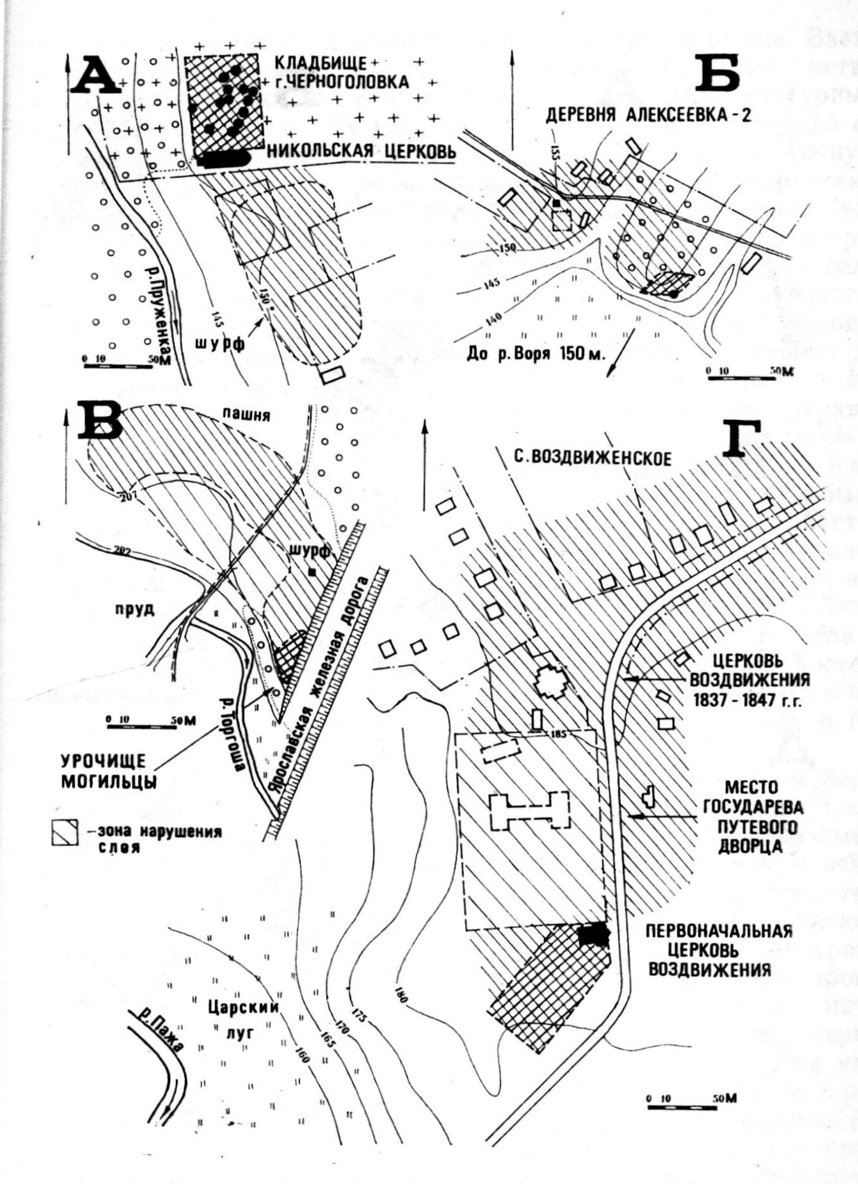


Рис. 5. **Села при реке, протекающей к западу с храмом и некрополем у кромки берега.**

А — с. Микульское на Пруженке; Б — с. Никольское на р. Воре; В — с. Юрьевское (Зубачево); Г — с. Воздвиженское.

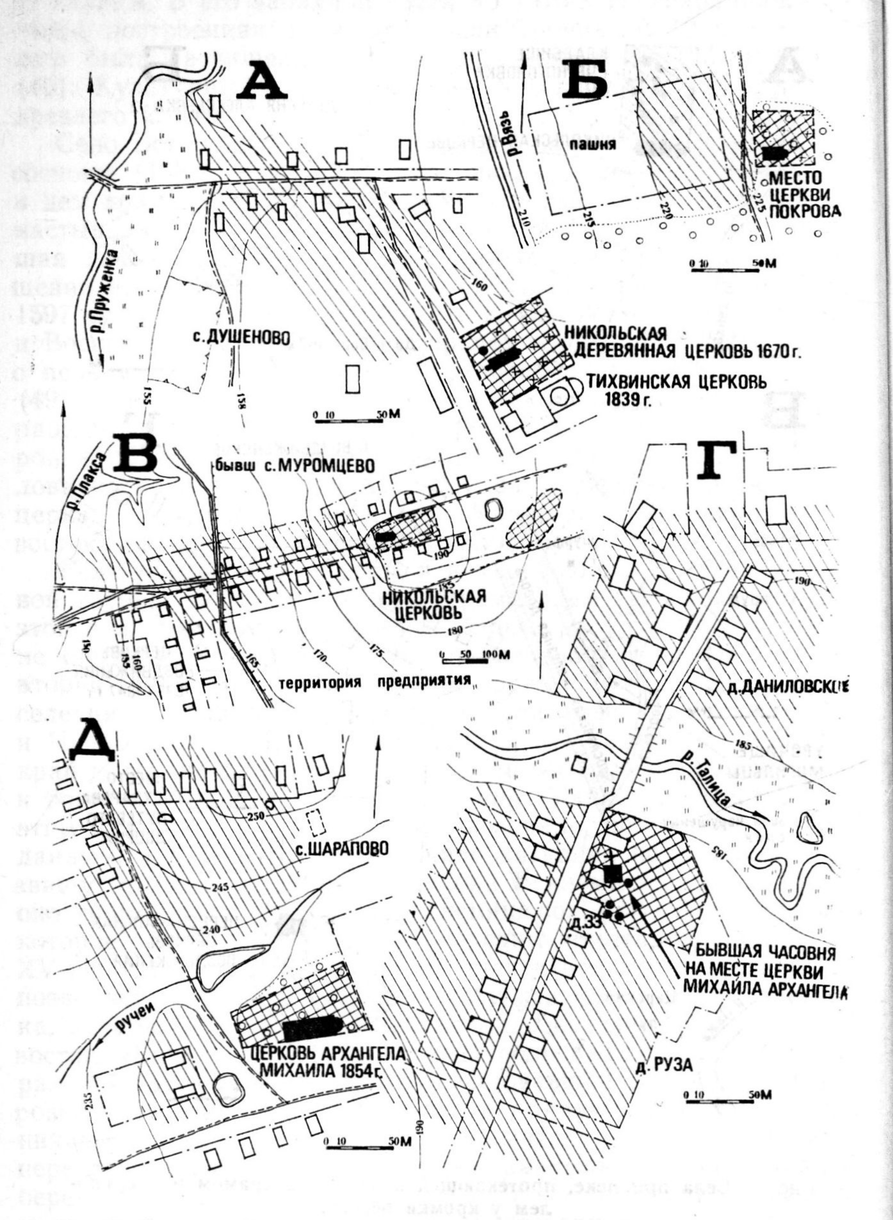


Рис. 6. **Села на берегу реки, протекающей к западу, с храмом и некрополем, вынесенными на водораздел (кроме Д, Г).**

А — с. Душеное; Б — с. Воронино на р. Вязь; В — с. Конотеребово (Муромцево). Села на двух берегах реки или ручья: Г — с. Даниловское-Бели; Д — с. Шараповское.

400—500 м от реки на возвышенностях второй террасы. Взаиморасположение церкви и жилой застройки наиболее четко прослеживается на примере с. Семеновского, где культурный слой поселения XIV—XV вв. залегает вдоль улицы, ведущей от церкви к берегу реки. Церковь здесь выдвинута на южную оконечность поселения. В с. Клементеве первоначально схема была та же, но она подверглась усложнениям в связи с тем, что к началу XVI в. село превратилось в крупное торгово-ремесленное поселение (134 двора) (57). Планировка села XVII в. была зафиксирована планом 1775 г. (58). Археологическое обследование показало, что слои XV — первой половины XVI в. охватывают пространство на север от церкви до ручья, вдоль Клементьевской улицы, а также на запад от последней. Территория к востоку и северо-востоку от церкви, вплоть до большой Московской дороги, была заселена лишь к XVII—XVIII вв. (59). Судя по наличию серой керамики, с. Клементьево возникает в XIV в. Между 1410 и 1425 гг. оно было передано радонежским князем Андреем Троицкому монастырю (60). Первое документальное известие о церкви Успения Божьей матери относится к 1513 г. (61). Однако, учитывая, что хранившееся в ней евангелие датируется 1410 г. (62), можно предполагать, что храм существовал еще до перехода села к монастырю. Следовательно, планировка села с храмом, поставленном на возвышенности, у северо-восточной оконечности поселения, восходит к первой четверти XV в. или несколько более раннему времени.

Таким образом, если церковь возводили на коренном берегу и существовала возможность разместить ее в центре поселения, на его западной или восточной окраине, выбор неизменно останавливался на последнем участке. Если же храм основывался на некотором удалении от реки, на возвышении, господствовавшем над поселением, его могли разместить и на южной окраине села, лишь бы пространство к востоку от храма оставалось свободным от застройки. Для того, чтобы проверить, насколько данная интерпретация подтверждается материалами, рассмотрим группу сел, которые возникли на берегу реки, протекающей к западу от поселения (рис. 5). Уже упоминавшийся некрополь в селе Юрьевском (Зубачеве), который можно связывать с церковью Георгия начала XV в., расположен у южной оконечности поселения. Еще более ярко этот вариант размещения церкви проявляется на примере с. Воздвиженского, известного с 1467—1474 гг. как великокняжеское (63). Если в настоящее время церковь (1837—1847 гг.) расположена в центральной части села, то в XVII—XVIII вв. деревянная церковь Воздвижения креста находилась в южной части поселения и была отделена от крестьянских дворов путевым дворцом (64). Некрополь приурочен к месту первоначального храма, который в XV—XVI вв. был как бы выдвинут за преде-

лы жилой застройки: с юга и востока его окружали открытые пространства (65). В селе Никольском на Воре некрополь, видимо, также находился у юго-восточной оконечности селища, но также в окружении открытых пространств в западном и восточном направлениях расположена церковь княжеского села Микульского на Пруженке, упоминаемого в докончании сыновей великого кн. Ивана Калиты конца 1340-х — начала 1350-х гг. (67). К северу от церкви выявлен обширный некрополь XV—XVI вв. хорошей сохранности (рис. 5, а).

На примере третьей группы поселений видно, что когда для лучшего обзора храм ставили на берегу реки, могли избрать как южную, так и северную окраину селения. Но при этом пространство к востоку от храма оставалось свободным от застройки.

В селах Воронине на Вязи (68) и Коннотеребове (Муромцеве) (69) (рис. 6, б, в) так же, как в Семеновском и Клементьеве, церкви были основаны не у реки, а на возвышении второй террасы, господствовавшем над поселением и окружающей местностью. Поскольку здесь возвышенности лежали к востоку от сел, это позволяло создавать впечатляющие композиции: застройка села, храм и некрополь следовали с запада на восток, возвышаясь одно над другим. О том, что такая композиция являлась осмысленным планировочным решением, сидетельствует план села Душенова (рис. 6, а). Жилая застройка этого поселения начиналась от коренного берега и распространялась на 300 м вглубь от реки. Учитывая равнинный характер местности, можно было ожидать устройство церкви на берегу реки. Однако она была вынесена на юго-восточную окраину поселения. В 1977 г. на месте древнего храма еще сохранялась деревянная Никольская церковь 1670 г., близ которой было найдено надгробие из валунного камня, служащее признаком раннего некрополя (70). Село Душеново принадлежало к середине XIV в. митрополиту Алексию и перешло по его духовной грамоте (1366—1378 гг.) основанному им московскому Чудову монастырю (71). Вполне вероятно, что строительство храма велось по благословению митрополита. Поэтому его размещение вряд ли было случайным.

В наиболее чистом виде прослеженные закономерности проявляются в селах **четвертой группы**, основанных в удалении от рек, на вершинах возвышенностей (Благовещенье, Спас-Тарбеево (72), Горбуново (73), Площево). Как можно видеть (рис. 7), поселение XIV—XVI вв. размещалось обыкновенно на западном склоне холма, а церковь возводилась на его вершине, к востоку или северо-востоку от жилой застройки. Погребения совершались рядом с храмом или к востоку от него.

Даже этот неполный обзор сельских некрополей XIV—XVI вв. позволяет заключить, что они имели определенные и довольно существенные отличия от кладбищ позднейшего времени.

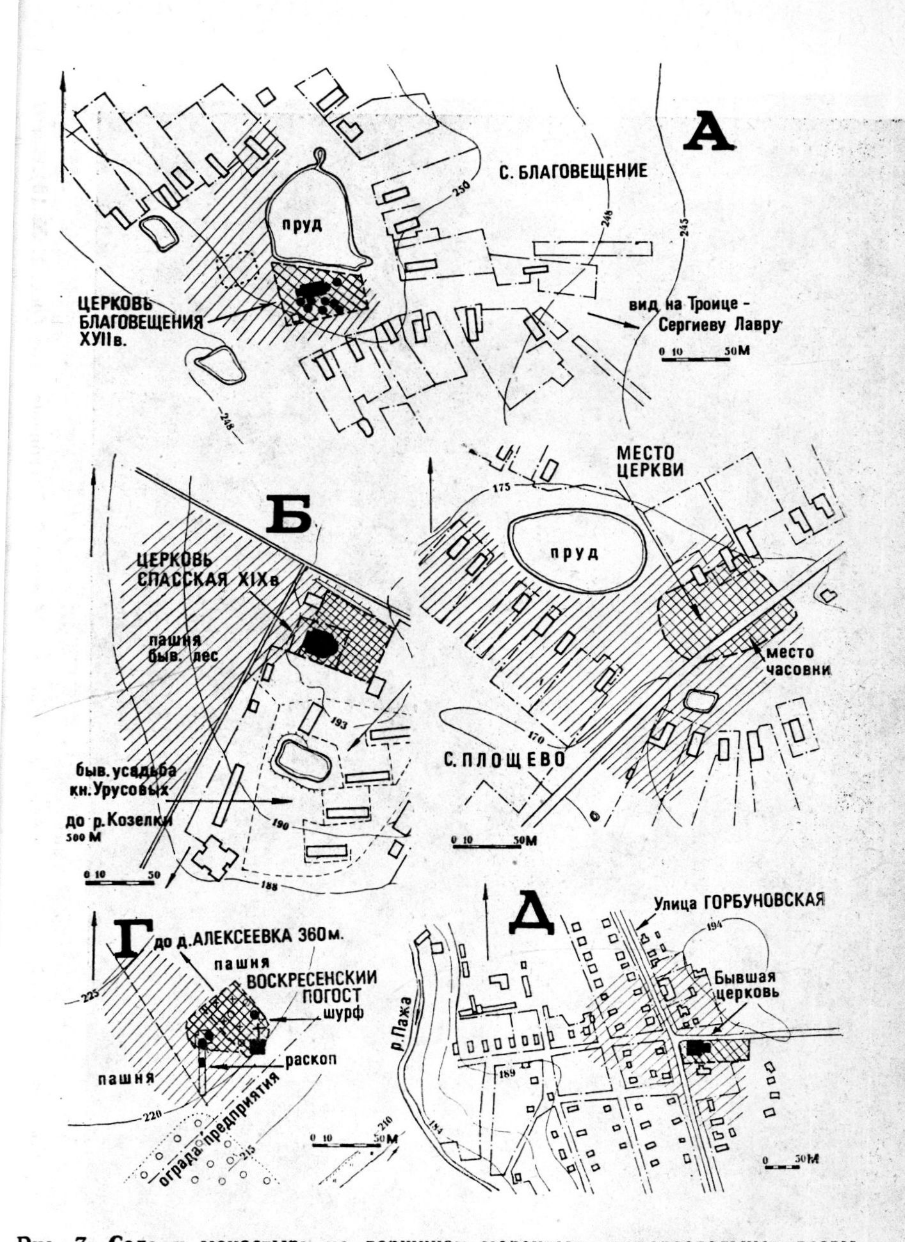


Рис. 7. Села и монастырь на вершинах моренных водораздельных возвышенностей.

А — с. Благовещенское; Б — с. Спас-Тарбеево; В — с. Площево; Г — монастырь Великое Воскресение; Д — с. Горбуново.

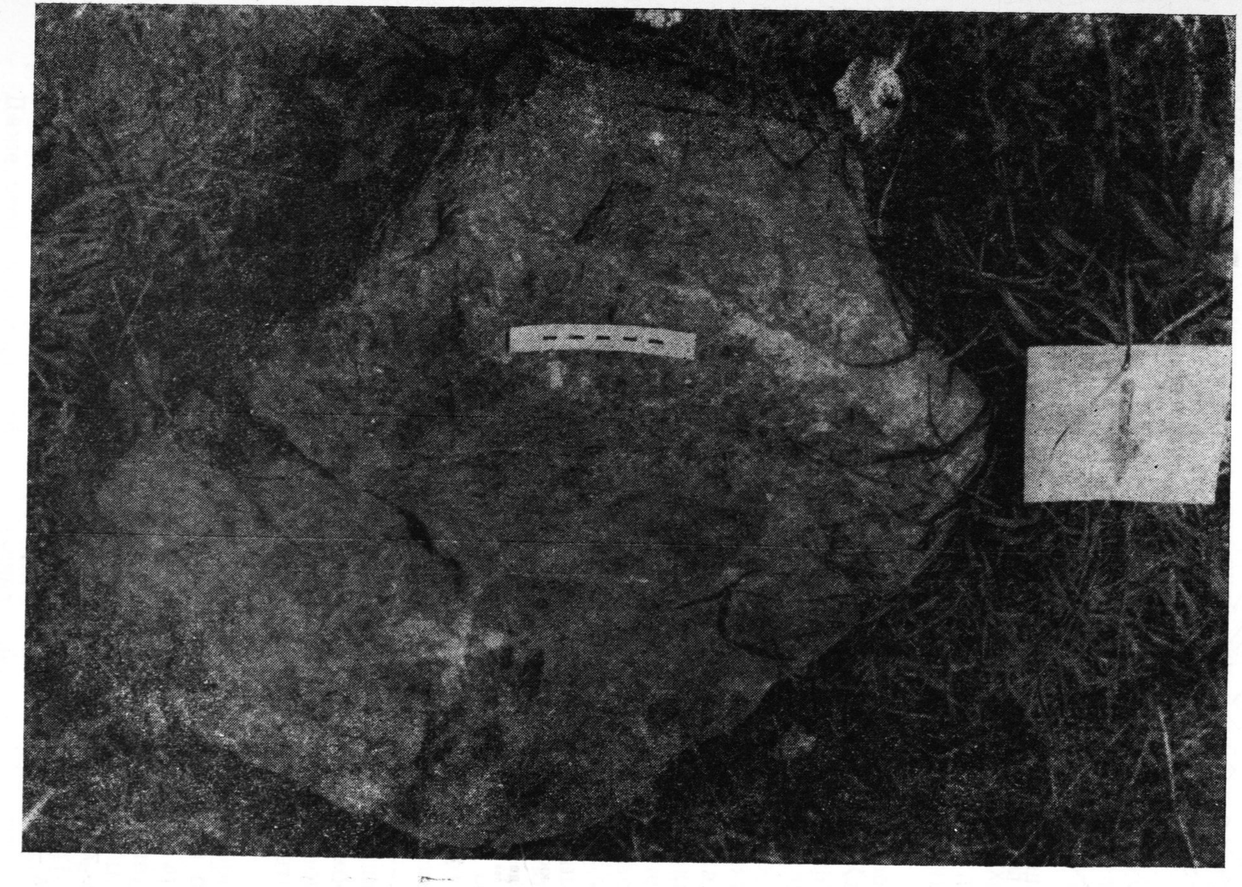


Рис. 8. **Надгробие из валунного камня со следами обработки. С. Благовещенское (рис. 1, № 10).**

Рис. 9. **Наперстный крест из могильника в с. Михайловском на Воре.**

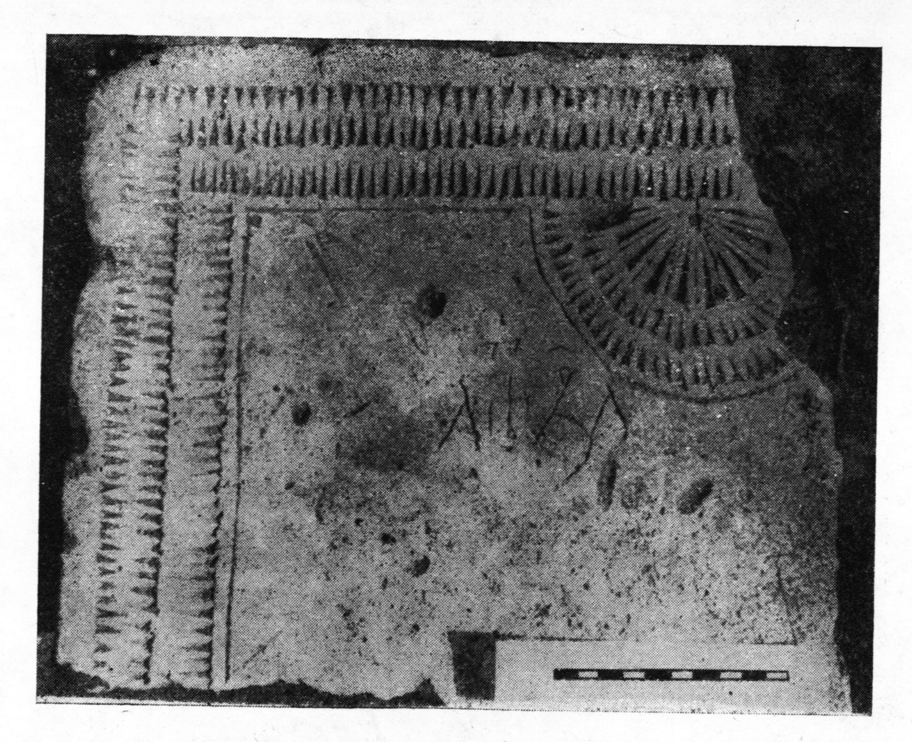


Рис. 10. **Белокаменное надгробие 1521/1522 г. Могильник в с. Черкизово на р. Уче.**

Некрополи играли важную роль в планировке поселений и в структуре расселения, сложившегося во второй половине XIII—XVI вв. Обнаружение на сельских могильниках большого числа белокаменных и валунных плит, которые удалось датировать концом XIV—XVI вв., свидетельствует о значении, придававшемся некрополям. Как свидетельствуют археологические данные, «селения мертвых» выносились на возвышенные места, за пределы поселений. Причем пространства к востоку от некрополей оставлялись свободными от застройки. В этих чертах погребального обряда появилось стремление, свойственное каноническим установлениям раннемосковской эпохи, строго следовать учению Св. Писания о воскресении мертвых. Сельские некрополи XIV—XVI вв. — памятники, требующие углубленного исследования, — доносят до нас живое ощущение близости Судного дня, свойственное общественному сознанию раннемосковского времени.

Литература и источники

1. *Фивейский Г. И.* Летопись Спасо-Преображенской церкви Звенигородского уезда, что в селе Введенском Першино тож // ЧОИДР. — 1878. — № 8. — С. 52—66; № 9. — С. 68—108; *Щепкин В. Н.* Описание надгробий // Отчет имп. Российского исторического музея за 1906 г. — М., 1907; *Белокуров С. А.* Надгробные плиты XVI в. в с. Образцове Московской губернии. — М., 1911. — 24 с.
2. Раскопки А. Г. Векслера некрополя в Кунцевском городище, Л. А. Беляева — некрополя в с. Коломенском и другие.
3. *Арсений, иеромонах.* О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя преподобного Сергия. — СПб., 1877. — С. 14.
4. *Чернов С. З.* Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. — Ч. 2. // Архив ИА, р. 1, д. 6693 ,с. 4, 20—26 (далее даются ссылки лишь на № архивного дела).
5. АСЭИ. — Т. 1. — М., 1952. — №№ 15—17.
6. ЦГАДА, ф. 281, д. 8928.
7. АСЭИ. — Т. 1. — № 548 а.
8. Архив ИА, р. 1, д. 11172, с. 38—44.
9. Архив ИА, р. 1, д. 11763, с. 9—20; Чернов С. З. Разведки в бассейне р. Вори // АО—1986. — М., 1988. — С. 102—103.
10. ДДГ. — С. 8; АСЭИ. — Т. 3. — № 48 а.
11. *Юшко А. А.* Отчет о работе Звенигородского отряда в 1976 г. // Архив ИА, р. 1, д. 6220. — С. 3—4, 27 (здесь и далее — работы с участием автора).
12. *Чернов С. З.* Исторический ландшафт древнего Радонежа: происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. — 1988. — М., 1989. — С. 431, прим. 29.
13. *Чернов С. З.* Воскресенская земля Троице-Сергиева монастыря // Археографический ежегодник за 1981 г. — М., 1982. — С. 95—96.

14. ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 527, д. 288; кн. 528, д. 292.
15. ЦГАДА, ф. 1209, кн. 254, л. 195.
16. ЦГАДА, ф. 281, д. 8928.
17. Устная традиция сохранила воспоминание о том, что «когда Литва сожгла церковь на погосте, колокол покатился в озеро» (Михаил Иванович Белов, 1913 г. рождения, д. Алексеевка) // Архив ИА, р. 1, д. 6923. — С. 26.
18. ЦГАДА, ф. 1354, оп. 570, № 318.
19. Архив ИА, р. 1, дд. 7520—7524, 6986.
20. *Дубынин А. Ф.* Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 году // КСИИМК. — Вып. 79. — М., 1960. — С. 78.
21. Об использовании кладбища в XVII в. свидетельствует белокаменная плита (60×52×70), украшенная жгутовым орнаментом, обрамляющим надпись, выполненную вязью.
22. АСЭИ. — Т. 1. — № 309.
23. Архив ИА, р. 1, д. 6693, с. 41, фото 99.
24. Архив ИА, р. 1, д. 7521, фото на с. 17.
25. Архив ИА, р. 1, д. 6693, фото на с. 41.
26. Там же, с. 39, 40, фото 94, 95, 97; д. 6699, с. 50.
27. Там же, с. 40, фото 96.
28. Архив ИА, р. 1, д. 7521, фото на с. 16.
29. АСЭИ. — Т. 1. — №№ 290; 291.
30. *Юшко А. А.* О работе Звенигородского отряда в 1976 г. // Архив ИА, р. 1, д. 6200, с. 41—44; *Чернов С. З.* Отчет... 1977 г. — Ч. 4 // Архив ИА, р. 1, д. 6695, с. 30, 96, 97.
31 На более крупном (9 см) двустороннем кресте близкой иконографии читается «ЦРСЛ» (Царь славы) (Леопардов К., Чернев Н. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве в частных руках. — Серия 1. — Вып. 2. — Киев, 1891. — Табл. 1, № 1).
32. *Покровский Н. В.* Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской духовной академии. — СПб., 1909. — С. 9. — Табл. IV, №№ 12, 18, 30, 34, 40.
33. На аналогичном кресте читаются надписи «Сер(гий)» и «Ив(ан)» (Леопардов Н., Чернев Н. Указ. соч. — Табл. 3, 4, № 24).
34. *Рабинович М. Г.* Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. — № 12. — М.-Л., 1949. — С. 36, 37; *Арциховский А. В.* Раскопки в Новгороде на Славне//МИА. — № 11. — М-Л., 1949. — С. 149; 150; *Даркевич В. П., Пуцко В. Г.* Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970—1978 гг.) // СА. — 1981. — № 3. — С. 221, рис. 2, № 6.
35. Словарь русского языка XI—XVII вв. — Вып. 9. — М., 1982. — С. 229, 230. «Могильник», «могилки» упоминаются в актах XV в. (АСЭИ. — Т. I. — №№ 440, 2, 71; Т. II. — № 330).
36. Архив ИА, р. 1, д. 9728, с. 4. Об урочище «Могильцы» близ Радонежа см.: *Чернов С. З.* Исторический ландшафт ... С. 419—422, Слово «могильник» для обозначения кладбищ XIII—XVI вв. широко употребляется в Псковской и Новгородской областях (Алешковский П. М., Чернов С. З. Археологический комментарий к берестяным грамотам №№ 550 и 568 // СА. — 1981. — № 2. — С. 293, 294).
37. АСЭИ. — Т. I. — № 354.

38. АСЭИ. — Т. I. — № 37; Чернов С. З. Вотчина Ворониных // Вестник Моск. у-та. — Сер. 8. — История. 1982. — № 6. — С. 89—92.
39. ЦГАДА, ф. 281, д. 8928.
40. АСЭИ. — Т. I. — № 134.
41. Там же. — №№ 401, 649.
42. ОР ГБЛ ф. 303, кн. 624, л. 8.
43. ПКМГ. — Отд. 1. — Вып. 1. — М., 1872. — С. 72.
44. В описании 1773 г. говорится, что при «состоящей в погосте Березниках деревянной церкви во имя Троицы» «с давних лет жительство имели одни священноцерковнослужители» (Скворцов Н. А. Архив Московского Св. Синода Конторы. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. — Вып. 1. — М., 1911. — С. 211—213). Лишь к середине XIX в. к северу от погоста возникла ныне существующая деревня (показана на карте 1860 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21387, ряд III л. 6, 7. — и отсутствует на плане 1784 г. — ЦГАДА, ф. 1356, д. 2189; см. также: ф. 1354, оп. 859, д. 5—29).
45. Плита (1,2×0,7 м; ориентирована ЮЗ—СВ) декорирована жгутовым орнаментом, орамляющим выполненную вязью надпись (Архив ИА, р. 1, д. 6695, с. 18—20, 70—76).
46. АСЭИ. — Т. 1. — №№ 309, 494, 649.
47. *Арсений, иеромонах.* Село Подсосенье // Московския епархиальныя ведомости. — 1878. — № 34. — С. 301. Пискаревский летописец // ПСРЛ. — Т. 34. — М., 1978. — С. 191.
48. ПКМГ. — Ч. 1. — Отд. 1. — С. 81.
49. *Арсений.* Указ. соч. — С. 302.
50. Эта планировка показана на чертеже 1660—76 гг. (ЦГАДА, ф. 27, оп. 4, д. 11) и планах XVIII—XIX вв. (Архив ИА, р. 1, д. 9728, с. 48—52).
51. Архив ИА, р. 1, д. 6409, с. 3, 20, 25; д. 6986, с. 19—22.
52. АСЭИ. — Т. I. — № 309; Архив ИА, р. 1, д. 9728 г, с. 39—40.
53. АСЭИ. — Т. I. — № 309. Церковь во имя Двунадесять Апостол известна с. 1681 г.
54. *Юшко А. А.* Отчет о работе разведочного Подмосковного отряда в 1977 г. // Архив ИА, р. 1, д. 6249, с. 5, 6.
55. *Юшко А. А.* Отчет о работе разведочного Подмосковного отряда в 1977 г. // Архив ИА. — Р. 1. — Д. 6249. — С. 3, 4, 27. Шурфы 2 и 3, заложенные в 1990 г. дали курганную (XII—XIII вв.) керамику, а также посуду XVI—XVII вв. (белоглиняную грубую и гладкую, чернолощеную и ангобированную). Шурф 4 содержал курганную (2), красноглиняную грубую или серую (XIV—XV вв.) (4), белоглиняную грубую (9) и гладкую (70), красноглиняную гладкую (10) и чернолощеную (45) керамику.
56. «Село Шараповъское» в 1432—1445 гг. дано в Троицкий монастырь Андреем Ивановым сыном Шарапова (АСЭИ. — Т. I. — № 81). «Ц(е)рк(о)вь с(вя)т(а)го архистратига Михаила в Шараповъ» упоминается с 1490 г. (там же. № 548 а).
57. АСЭИ. — Т. I. — № 649.
58. *Балдин В .И.* Загорск. История города и его планировки. — М., 1981. — С. 37, 39.
59. Раскопки в Машинском саду (50 км. м) не дали материала старше XVII в., тогда как в раскопках 2 и 3 (60 и 48 кв. м) присутствовали керамика и находки XIV—XVII вв. (Архив ИА. — Р.1. — Д. 8554).
60. Запись в Кормовой книге 1590—1592 гг. (ОР ГБЛ, ф. 304, д. 82, л. 37).
61. *Арсений,* иеромонах. Село Клементьево // ЧОИДР. — М., 1887. — Кн. 2. — Смесь. С. 7. По писцовым книгам 1584—1586 гг. в селе известна также церковь Николы Чудотворца.
62. *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. — М.: Искусство. — 1980. — № 66.
63. АСЭИ. — Т. I. — №№ 376, 424.

64. Эта ситуация видна на плане 1750 г. (Евангулова О. С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII века. — М., 1969. — С. 41). Церковь сохранялась до 1869 г., после чего на ее месте была построена деревянная часовня (*Чернов С. З.* Исторический ландшафт.. С. 430, № 132).
65. Архив ИА, р. 1, д. 8063, с. 12, 21—24.
66. По сообщению жителей, здесь в 1950 г. было обнаружено захоронение (Архив ИА, р. 1, д. 6698, с. 4—10, 31—49). Село упоминается в 1495—1499 гг. (АСЭИ. — Т. I. — № 595. — С. 493). Обнаружено два разновременных поселения: XII — первая половина XIII в. и XIV—XVI вв. Однако какова бы ни была планировка последнего, погребение приходится на его юго-восточную оконечность.
67. ДДГ. — С. 11.
68. С.Ворониным в 1542/43 гг. владел «Иван Михайлов сын Юрьева» из рода бояр Кошкиных (ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 637, л. 294 об.). Ныне разрушенный храм Покрова Пресвятой Богородицы известен с 1623 г. (Холмогоровы В. И. и Г. И. Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII столетий. — Вып. 5. — Радонежская десятина. — М., 1887. — С. 192.). Архив ИА, р. 1, д. 6695, с. 6, 7.
69. «Село Никольское на Воре» (позднее Муромцево) было дано Троицкому монастырю Г. Ф. Муромцевым в 1447 г. (АСЭИ. — Т. 1. — №№ 179, 180, 191, 192). О древности Никольской церкви, сохранившейся до настоящего времени, говорит название села. Село ликвидировано в 1930-е гг. и занято спецпредприятием. В доступной приречной части селища собран материал XV—XVI вв. (Архив ИА, р. 1, д. 6697, с. 7—9, 28, 29).
70. *Холмогоровы В. И. и Г. И.* Указ. соч. — С. 128//Архив ИА, р. 1, д. 6699, с. 50.
71. АСЭИ, т. III — № 28.
72. Архив ИА, р. 1, д. 6694, с. 10, 33—37; д. 9728 в. — с. 39—40.
73. Архив ИА, р. 1, д. 8060, с. 35, 58—60.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — Т. 1. — М., 1952; Т. 2. — М., 1958; Т. 3. — М., 1964.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.-Л., 1950.

ИА — Институт археологии АН СССР.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

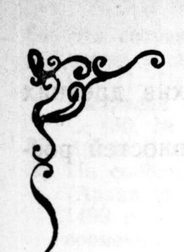
ОР ГБЛ — Общество истории и древностей российских.

ОИДР — Отдел рукописей Государственной библиотеки. СССР им. В. И. Ленина.

ПКМГ — Писцовые книги Московского государства / Ред. Н. В. Калачев. — Ч. 1. — Отд. 1—2. — СПб., 1872—1877.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

СА — Советская археология.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЧОИДР — Чтение в Обществе истории и древностей российских.



Т. Д. Панова
ст. научный сотрудник ГММК

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

В Кремле, на территории исторического центра Москвы, располагались разные по своему характеру погребальные комплексы. Среди них и рядовые грунтовые кладбища, и пышные усыпальницы Успенского и Архангельского соборов, Спасского, Чудова и Вознесенского монастырей. Об одних из них упоминают письменные источники, другие сохранились до наших дней, некоторые были впервые выявлены только при археологических работах. До последнего времени в советской исторической литературе история погребальных комплексов Кремля практически не рассматривалась. Не останавливаясь на находках отдельных погребений и целых кладбищ, которые кратко фиксировались в XIX в., отметим только очень важные сведения о двух захоронениях XIV в. в белокаменных саркофагах из церкви Спаса на Бору, обнаруженных в 1836 г. Это единственный случай, когда сохранились подробные описания погребений и найденных в них вещей. В фондах музеев Кремля хранятся кожаные пояс и параманд из одного из этих захоронений, несомненно монашеского (1, С. 107).

История кремлевского некрополя начинается во второй половине XII в. Именно в этот период совершают первые погребения на древнейшем из известных сегодня в Москве средневековых кладбищ, которое располагалось на территории, занятой ныне Успенским собором и частью построек Патриаршего двора. В общей сложности здесь зафиксировано более 60 захоронений, среди которых есть погребения в долбленых колодах, в бересте, просто в грунте (2, 3). Во второй половине XIII — начале XIV в. часть захоронений была совершена под белокаменными плитами. Это самые ранние намогильные памятники в Москве (4). Не-

которые из них уже имели орнамент из врезных треугольников (так называемый «волчий зуб»), история развития которого на надгробных плитах сегодня прослеживается до середины XVII в.

В XIV в. на территории Кремля начинают появляться усыпальницы в храмах. Такие некрополи всегда имели престижный характер, так как служили местом захоронения членов великокняжеской семьи и высших церковных иерархов. Причем на первом этапе некоторые усыпальницы формировались на принципе совместного погребения и тех и других лиц. Так, один из ранних некрополей в церкви Спаса на Бору стал в XIV в. местом успокоения в основном представительниц женской половины московского правящего дома, но здесь отмечены также и погребения одного из сыновей Дмитрия Донского и духовного лица — епископа Стефана Пермского (5, С. 222—223). В Успенском соборе 1326 г. первыми были погребены князь Юрий Данилович и митрополит Петр. В дальнейшем складывается система отдельных храмов-усыпальниц для великих и удельных князей — Архангельский собор, для митрополитов — Успенский собор. Вдовой Дмитрия Донского Евдокией для княгинь создается усыпальница в Вознесенском монастыре, которая принимает в 1407 г. эту функцию от церкви Спаса на Бору. В XIV в. совершались княжеские захоронения в церкви Рождества Богородицы. В конце этого столетия начинает складываться некрополь в Чудовом монастыре, который служил местом захоронения не только для монашествующей братии и священнослужителей высших рангов (5, С. 224—225). Как известно, первым в этой обители был погребен ее создатель митрополит Алексий, чье захоронение не было уничтожено при разборке монастырских построек в 1929 г., а в 1948 г. передано патриархии и ныне находится в Елоховской церкви. В XVI—XVIII вв. Чудов монастырь становится местом погребения для представителей знатных московских фамилий. Именно на территории этого комплекса было совершено в 1906 г. последнее захоронение в Кремле. В подклете ц. Алексия, в специально устроенном приделе преподобного Сергия похоронен дядя Николая II великий князь Сергей Александрович, убитый в 1905 г. эсером И. Каляевым.

Остатки обычных грунтовых кладбищ XV—XVII вв. были зафиксированы археологически в Кремле неоднократно. Это кладбище при ц. Кузьмы и Демьяна (возле Чудова монастыря), к востоку от колокольни Ивана Великого, при ц. Афанасия и Кирилла (на Спасской улице), возле церкви 12 апостолов, при ц. Входа в Иерусалим у Никольских ворот на Житницкой улице, при ц. Константина и Елены на Подоле Кремля, на подворье Кириллова монастыря возле Спасских ворот (5, С. 225—227).

Постепенное превращение Кремля в пышную резиденцию главы русского государства повлекло за собой вытеснение с его территории не только рядовой застройки, но и дворов знати,

монастырей, подворий и т. д. Это же коснулось и погребальных комплексов. В начале XV в. перестают функционировать некрополи ц. Спаса на Бору и ц. Рождества Богородицы, в XVII в. царским указом закрывают все грунтовые кладбища при кремлевских церквах. Исключение составляют только усыпальницы членов царствующего дома (Архангельский собор, ц. Вознесения), глав русской церкви (Успенский собор) и знати (Чудов монастырь). Однако, судя по некоторым археологическим находкам, запрет этот соблюдался не всегда.

Необходимо отметить, что до сих пор на территории Кремля археологи периодически фиксируют находки погребений и намогильных памятников. Так, в 1976 г. шесть погребений XVI в. в деревянных гробах были найдены в районе верхнего сада и четыре белокаменных саркофага антропоидного типа первой половины XVII в. возле Спасской башни Кремля. В 1981 г. у здания Президиума Верховного Совета СССР обнаружена плита из белого камня с орнаментом «волчий зуб» второй половины XV в. (5, С. 226). Позднее надгробие, видимо XVIII в., диакона Алексия найдено на Подоле Кремля в 1988 г.

Несколько слов о находке, которую трудно назвать археологической. Выше уже упоминалось о том, что в 1906 г. в Чудовом монастыре был погребен великий князь Сергей Александрович. В 1985 г. на Ивановской площади Кремля при ремонте брусчатого покрытия был найден, не пострадавший при разборке монастырских построек, склеп с его захоронением. При вскрытии в гробу была обнаружена тряпичная кукла, имитирующая человеческое тело, одетая в генеральский мундир. Судя по всему, в результате взрыва бомбы от великого князя ничего не осталась. В ногах муляжа стояли три маленькие стеклянные баночки, запечатанные восковыми печатями с двуглавым орлом, в которых лежали кости погибшего. На груди куклы обнаружены почти сгнившие деревянные икона и крест, Георгиевский крест IV степени и в одной связке на цепочке, три серебряных медальона, две иконки-подвески и крестик. С тряпичных пальцев были сняты пять золотых колец. После изъятия вещей, гроб был захоронен на старом месте в склепе. Предметы из драгоценных металлов, к сожалению, не имели никакой исторической и художественной ценности. Так неожиданно удалось исследовать последнюю страницу в истории Чудова монастыря.

Из всего вышесказанного становится ясно, насколько разнообразны и разновременны погребения и намогильные памятники кладбищ и усыпальниц Московского Кремля.

В столь небольшом очерке невозможно подробно рассказать об истории сложения какой-либо усыпальницы Кремля или о развитии даже отдельной детали средневекового погребального обряда. Но все же очень кратко остановимся на материалах, позволяющих сегодня восстановить историю усыпальни-

цы бывшего женского Вознесенского монастыря в Кремле. Она служила для захоронения представительниц великокняжеской и царской семьи на протяжении более трех столетий (с 1407 по 1731 г.). После разборки в 1929 г. всех монастырских построек, захоронения ц. Вознесения были перенесены в подвальную палату южной пристройки Архангельского собора, где находятся и ныне. По материалам конца XIX в. в интерьере ц. Вознесения находилось 35 захоронений, но в 1929 г. их было извлечено более 60. Сегодня в музее хранятся 51 белокаменный саркофаг и шесть намогильных плит этого комплекса. В архиве ГММК обнаружен дневник, в котором специальная комиссия в 1929 г. фиксировала процесс вскрытия и переноса всех погребений ц. Вознесения. Даже эти очень краткие данные представляют большой интерес и позволяют изучить историю некрополя и многие детали обряда захоронения в нем. Выявлена группа погребений, о которых нет сведений в письменных источниках.

Схема расположения погребений очень близка царскому некрополю Архангельского собора Московского Кремля. Формирование усыпальницы началось у южной стены, где располагалось первое захоронение этого комплекса — княгини Евдокии (1407 г.). Основную массу гробов здесь составляют белокаменные саркофаги антропоидной формы, нашедшие широкое применение в некрополях Москвы и Подмосковья в XIV — первой половине XVII в. Большинство гробов имеют подписные крышки, что позволяет четко датировать любые изменения в их форме, в деталях обряда и т. д. Наиболее интересны три надписи-граффити на крышках саркофагов княгини Евдокии, жены Дмитрия Донского, Софьи Витовновны, жены Василия I и Софьи Палеолог, жены Василия III (6). Анализ вещевого материала показал наличие в комплексе в основном светских захоронений (отмечено только несколько монашеских). Из гробов извлечены крайне редкие в музейных собраниях нашей страны женские головные уборы-волосники XV—XVII вв. (7), уникальный детский костюм конца XVII в. Почти во всех захоронениях выявлены ритуальные сосуды для елея из разных материалов (керамика, стекло, металл, дерево). Обращают на себя внимание стеклянные сосуды XVI в. западноевропейского производства, особенно кубки из погребений Анастасии Романовны (1560 г.) и Марфы Собакиной (1571 г.).

В заключение остановимся подробнее на одной из страниц истории этой усыпальницы. Она связана с судьбой княгинь опального рода Старицких. Как известно, в царствование Ивана IV погибли не только последние представители мужской линии этого рода, но были уничтожены также многие из женской его половины. О погребении старицкого князя Андрея Ивановича, его сына Владимира и внука Василия сохранились очень скупые сведения в письменных источниках, где просмат-

ривается попытка предать забвению места их захоронения в династической усыпальнице — Архангельском соборе Кремля. Этот вопрос рассматривался в советской исторической литературе (8). Обстоятельства смерти и места захоронения погибших женщин практически не отмечены в летописях. Только в позднем «Пискаревском летописце» есть упоминание о том, что мать Владимира Старицкого — Ефросиния — была погребена в Вознесенском монастыре в Кремле (9, С. 78). О месте захоронения других членов семьи князя Владимира ничего не сообщается. Однако в материалах XVIII—XIX вв. нет никаких упоминаний о могиле Ефросинии Андреевны в некрополе ц. Вознесения. Нет данных о ней и в работах А. Пшеничникова, подробно перечислявших все сохранившиеся к рубежу XIX—XX вв. в этом храме-усыпальнице захоронения (10).

Впервые погребения княгинь Старицких были обнаружены в ц. Вознесения в 1909 г. при устройстве отопления в храме. В документе, хранящемся в архиве ГММК отмечено, что три белокаменные гробницы найдены под северной дверью храма, ведущей в придельный Успенский, на глубине 1 аршина (11, С. 7). Из надписей на крышках, прочитанных, правда, с ошибками, ясно, что это были захоронения матери князя Владимира Андреевича княгини Ефросинии, его второй жены Евдокии и их дочери, также Евдокии. Ценные указания документа о находке 1909 г. полностью подтвердились в 1929 г. при разборке храма Вознесения. Причем обнаружились не только три упоминавшихся выше саркофага, но и захоронения еще трех дочерей Владимира Старицкого. Эта группа из семи погребений (сюда входил еще один безымянный саркофаг) располагалась в северо-восточном углу храма, перед северной дверью и алтарной преградой. В «Дневнике работ по вскрытию захоронений собора бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле», который оставила комиссия, проводившая исследование древних захоронений в 1929 г., есть даже схематический рисунок, где обозначено место находки белокаменных саркофагов княгинь Старицких (12, С. 7). Данные натурных наблюдений 1929 г. позволяют установить, что непосредственно перед северной дверью была погребена главная вдохновительница династических притязаний Владимира Старицкого — его мать Ефросиния Андреевна. Рядом находился саркофаг второй жены князя Владимира Евдокии. Третьим в ряду помещен гроб их дочери Евдокии, умершей в 1570 г. Вдоль алтарной преграды погребены еще три девочки — Татьяна (1564 г.), Анастасия (1568 г.) и Мария (1569 г.). К настоящему времени утрачен саркофаг умершей в младенчестве в 1564 г. Татьяны Старицкой. Надписи на крышках всех этих гробов были опубликованы В. Б. Гиршбергом (13, С. 57).

Известно, что в 1569 г. погибли сразу три представительницы рода Старицких. Княгиня Ефросиния, с 1563 г. пребывав-

шая в Горицком монастыре под именем Евдокии, была убита 20 октября по дороге в Москву. Несколько ранее, 9 октября, вместе с Владимиром Андреевичем погибли его вторая жена и их старшая дочь Мария (9, л. 571, об. 572). Ее погребение находилось в ногах у матери. Обнаружение группы захоронений княгинь Старицких показало, что в семье князя Владимира две дочери носили имя Мария. Одна из них погибла 9 октября 1569 г. — это полностью подтверждается эпитафией на крышке ее саркофага. Вторую, как отмечает «Пискаревский летописец», с братом Василием Иван IV пощадил и выдал впоследствии замуж за брата датского короля Магнуса (9, л. 572). Последней в некрополе ц. Вознесения была погребена еще одна дочь князя Владимира — Евдокия, умершая 20 ноября 1570 г. в возрасте 9 лет (ее погребли рядом с матерью).

Таким образом, материалы усыпальницы бывшего Вознесенского монастыря говорят о том, что в Московском Кремле были погребены шесть представительниц опального рода Старицких — княгиня Ефросинья, мать Владимира Андреевича, его вторая жена Евдокия и четыре дочери князя Владимира от второго брака. Данные натурных исследований опровергают сообщения некоторых иностранных авторов XVI в. о том, что в конце 60-х гг. Иван IV уничтожил всю семью Старицких. В живых оставались сын князя Владимира от первого брака — Василий и две дочери от второго — Мария и Евдокия.

Натурные материалы и данные архивных документов показали, что княжны и княгини Старицкие, благодаря своему высокому положению, все же были захоронены в самой почетной усыпальнице, каковой являлась в этот период ц. Вознесения в Кремле. Однако местом их погребения послужила наименее почитаемая сторона храма — северная. Впервые выявлена столь большая группа захоронений опальных лиц именно в северо-восточном углу церкви. Такие погребения располагаются, как правило, в северо-западной части храмов-усыпальниц. Эта традиция для средневековой Москвы достаточно устойчива, на что указывают, например, материалы Архангельского собора в Кремле и Успенского собора в Троице-Сергиевой лавре (14, С. 318). Показательно, что для погребения даже малолетних наследников политического противника Ивана IV выбрали место в северо-восточном углу ц. Вознесения, где в дальнейшем были похоронены и другие опальные женщины рода Старицких. Помещение части погребений у двери в предельный храм, где они попирались ногами прихожан, должно было и после смерти унижать похороненных здесь лиц. Отсутствие надгробных памятников над местами этих захоронений привело к полному их забвению. Так, Иван IV и после смерти опальных женщин продолжал преследование ненавистного ему рода Старицких. Кстати, материалы этого некрополя дали возможность уточнить список детей князя Владимира Старицкого. К переч-

ню, приведенному в родословной таблице «Истории СССР» (15, С. 605), необходимо добавить умерших младенцами Татьяну (1564), Анастасию (1568 г.) и погибшую вместе с родителями Марию (1569 г.).

Выбор места для погребения представительниц опального рода Старицких был обусловлен еще одним фактором. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на безымянный саркофаг, обнаруженный в северо-восточном углу храма вместе с описанными выше. Его расположение в самом углу, возле алтарной преграды, говорит о том, что данный саркофаг помещен сюда раньше, чем погребения Старицких, и может быть датирован временем до 60-х гг. XVI в. Анализ летописных сведений позволяет предположить, что это захоронение принадлежит жене князя Ивана Ивановича Молодого Елене Волошанке, дочери молдавского воеводы Стефана, умершей в 1505 г. (16, С. 258). Это единственная за период XV — середины XVI в. представительница великокняжеской семьи, умершая в заключении. И хотя летописи отметили факт ее захоронения в ц. Вознесения, само место расположения ее гроба оставалось неизвестным. Видимо, именно это погребение опальной княгини Елены и выделило северо-восточный угол храма как место помещения опальных лиц, что подтверждается находкой здесь саркофагов, принадлежащих Старицким. Косвенным доказательством правильности этого предположения может служить летописное свидетельство о захоронении в 1538 г. княгини Елены Глинской, где отмечено, что ее похоронили возле Софьи Палеолог (17, С. 98). Это значит, что рядом с Софьей Палеолог (1503 г.) не было захоронения Елены Волошанки, умершей в 1505 г., что, в частности, подтвердилось и при разборке некрополя в 1929 г.

Таковы данные о месте захоронения княгинь Старицких и ц. Вознесения Московского Кремля. Они подтверждают тот факт, что при формировании этой престижной усыпальницы выдерживались общие для московских династических некрополей традиции.

Литература и источники

1. Древности Российского государства. — Отдел 1. — М., 1849.
2. *Беленькая Д. А.* Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г.; Древности Московского Кремля. — МИА 167. — М., 1971.
3. *Шеляпина Н. С.* Археологические исследования в Успенском соборе// МИ ГММК. — Вып. 1. — М., 1973.
4. *Шеляпина Н. С.* Надгробия XIII—XIV вв. из раскопок в Московском Кремле. — СА. — № 3. — 1971.
5. *Панова Т. Д.* Погребальные комплексы на территории Московского Кремля//СА. — № 1. — 1989.
6. *Панова Т. Д.* Три надписи-граффити из некрополя ц. Вознесения Московского Кремля//Памятники культуры. Новые открытия. 1989. — М., 1990.

7. *Панова Т. Д., Синицына Н. П.* Волосники из погребений бывш. Вознесенского монастыря в Московском Кремле//Памятники культуры. Новые открытия. 1986. — Л., 1987.
8. *Сизов Е. С.* Еще раз о трех «неизвестных» гробницах Архангельского собора//МИ ГММК. — Вып. 1. — М., 1973.
9. Пискаревский летописец//Материалы по истории СССР. — Т. 2. — М., 1955.
10. *Пшеничников А.* Соборный храм Вознесения... в Вознесенском девичьем монастыре в Москве. — М., 1886.
11. Описание погребенных лиц в Вознесенском монастыре//Архив ГММК.— Ф. 6. — № 284.
12. Дневник работ по вскрытию захоронений собора бывш. Вознесенского монастыря в Московском Кремле//Архив ГММК. — Ф. 20. — № 14.
13. *Гиршберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. — Ч. 1. — НЭ. — Вып. 1. — М., 1960.
14. Древняя Российская Вивлиофика. — Ч. XVI. — М., 1791.
15. История СССР. — Т. 11. — М., 1966.
16. ПСРЛ. — Т. 12. — СПб., 1901.
17. ПСРЛ. — Т. 13/1. — СПб., 1904.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИ ГММК — Материалы и исследования Государственных музеев Московского Кремля.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
СА — Советская археология.

О. А. Трубникова,
методист ГИМа

ИСТОРИЯ НЕКРОПОЛЯ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ (30-е гг. XVI в. — 30-е гг. XX в.)

Новодевичий монастырь был основан в 1524 г. великим московским князем Василием III как ближний пригородный женский монастырь. Имея основателем правителя государства, монастырь сразу приобрел привилегированный характер, который окончательно укрепился за ним в середине второй половины XVI в. благодаря покровительству сына Василия III царя Ивана IV. Придворное положение монастыря, монахинями которого были женщины из царской семьи, знатнейших княжеских и боярских родов, сохранялось вплоть до конца XVII в. Монастырь пользовался особым покровительством правительницы царевны Софьи Алексеевны (1682—1689 гг.), впоследствии был местом ее пострига и заточения. Несмотря на период опалы при Петре I и утрату придворного положения, монастырь остался крупной, определенной в 1764 г. по I классу, обителью со значительной финансовой базой: к советскому периоду истории он подошел с капиталом в 1 млн. рублей (1). В 1922 г. в бывшем Новодевичьем монастыре был открыт музей, который впоследствии стал филиалом Государственного Исторического музея.

Монастырь был местом погребения со времени своего основания. Самое раннее из сохранившихся надгробий датируется 1533 г. — это белокаменная плита боярыни Ирины Захарьиной-Юрьевой. В настоящее время надгробия XVI—XVIII вв. сохранились лишь в Смоленском соборе XVI в., но захоронения производились и в других церквах и на территории монастыря. Первая публикация о некрополе монастыря, осуществленная в 1791 г., издана под названием «Надписи, находящиеся в Новодевичьем монастыре в церквах и в разных местах над умершими» (2), хотя в ней указываются лишь надгробия в Смоленском соборе и около

него. В архивных документах XIX в. есть упоминание о наличии усыпальницы в подалтарье Успенской церкви конца XVII в. (3); закладная памятная доска с нечитаемой из-за осыпей надписью до последней реставрации находилась в алтарной стене Амвросиевской церкви XVII в. Из текста закладной доски, находящейся в подалтарье Смоленского собора, следует, что дочь Ивана IV царевна Анна была первоначально погребена в церкви Иоакима и Анны и перезахоронена в подклете Смоленского собора в конце XVII в. после разборки этого храма (4).

В связи с придворным положением Новодевичьего монастыря в XVI—XVII вв. его некрополь имел особо привилегированный, аристократический характер. В Троице-Сергиевом монастыре стоимость погребения и поминания была 50 руб. (5); очевидно, такой же она была и в Новодевичьем. Вкладная книга монастыря, «переписанная вновь с ветхих тетрадей» в 1675 г., «по обещанию» боярина Богдана Хитрово (6) показывает 50 руб. как минимальную сумму поминального вклада в XVI—XVII вв., в XVIII в. нижний порог подобных вкладов опускается до 25 руб. (за единичными исключениями).

Наиболее почетным местом погребения в монастыре был подклет-усыпальница Смоленского собора. В настоящее время здесь находится 45 надгробий (рис. 1), из них с надписями 39: XVI в. — 15 памятников, XVII в. — 15, XVIII — 5 и XIX в. — 4. Несмотря на значительные утраты и не всегда удовлетворительную сохранность некоторых надгробий, историко-культурное значение усыпальницы трудно переоценить. Формирование ее началось с 30-х гг. XVI в. Наиболее ранние захоронения бояр Захарьиных-Юрьевых: Ирины — 1533 г., ее сына Григория Юрьевича — 1556 г. и невестки Ульяны — 1563 г. Боярин Григорий Юрьевич Захарьин — приближенный боярин великого князя Василия III, воевода во многих походах. Род Захарьиных-Юрьевых, ранее Кошкиных, породнился с царской семьей посредством брака Анастасии Романовны (племянницы Григория Юрьевича) с Иваном IV. К ранним погребениям относятся захоронения рода Кубенских: княгини Ульяны 1537 г.; ее сына князя Ивана Ивановича Кубенского 1546 г., княгини Марии Кубенской — первая половина XVI в. и ее дочери Гликерии Михайловны Морозовой — первая половина XVI в. Княгиня Ульяна — племянница великого князя Ивана III, дочь его родного брата удельного князя Углицкого Андрея Васильевича, умершего «в железах» по воле Ивана III ради присоединения удела к Москве. Род Кубенских, ветвь Ярославских князей, попал в зависимость от великого московского князя с конца XV в. Сын княгини Ульяны князь Иван Иванович Кубенский, воевода при Василии III и Иване IV, был казнен в 1546 г. по подозрению в подстрекательстве к бунту новгородских пищальников: «Лета 7054. Июля в 21 день на завтрее Ильина дни велел князь велики на Коломне у своего стану

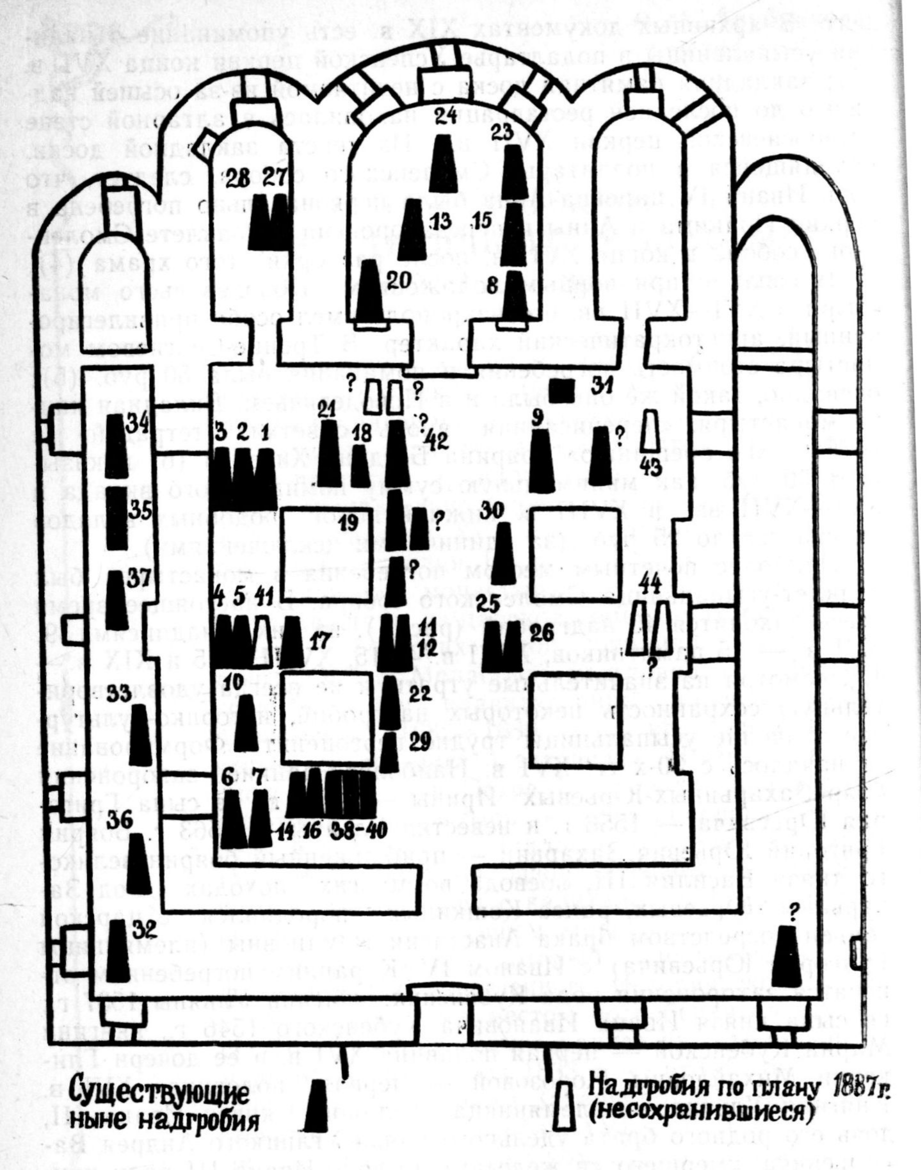


Рис. 1. Схема подклета-усыпальницы Смоленского собора.

перед своими шатры казнити бояр своих князя Ивана Ивановича Кубенского, да ... за некоторое их к государю неисправление. И казнили их, всем трем головы посекли, а отцов духовных у них перед их концом не было. И всяша их по повелению по великого ж князя приятели их, и положища их, где ж которой род кладетца...» (7). Муж Г. М. Морозовой, Петр Васильевич Морозов, воевода Ивана IV — представитель нетитулованной старомосковской знати.

Надгробия Ирины и Григория Захарьиных, Ульяны и Ивана Ивановича Кубенских по форме — вытянутый брусок, с одинаковой шириной и высотой, являются уникальными в истории русского каменного надгробия. Подобный тип плит известен только в московском Новодевичьем монастыре (8). Техника резьбы, расположение и палеография надписей характерны для первой половины — середины XVI в., кроме надписи на надгробии И. И. Кубенского, которая позволяет предположить позднейшее обновление плиты.

Надгробие боярыни Ульяны Захарьиной представляет собой белокаменную прямоугольную плиту с типичной для XVI в. орнаментацией треугольно-выямчатым узором. Надгробия М. Кубенской и Г. М. Морозовой однотипны: белокаменные трапециевидные плиты с расширением к изголовью, не орнаментированные. Надписи в верхней части плит выполнены уставом, техникой врезки.

В подалтарье находятся захоронения родственниц царя Ивана IV: его дочери Анны, умершей в 1550 г., вдовы брата царя князя Юрия княгини Ульяны из рода князей Палецких (умерла в 1574 г.) и предположительно (поскольку гробница без надписи) вдовы сына Ивана IV царевича Ивана Ивановича Елены Ивановны, урожденной Шереметьевой (умерла в 1596 г.) (9). И княгиня Ульяна, и Елена были пострижены в монастырь в период их вдовства. Надгробие царевны Анны небольшое по размеру, неорнаментированное с сосредоточенной в изголовье пятистрочной надписью, выполненной в технике врезки. Над гробницей царевны закладная доска 1683 г. с текстом о перезахоронении Анны в присутствии царевны Софии Алексеевны. Надпись в десять строк мелкого плотного текста выполнена высоким рельефом в технике оброна (10). Надгробие княгини Ульяны — белокаменная плита с антроповидным завершением головной части. Надгробие великой княгини Елены («царицы иноки Леониды», как ее именовали в монастыре) прямоугольной формы, сложено из оштукатуренного большемерного кирпича, надписи отсутствуют.

Интересно двойное надгробие Стефаниды и Агриппины Воротынских, жены и дочери князя Михаила Ивановича Воротынского. Сопоставление даты смерти княжны Агриппины — 25 мая 1571 г. с набегом на Москву хана Девлет-Гирея позволяет причислить ее к числу жертв, погибших при сожжении

города: «В лето 7079. Майя в 24 на вознесение Господне грех наших ради приходил к Москве царь крымской Девлет Кирей с двемя царевичи, и со всеми своими орды... Божиим испущением царствующий град Москву и посады пожегл и от посадов в Большом городе церкви Божии выгорели и дворы, и много множество людей от пожару и от зелья згорело, им же несть Числа...» (11). Два кирпичных оштукатуренных надгробия соединены общим возвышенным изголовьем, в середину которого вмонтирована белокаменная доска с надписью. Текст расположен в две колонки, с двумя разделительными врезными линиями. Надписи, выполненные техникой глубокой треугольной врезки, расположены симметрично по восемь строк.

На могиле «схимницы старицы Онфисы Годуновой», умершей в начале XVII в., надгробие с незначительным расширением к изголовью. Надпись помещена в рамку типичного для первой половины XVII в. жгутового орнамента. Клеймо и тяги, также заполненные жгутовым орнаментом, сильно смещены к ножной части надгробия. Боковые поверхности плиты имеют орнаментацию косой насечкой.

Наиболее высокие художественные достоинства имеет надгробие Федосьи Андреевны Голициной 1655 г. Эта высокая плита прямоугольной формы. Надпись выполнена в обронной технике, крупными красивыми буквами, уставом, равномерно распределена по всей поверхности плиты внутри жгутовой рамки. В ножной части плиты ниже рамки орнамента мелкими врезными буквами надпись: «Сей камень резал...» (имя неразборчиво из-за осыпей поверхностного слоя). Боковые грани плиты декорированы полосой треугольно-выемчатого орнамента. Погребение княгини Голицыной описано Павлом Алепским: «В пятый вторник (поста) пригласили нашего учителя (антиохийского патриарха Макария) на отпевание одной княгини в монастыре, отстоявшем от города в трех верстах. Его называют Девичий монастырь... Нас встретили священники и диаконы вместе с игуменией и всеми монахинями. Патриархи... надели полное облачение, все черного и фиолетового цвета... Облачившись, все вышли в нарфекс, где были установлены носилки с телом, покрытые черным бархатом с большим крестом посередине и с рядом серебряно-вызолоченных икон, ибо умершая была монахиней» (12).

В северо-восточном подалтарье находятся захоронения семьи Богдана Матвеевича Хитрово (рис. 2), боярина, оружейничего царя Алексея Михайловича, участника всех основных сражений войны 1653—1657 гг., основателя города Симбирска. Надгробия Богдана Хитрово 1680 г. (погребенного в одной могиле с дочерью Ириной) и его жены Марии Ивановны 1693 г. типичны для усыпальницы Смоленского собора. Это кирпичные оштукатуренные прямоугольные «плиты» с укрепленной в изголовье горизонтально положенной белокаменной доской с

Рис. 2. **Северо-восточное подалтарье Смоленского собора. Надгробия боярина Б. М. Хитрово и его жены.**

текстом, заполняющим всю доску, выполненным оброном внутри рамки геометрически-растительного орнамента. Ближе к концу века барочные признаки, такие как глубина, объемность рельефа, пышность орнаментации нарастают. Кроме уже упомянутых комбинированных из известняка и кирпича надгробий, того же типа памятники на могилах княжны Екатерины Воротынской 1637 г., княжны Стефаниды Воротынской 1661 г., княжны Прасковьи Воротынской 1679 г., княгини Наталии Федоровны Воротынской 1674 г., княгини Евдокии Одоевской 1671 г., Марии Самойлович 1688 г., жены крупного военачальника Запорожской Сечи. Подобный тип надгробия своеобразен. Белокаменные квадратные доски хорошо известны в истории московского надгробия (13), но как закладные в стену у места погребения. Монтаж же их с кирпичным надгробием в горизонтальном положении, очевидно, более поздний. Окончательные выводы возможны лишь при исследовании возраста кирпича.

«Вивлиофика» 1791 г. (14) указывает на наличие в то время 71 надгробия в подклете собора, но приводит только 35 текстов, «а остальные без надписей, или с надписями, но из-за ветхости описать невозможно». Эта публикация, несмотря на значительные недостатки (неправильное прочтение дат и даже фамилий, большое количество опечаток), дает сведения еще о 14 погребенных в XIV — первой половине XVIII в. в подклете. План подклета, выполненный в 1887 г. (15), также имеет некоторые недостатки: два надгробия в подалтарье определены как надмогильные плиты царицы Ирины Федоровны (Годуновой) и царевны Татьяны Михайловны, очевидно, на основании монастырских преданий. В одном случае неверное прочтение фамилий, в другом ошибочно указано местоположение плиты (16). Наличие этого плана позволяет сделать вывод, что за последнее столетие в усыпальнице не произошло значительных изменений, топография большинства надгробий совпадает с существующей ныне. План 1887 г. дает возможность атрибутировать одну из гробниц без надписи и добавляет имена еще трех персоналий, погребенных в XVI в.

Необычны надгробные памятники четверика Смоленского собора, где в юго-западном углу погребены в начале XVIII в. три дочери царя Алексея Михайловича: правительница государства в 1682—1689 гг. царевна София Алексеевна, Евдокия и Екатерина Алексеевны и первая жена Петра I царица Евдокия Федоровна из рода Лопухиных (рис. 3). Это надгробия очень крупного размера, прямоугольные, с незначительным скосом кверху боковых граней. Реставрационное исследование памятников еще не производилось. На трех из них врезные тексты на верхней горизонтальной плоскости, надгробие царевны Евдокии без надписи. Закладная доска лишь в стене у изголовья гробницы царевны Софьи.

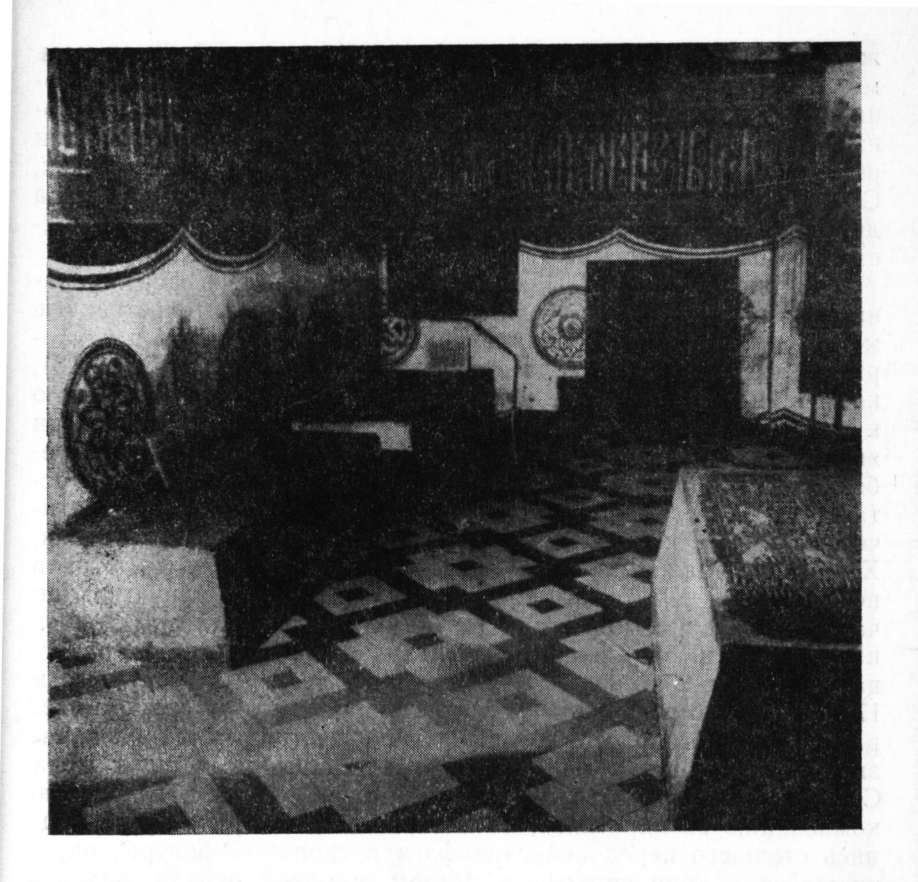


Рис. 3. **Надгробие царевны Софии Алексеевны, царевны Евдокии Алексеевны и первой жены царя Петра I царицы Евдокии Федоровны в четверике Смоленского собора.**

В подклете есть одна любопытная закономерность: вопреки традиции первоначального заполнения почетной юго-восточной и южной части, формирование усыпальницы началось с северного нефа, где сосредоточены практически все ранние (первой половины — середины XVI в.) надгробия.

Формирование усыпальницы Смоленского собора прослеживается по 60 захоронениям (56 в подклете, 4 в четверике), из которых большая часть сохранилась до наших дней. Надгробия усыпальницы являются интересными источниками для изучения русской истории и культуры. В Смоленском соборе представлены разнообразные типы надгробий XVI—XVIII вв., в том числе и уникальные, характерные только для Новодевичьего монастыря.

Дополнительные сведения о формировании древнего некрополя монастыря дает Вкладная книга (17). Все знатные кня-

жеские и боярские роды, выбравшие Новодевичий монастырь местом погребения, представлены во Вкладной книге обширными и разнообразными вкладами, от денежных сумм до произведений искусства и земельных пожалований. По аналогии регулярные поминальные вклады князей Шуйских, Мещерских, Серебряных, Трубецких, Кропоткиных, Мстиславских и ряда других позволяют предположить, что они имели могилы родственников в монастыре.

На протяжении XVIII и XIX вв. продолжалось формирование кладбища на территории монастыря. Правительственные мероприятия XVIII в., направленные на регламентацию и упорядочение мест погребения в городах, особенно в Москве (18), не повлияли на развитие некрополя монастыря. По отношению к возникающим в Москве городским кладбищам монастыри являлись более дорогими привилегированными местами погребения. И в новый период истории Новодевичий монастырь остается родовым местом захоронения для многих аристократических родов: князей Гагариных, Голицыных, Долгоруких, Хованских, Мещерских, Трубецких, Кропоткиных и др. Уже в первой трети XIX в. кладбищем была занята значительная часть территории монастыря (19). Ряд надгробных памятников начала XIX в. обладал высокими художественными достоинствами. Надгробие кн. С. С. Гагарина (рис. 4), умершего в 1798 г., по композиции и мастерству исполнения напоминает работы И. П. Мартоса, который, как известно, выполнял заказы кн. Гагариных и Голицыных, из рода которых была жена С. С. Гагарина. Надгробие представляет собой троечастную композицию из пирамиды, на которой в овале размещена надпись стоящего перед ней саркофага и скорбной фигуры, опустившейся у края саркофага. Рядом, в одной ограде, находилось надгробие умершей в 1802 г. кн. В. Н. Гагариной, жены С. С. Гагарина (20). На высоком основании темного гранита — беломраморная скульптура полулежащего ангела, опирающегося на погребальную урну. Оба памятника проникнуты гармонией покоя, несуетностью скорби. Более эмоционально был решен памятник Г. И. Бибикову (21) (умер в 1803 г.). Центром композиции является колонна, установленная на мощном пьедестале. На урну, завершающую колонну, опирается плакальщица, с другой стороны у основания колонны — прислоненная к ней сидящая фигурка плачущего младенца. Помимо подобных уникальных надгробий на территории монастыря было значительное количество интересных памятников первой половины XIX в., решенных в стилистике классицизма: гранитные саркофаги, стилизованные античные жертвенники, пересеченные рустом колонны, в ряде случаев имевшие скульптурные детали в виде урн, барельефов и др.

Во второй половине XIX в. определенная «демократизация» формирования кладбища возросла и увеличилось число захо-

Рис. 4. **Надгробия Гагариных. Фото А. Т. Лебедева, 1930 г.**

ронений купеческого, торгово-промышленного и мещанского сословий, разночинной интеллигенции, особенно в последней четверти XIX — начале XX в. Причем происходил естественный процесс функционирования кладбища, когда новые могилы заменяли старые и заброшенные. По могильным книгам, составленным в 1925—1926 гг., видно, что на территории были в это время лишь единичные могилы старше конца XVIII в.

Из памятников второй половины XIX в., также во всем их художественном разнообразии представленных на кладбище, необходимо отметить надгробие генерала от кавалерии А. Ф. Багговута (умер в 1883 г.). Это беломраморное скульптурное изображение лежащего воина, размещенное на высоком прямоугольной формы основании (рис. 5). Памятник является несомненной репликой на надгробие Рейсига работы Штрейхенберга, 1840 г., находящееся в Александро-Невской лавре (23). Очень похоже и композиционное, и смысловое решение: смерть как благостный отдых воина на бивуаке. В «историческом стиле» были решены памятники В. И. Поливанова (умер в 1899 г.) и гр. А. С. Уварова (умер в 1883 г.). В первом случае это гранитный крест, установленный за приподнятой в изголовье наклонной плитой (удачно сочетаются полированные и матовые поверхности). Во втором — двухколонный портик с помещенной в центре иконой «Вознесение».

В связи с резким увеличением города в последней трети XIX в. возрастает и количество захоронений на монастырском кладбище. В 1896 г. игумения монастыря Антония обратилась в Московское Синодальное Управление с прошением о расширении кладбища (24). Первоначально предложение использовать для кладбища территорию огородов, примыкавшую к южной стене монастыря было отклонено городскими властями (Управление Московского генерал-губернатора) с аргументацией о непригодности данного участка из-за высоких грунтовых вод и сильного понижения уровня поверхности в сторону Москвы-реки. Характерно, что в основу монастырского прошения о расширении кладбища были положены материальные интересы монастыря: деньги от продажи могильных мест «идут на корм сестрам и на содержание келий». С 1900 по 1904 г. были проведены большие работы по дренажу, подсыпке грунта, выравниванию уровня поверхности участка под руководством и по проекту инженера С. Шестакова, а также работа по планировке новой территории, разбивка на участки, проектирование и строительство каменной ограды архитектором И. П. Машковым. 9 июня 1904 г. Московским обер-полицмейстером было удовлетворено ходатайство об открытии новой территории кладбища Новодевичьего монастыря, увеличившегося таким образом на две с половиной десятины земли (более 2,7 га). Наряду с захоронениями на новом кладбище, погребения производились и на «старом», т. е. на территории самого монастыря (до 1926 г.).

Рис. 5. Надгробие генерала А. Ф. Багговута. Фото А. Т. Лебедева, 1929 г.

7 декабря 1918 г. Советом Народных Комиссаров был принят Декрет о муниципализации кладбищ, на основании которого 7 февраля 1919 г. была произведена приемка кладбища при Новодевичьем монастыре похоронной секцией экономического отдела Хамовнического Совдепа (25) в присутствии представителя Московского отделения государственного контроля, сдатчиком была монахиня-казначея Мастридия (Карпова), о чем был составлен акт. Метрические книги, могильная книга и капитал монастыря, включая и доходы от кладбища, были сданы несколько ранее (26). Управление кладбищем стало осуществляться Хамовническим Советом через организованное рабочее Правление, причем взимание денег и выдача квитанций на погребение осуществлялись первоначально в самом Совете, а рабочее Правление лишь обеспечивало своевременное захоронение на основании представленных оплаченных квитанций. «Рабочим и служащим заявлено, что они переходят на службу в экономический отдел Хамовнического Совдепа, вследствие чего они не могут покидать службу при кладбище без ведома экономического отдела».

В 1922 г. на территории монастыря был организован музей, возглавляла который княгиня Елизавета Сергеевна Кропоткина, человек высокой культуры, имеющий многолетний опыт музейной работы. Одновременно в монастыре находилась еще не расформированная монашеская община; четыре здания были заселены Совдепом, до 1926 г. действовало кладбище. В ранние годы деятельности музея в нем зафиксирована работа «по регистрации кладбища с описанием памятников и исторических могил» (27). Наиболее серьезно работа по изучению кладбища развернулась в 1925—1926 гг., когда и были составлены регистрационные книги с указанием всех могил на территории монастыря (28). Список погребенных с кратким указанием на тип памятника, цвет и материал (очень условно и не во всех случаях) был выполнен по 14 участкам, на которые была разделена вся территория монастырского кладбища. Это дало возможность проверить, иногда в пределах участка, топографию современного расположения памятников. Регистрация была проведена по надгробиям, в случае же погребения нескольких персоналий под одним надгробным памятником, часто указывались не все лица или вообще один человек. Всего на территории монастыря было зарегистрировано 2801 надгробие или могильный холм. В графе «Примечания» в ряде случаев указано: «крест сбит», «памятник покосился», «упал», «сломана часть решетки», сломан замок ограды», «выбиты стекла», нет образа», «холм, памятник снят». Это свидетельствует о старении кладбища, лишенного необходимого ухода в силу отсутствия денежных средств и о том, что кладбище на Новодевичьем монастыре не избежало участи других, также пострадавших от варварства и хулиганства.

В эти же годы музей разрабатывал «Положение об охране и содержании кладбища как памятника» — идея, к которой мы сегодня лишь подходим. В 1926 г. «старое» кладбище было закрыто, а новое отделено от музея. Е. С. Кропоткина протестовала против такого нарушения историко-художественного единства (29). Однако это не было принято во внимание. В этом же году при краеведческом обществе «Старая Москва» была образована комиссия, которая активно занялась состоянием московских кладбищ и выявлением исторически ценных могил. 1927—1928 гг. были поворотными в судьбе исторических московских некрополей (30). «В самом худшем положении закрытые монастырские кладбища. Там ничего нельзя сделать до выяснения их судьбы» (31). Начиная с 1927 г. в тесном контакте с кладбищенской комиссией «Старой Москвы» начал работать организованный при краеведческом обществе изучения Московской губернии комитет по охране могил выдающихся лиц. Известны три списка могил старого кладбища, взятых под охрану (32). Все они состоят из приблизительно 60 фамилий (эта цифра была задана как максимальная) и имеют некоторые разночтения по составу. Один из них, представленный обществом «Старая Москва», был утвержден на заседании комитета 7 сентября 1928 г. Из этого охранного списка на 61 могилу нет 15. В это же время был составлен список из 60 фамилий выдающихся лиц на новом кладбище. В 1927 г. новое кладбище Новодевичьего монастыря, которое стало называться Новодевичьем кладбищем, было «выделено целиком для захоронения лиц с общественным положением» (33). Здесь в конце 20-х — начале 30-х гг. были перезахоронены останки выдающихся деятелей с уничтоженных кладбищ: Гоголя, Аксакова, Веневитинова, Левитана,Третьяковых и др. Из Новодевичьего монастыря на новое кладбище были перезахоронены 1-й командующий морскими силами республики Альтфатер, писатели Чехов, Эртель, художник Глаголь и др.

Реконструкция территории активно началась в 1929 г. и продолжалась по 1935 г. «Беспризорные» памятники продавались, например, в 1933 г. Новодевичьему кладбищу, подведомственному тогда Отделу коммунального хозяйства Фрунзенского райсовета. Завершение работ по реконструкции и удалению «всех памятников и решеток... для приведения музейного двора в надлежащее санитарно-культурное состояние» (34) фактически было завершено в 1935 г., когда на территории оставалось 115 памятников. В настоящее время на территории монастыря 91 могила, в которых погребены 116 человек.

Перечислить в короткой статье имена людей, погребенных в Новодевичьем монастыре, чьи могилы не сохранились, невозможно из-за величины и значимости погибшего некрополя. Произвольно можно назвать несколько имен: 33 участника Отечественной войны 1812 г. (по списку, составленному

Рис. 6. **Панорама кладбища между Смоленским собором и Успенской церковью. Фото А. Т. Лебедева, 1930 г.**

М. Ю. Барановской в 1952 г. (35)), в том числе организатор московского ополчения генерал от кавалерии Степан Степанович Апраксин, адъютант П. И. Багратиона Федор Федорович Гагарин, генерал-майор Лев Васильевич Давыдов, брат Д. В. Давыдова, ординарец М. И. Кутузова Александр Иванович Казначеев, начальник штаба московского ополчения, отец декабриста генерал Николай Николаевич Муравьев; родители трех декабристов — Анна Семеновна и Иван Матвеевич Муравьевы-Апостол, военный министр, генерал-фельдмаршал Д. А. Милютин, директор Оружейной палаты Московского Кремля, руководивший эвакуацией и спасением национальных ценностей в 1812 г. П. С. Валуев, Юрий Степанович Нечаев-Мальцев, один из основателей Музея изобразительных искусств, монахиня Сарра Николаева, спасшая монастырь от взрыва в 1812 г. и многие другие.

В целом, несмотря на невосполнимые утраты, исторический некрополь Новодевичьего монастыря, существующий уже более четырех с половиной веков, является и в настоящее время наряду с некрополем Донского монастыря одним из самых значимых в Москве.

Литература и источники

1. ЦГАОРСС Москвы, ф. 1514, оп. 1, № 59.
2. Древняя Российская Вивлиофика. — Ч. XIX. — 1791. — С. 293—304.
3. ЦГИАМ, ф. 454, оп. 3, д. 56. Метрика Новодевичьего монастыря.
4. Текст закладной доски над гробницей царевны: «Лета 7058 июля в 20 день, преставися Царевна и Великая Княжна Анна Иоанновна дщерь Благоверного Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича, Всея России Самодержца, а погребена была в сем монастыре в древяной церкви Богоотец Иоакима и Анны и на том месте построена была церковь каменная, а стояла не освящена многие годы, и та церковь для ветхости разобрана, и в лето 7193 майя в 25 день при державе Благородных Государей и Великих Князей Иоанна Алексиевича, Петра Алексиевича, Всея Великие и Малые и Белые России Самодержцев, изволением сестры их Государевы Великие Княжны Софии Алексиевны, тоя Благородные Царевны и Великие Княжны Анны Иоанновны тело в прежней каменной гробнице и с надписанной прежнею доской перенесено и поставлено на сем месте соборные церквы под олтарем, а тезоименитство ея сентября в 9 день, а на перенесении была Великая Государыня и Благородная Царевна и Великая Княжна София Алексиевна».
5. *Николаева Т. В.* Новые находки на территории Загорского музея-заповедника//Советская археология. — № 3. — 1958.
6. Архив НДМ № 1 // Источники по социально-экономической истории России XVI—XVIII вв. — М., 1985. — С. 152—210.
7. Постниковский летописец — цит. по кн. *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. — 1979. — С. 178.
8. *Гиршберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья // Нумизматика и эпиграфика. — № 1. — 1960.
9. НДМ. — НВ № 2690.
10. См. сноску 4.
11. Соловецкий летописец. — *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. — С. 197—198.
12. *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. — М., 1897—1898.

13. *Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф.* Русская мемориальная скульптура. — М., 1978. — С. 38.
14. См. сноску 6.
15. ЦГИАМ, ф. 454, оп. 3, № 56, л. 80—82.
16. Так же как и в Вивлиофике «Годунова» прочтена как «Панова», плита младенца Голицына» указана на том месте, где находится надгробие кн. М. Воротынской.
17. См. сноску 6.
18. ПСЗ № 3965. — 1722. — апреля 12; № 9512. — 2 июля, — 1748; № 13724. — 24 декабря. — 1771.
19. НД № 650, 672, 673. Могильные книги.
20. Фото НД № 1379, 1375.
21. Фото НД № 1432.
22. Архив НД. Билеты на погребение.
23. *Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Г. Ф.* Указ. соч. — Ил. 153—155.
24. Архив НДМ. — № 479. — Св. 2.
25. ЦГАОРСС Москвы, ф, 1514, оп. 1, № 66, л. 77.
26. Там же, № 59.
27. XXIII 60 НД, л. 3.
28. Там же, л. 5.
29. XVIII 2 НД, л. 9.
30. ОР ГБЛ, ф, 177, к. 31, №№ 1, 2, 4 и далее.
31. Там же, № 6, л. 5.
32. Там же, к. 34, № 9; XVIII 1 НД, л. 1—2, 15.
33. ОР ГБЛ, ф. 177, к. 31, № 6.
34. XVIII 1 НД, л. 10.
35. НВ НДМ.

Список надгробий к плану подклета

1. Боярыни И. Захарьиной 1533.
2. Боярина Г. Ю. Захарьина 1556.
3. Боярыни У. Захарьиной 1563.
4. Княгини У. Кубенской 1537.
5. Князя И. И. Кубенского 1546.
6. Княгини М. Кубенской первой половины XVI в.
7. Боярыни Г. М. Морозовой первой половины XVI в.
8. Царевны Анны Иоанновны 1550 (1683?)
9. Княгини М. Ярославской 1553.
10. Княгини М. Турунтаевой 1570.
11. Княгини С. Воротынской 1570.
12. Княжны А. Воротынской 1571.
13. Княгини У. Удельной 1574.
14. Скудиной (?) 1595.
15. Царицы Леониды (Е. И. Шереметевой) 1596.
16. Схимницы Варвары псковки 1602.
17. Схимницы Анфисы Годуновой 1606.
18. Княгини М. Воротынской 1628.
19. Княжны Е. И. Воротынской 1637.
20. Боярышни А. Ф. Шереметевой 1654.
21. Княгини Ф. А. Голицыной 1655.
22. Княжны С. И. Воротынской 1661.

23. Княгини Е. Ф. Одоевской 1671.
24. Княжны А. Ф. Одоевской 1687.
25. Княгини Н. Ф. Воротынской 1674.
26. Княжны П. И. Воротынской 1674.
27. Боярина Б. М. Хитрово, И. Хитрово 1680.
28. Боярыни М. И. Хитрово 1693.
29. Жены думного дворянина М. Т. Дашковой 1680.
30. Жены полковника М. М. Самойлович 1688.
31. Иеромонаха Феодосия 1700.
32. Жены капитан-поручика Ф. И. Плохова 1781.
33. Княгини А. М. Борятинской 1785.
34. Полковника И. Н. Хитрово 1788.
35. Юшковой П. Ф., урожд. Колычевой 1784.
36. Вдовы поручика С. М. Плоховой 1798.
37. Бригадира И. Н. Хитрово 1826.
38—40. Рузиных М. Е. 1846, В. М. 1846, Т. И. 1875.
41. Княгини А. Кубенской 1570.
42. Княгини А. Белевской 1548.
43. Гануса И. М. 1555.
44. Княгини В. Небогатой 1553.

Н. Ф. Трутнева
канд. ист. наук., зав. филиалом ГИМа
«Новодевичий монастырь»

НЕКРОПОЛЬ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ (30—90-е гг. XX в.)

В сентябре 1934 г. Новодевичий монастырь на правах филиала вошел в состав Государственного Исторического музея. Перед научными работниками (в 1935 г. их было всего три человека) была поставлена задача произвести реконструкцию старой экспозиции и подготовить новую (исходя из уровня развития исторической науки того времени), включая показ некрополя, вернее того, что от него осталось к тому времени. К 1 августа 1935 г., как следует из списка надгробий, сохранившихся и имевших надписи о захороненных на территории Новодевичьего монастыря, числилось 95 памятников, из которых 58 нуждались в полном восстановлении (1). В их число входили памятники и надгробия П. Н. Батюшкова, Ф. И. Буслаева, Л. Е. Голубинина, А. С. Уварова и других писателей, ученых и политических деятелей, чьи могилы были уничтожены еще в 20-е гг. (2).

Предполагалось, что экспозиция по некрополю будет размещена в Прохоровской часовне, так как музей не располагал какими-либо свободными помещениями, кроме склепов, башен и колокольни: Ирининский корпус, трапезная Успенской церкви и Лопухинский корпус в 30-е гг. были заняты общежитием, детским садом и яслями. Кроме того, видимо, проживание в Новодевичьем монастыре большого количества людей (более 1000 человек) с их бытовыми заботами и нуждами («вывешивание белья для сушки на улице — это обычное явление, как куры, утки и другая домашняя птица») (3) среди разрушенного кладбища вряд ли делали территорию монастыря удобной для рассказа о исторической и художественной значимости разрушенного некрополя. Поэтому, кроме экспозиции в Прохоровской часовне, где был размещен графический и документальный материал,

в план научной работы музея входила «музеефикация бывшего старого кладбища», под чем подразумевалась «организация музейного показа, исходя из исторической роли захороненных деятелей и типовых признаков бывшего кладбища» (4). Для осуществления этой задачи территория Новодевичьего монастыря очищалась от обломков камней, мусора, по-новому планировалась, особенно около Смоленского собора, для чего производилась подсыпка земли, посев травы и замена оград. К 1940 г. были асфальтированы главные дорожки музея. Работники музея проводили большую работу по определению сдвинутых со своих мест и валявшихся в обломках памятников, подлежащих охране (по охранному списку 1928 г.) или просто заброшенных на территории музея. Делались насыпи на местах могил, если их местонахождение можно было определить по фотографиям. Тогда же были восстановлены и оформлены надгробия **И. И. Лажечникова** (1792—1869), **А. А. Шаховского** (1777—1846), **В. И. Астракова** (1809—1899) и перенесены на новое место, к Смоленскому собору, захоронения **А. Н. Плещеева** (рис. 1) (1825—1893) и **Н. В. Бугаева** (1837—1903) (5). В 1936 г. на новое место были перенесены могилы двух декабристов **М. И. Муравьева-Апостола** (1793—1886) и **А. Н. Муравьева** (1791—1863) — к Смоленскому собору, рядом с могилой **С. П. Трубецкого** (1790—1860) (6). Тогда же с территории бывшего монастырского кладбища на Новодевичье кладбище были перезахоронены А. П. Чехов (рис. 2), С. Эртель, С. Глаголь, В. Альтфатер (рис. 3), Л. И. Поливанов и другие.

Все эти работы по переносу могил и организации их на новом месте проводились по «предложению комитета по охране памятников при ВЦИКе и согласно постановлению музейной комиссии НКП от I.VII.1935 г.» (7). Таким образом, в 30-е гг. некрополь Новодевичьего монастыря не избежал участи многих московских кладбищ: старый облик его был разрушен, топография многих могил изменена. Поэтому трудно переоценить усилия музейных работников в деле сохранения подлинной топографии захоронений на территории Новодевичьего монастыря.

В связи с этим обращает на себя внимание докладная записка научного сотрудника музея В. Н. Нечаева от 17.VII. 1940 г., в которой он предлагает сделать насыпи на местах снесенных памятников над могилами Ф. И. Буслаева, А. С. Уварова, Д. А. Милютина, поставить на свое место могильную плиту А. Д. Блудовой и памятник Ф. В. Кугушеву, сделать постамент под мраморной статуей А. Ф. Багговута. Несколько раньше (в 1938 г.), благодаря усилиям В. Н. Нечаева, были опознаны и очищены от извести три саркофага Яковлевых, валявшихся около Успенской церкви (8).

Работы по некрополю, приостановленные во время войны,

были возобновлены в 50-е гг. В те годы территория Новодевичьего монастыря производила удручающее впечатление: все ограды могил требовали окраски, почти на всех мемориальных досках стерлись надписи, 13 могил (из 58, подлежащих охране) имели только земляные холмы, в том числе могилы **И. А. Александрова, В. И. Астракова, О. М. Бодянского, Н. В. Бугаева, А. Н. Муравьева, Ф. А. Рейна, В. Н. Рогожина, А. С. Уварова** и других, все могильные участки требовали благоустройства. В 1950 г. «проверкой состояния исторических памятников г. Москвы было установлено, что старое кладбище бывшего Новодевичьего монастыря находится в запущенном состоянии» (9). Поэтому комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совмине РСФСР предложил Государственному Историческому музею «навести порядок на всей кладбищенской территории» и составить смету расходов, предусматривающую главным образом изготовление мемориальных досок, обновление надписей и окраску оград. Общий объем работ был оценен в 50 тыс. руб., и в Управление культуры Мосгорисполкома из музея был передан список на 54 могилы старого кладбища Новодевичьего монастыря, нуждавшихся в реставрации и ремонте. Из списка видно, что для восьми памятников требовалась полная реставрация, а для остальных — реставрация мемориальных досок и восстановление надписей.

В 1951 г. ГИМ обратился с просьбой к мастерской № 3 ТПБ Мосгорисполкома «принять работы по приведению в надлежащий вид некрополя филиала музея «Новодевичий монастырь» и передал заказ на устройство постамента для памятника генералу А. Ф. Багговуту, на обновление 11 и установку 14 мраморных досок» (10).

В те же годы на территории некрополя были проведены большие работы по восстановлению некоторых ранее разрушенных памятников, для чего приспосабливались старые надгробия или флагменты памятников с утраченных могил. Так, памятник в виде пилона (фрагмент) **В. С. Соловьеву** был перенесен от корпуса 17. Надгробие — стилизованная часовня (начало XX в.) с утраченным завершением (крест) была распилена по вертикали. Вторая половина памятника установлена на могиле сестры Владимира Соловьева — Поликсены Сергеевны; черная плита (с могилы Букреевой) для памятника А. С. Уварова была перенесена с лужайки, от западной части монастыря; плита для памятника Мандельштамам (Максиму Борисовичу и Льву Максимовичу) — «один памятник на двоих» — была перенесена от мавзолея Волконских и т. д. В черновике списка (оригинал был передан в мастерскую, как явствует из пометки на нем) находятся фамилии **Ф. И. Буслаева, Ф. А. Рейна, Н. В. Бугаева, М. Н. Загоскина,** всего 15 человек, для устройства могил которых переносились памятники. В этом же списке была перечислена 31 могила, для которых предпо-

лагалась реставрация надгробных досок и надписей (11).

При определении места установки памятников использовались земляные холмы, насыпанные в предыдущие годы, старые фотографии, главным образом сделанные А. Т. Лебедевым в 1929 г., могильные книги, составленные работниками музея в 1926 г. Однако можно предположить, что какие-то отступления от первоначальных мест захоронения были допущены, и поэтому ряд могил является лишь условным символом памяти.

Таким образом, в 50-е гг. был создан тот облик некрополя Новодевичьего монастыря, который в основном сохранился до наших дней. Современный некрополь составляют памятники, сохранившиеся с некоторыми утратами от разорения 20-х гг. и надгробия, поставленные в 50-е гг.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 27 могил старого кладбища Новодевичьего монастыря, в числе которых находятся могилы **А. А. Брусилова, Ф. И. Буслаева, Д. В. Давыдова, М. И. Муравьева-Апостола, М. П. Погодина, Ф. А. Рейна, С. П. Трубецкого** и другие, были приняты под государственную охрану. К сожалению, надгробия **Д. А. Столыпина** и **С. А. Тучкова**, упомянутые в этом списке, не сохранились.

В 70—80-е гг. ряд памятников и могильных решеток некрополя был отреставрирован; в 1988 г. был восстановлен бюст на могиле **А. Н. Плещеева.** В настоящее время музей «Новодевичий монастырь» готовится к большой работе по благоустройству территории, организации пешеходных дорожек и смотровых площадок. С 1986 г. проведена полная паспортизация могильных памятников, и музей готов к восстановлению утраченных деталей сохранившихся надгробий одного из старейших некрополей Москвы.

Источники

1. XVIII, 1—НД, л. 18—19 об.
2. Там же, л. 5.
3. XXVIII, 55—НД, л. 3—7.
4. XVIII, 55—НД, л. 6.
5. Там же, л. 3.
6. XVIII, 55—НД, л. 3, 7.
7. Там же, л. 3.
8. XVIII, 1—НД, л. 23—24.
9. XVIII, 1—НД, л. 33.
10. Там же, л. 39.
11. Там же, л. 40—42 об.

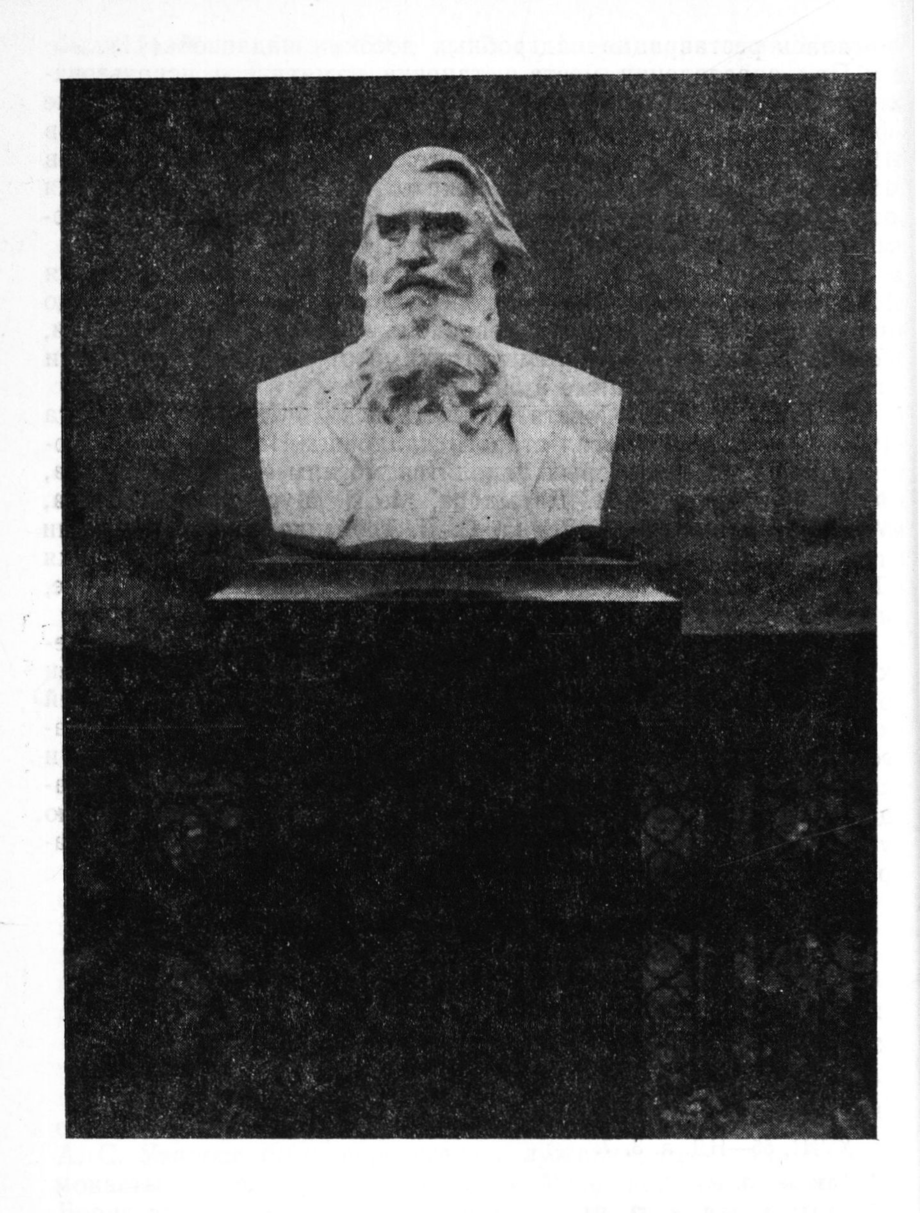


Рис. 1. **Надгробие поэта А. Н. Плещеева. С севера от Смоленского собора. Перезахоронение от западной стены монастыря произведено в 1935 г. Надгробие (бюст) восстановлено после реставрации в 1989 г.**

Рис. 2. Надгробие А. П. Чехова с северо-запада от Успенской церкви до перезахоронения в 1930-х гг. на Новодевичьем кладбище. Фото А. Т. Лебедева, 1930 г.

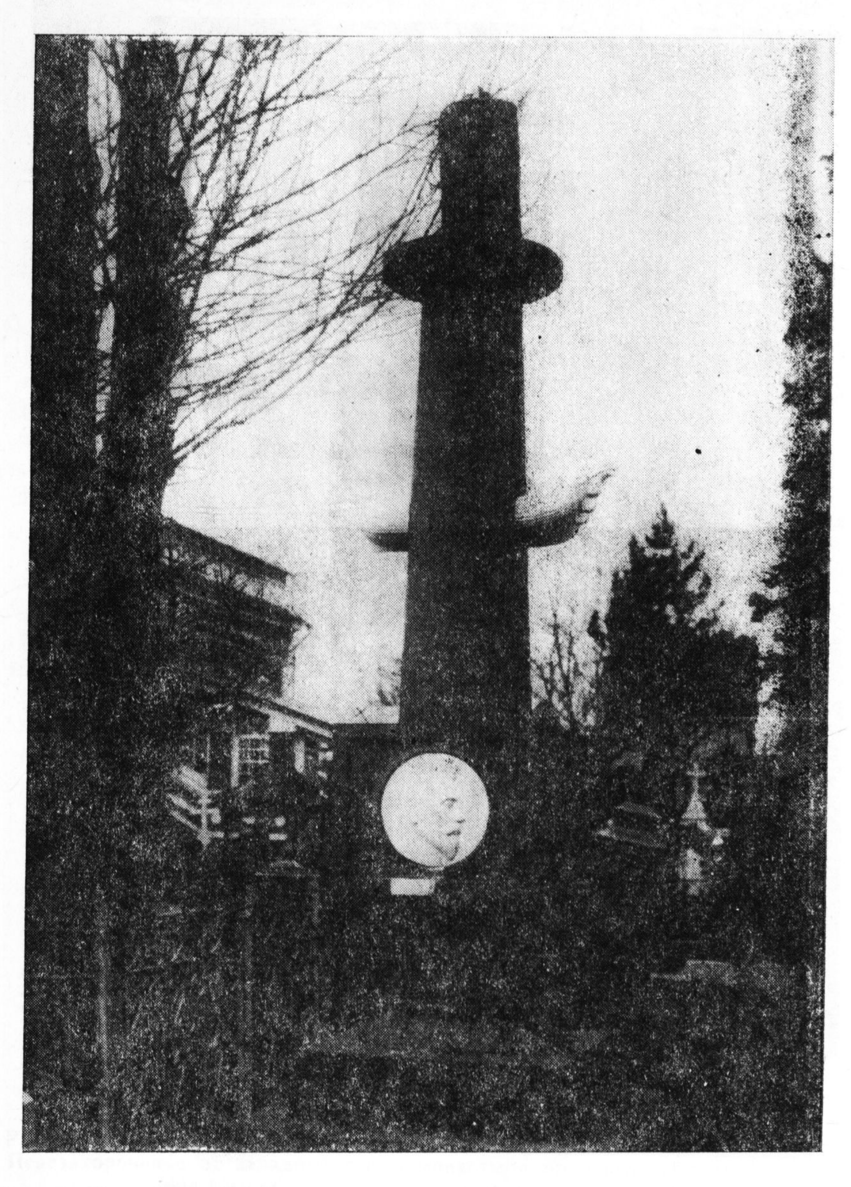


Рис. 3. Могила В. М. Альтфатера до перезахоронения на Новодевичьем кладбище. С запада от Успенской церкви. Фото А. Т. Лебедева, 1930 г.

А. П. Жегулевцева
МГО ВООПиК Комиссия по изучению
истории декабристского движения

МОСКОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ ДЕКАБРИСТОВ

Старые кладбища, как и памятники архитектуры, живописи, литературы, являются частью историко-культурного наследия нашего народа. На них покоится прах множества людей, имена которых вписали яркие страницы в историю государства Российского. Одними из представителей плеяды славных сынов Отечества являются декабристы, посвятившие свою жизнь борьбе за освобождение народа от гнета крепостничества и самодержавия.

Увековечение памяти прославленных сынов России — наш долг. Многочисленные музеи декабристов, особенно в Сибири, изучение декабристского движения, пропаганда их наследия являются яркими свидетельствами хранения их светлой памяти. Одной из форм хранения памяти о декабристах является сохранение и облагораживание их могил, восстановление утраченных надгробий, восстановление ранее существовавшего атрибута на памятниках (кресты, иконы и др.), проведение дней поминовения.

Московская земля приняла прах 45 декабристов (Московский некрополь. 1907—1908 / Под ред. В. И. Саитова, Б. А. Модзалевского). Кроме того, в Московской области похоронены декабристы: В. С. Толстой, И. И. Пущин, М. А. Фонвизин, И. А. Фонвизин, сыгравшие исключительную роль в декабристском движении*.

За последнее 50-летие в силу самых разных причин (ликвидация кладбищ, реконструкция, закрытие монастырей и т. д.) некрополь декабристов, как и в целом московский, претерпел значительные изменения от утраты могил, надгробных памятников и их атрибутов до перезахоронения праха или в пределах этого же кладбища, или на территории другого. Так, прах декабриста **П. Н. Свистунова** при ликвидации кладбища Алек-

---

* В. С. Толстой похоронен при церкви в с. Переделица Подольского уезда (ныне Ленинский район), И. И. Пущин, М. А. Фонвизин, И. А. Фонвизин — в г. Бронницы у Архангельского собора.

сеевского монастыря в 1929 г. был перенесен в Донской монастырь. А при реконструкции кладбища Новодевичьего монастыря и создании так называемой «площадки декабристов» прах декабриста **М. И. Муравьева-Апостола** был перезахоронен у стены Смоленского собора рядом с могилой С. П. Трубецкого.

Сегодня нам известно лишь 23 могилы декабристов на четырех кладбищах г. Москвы: Ваганьковском (7), Пятницком (4), Донском (7) и Новодевичьем (5) монастырях. 22 могилы декабристов утрачены.

Общие сведения о местах захоронения декабристов следующие:

Ваганьковское кладбище

Беляев — I-й А. П. (1803—28.12.1887).
Бестужев М. А. (22.09.1800—22.06.1871).
Бобрищев-Пушкин — 2-й П. С. (12.07.1802—13.20.1865).
Загорецкий Н. А. (1797—1885).
Скарятин — I-й Ф. Я. (03.04.1806—11.04.1835).
Фролов А. Ф. (25.08.1804—06.05.1885).
Хотяинцев И. Н. (1785—06.02.1863) — могила символическая.

Не сохранились могилы:

Жемчужников — 2-й А. А. (1800—11.12.1873).
Лачинов Е. Е. (1799—20.08.1875).
Оболенский К. П. (19.09.1798—11.03.1861).

Пятницкое кладбище

Басаргин Н. В. (1800—именины—9.05.—03.02.1861).
Любимов — I-й Р. В. (1784—18.06.1838) — могила символическая.
Раич (Амфитеатров С. Е.) (1792—23.10.1855) — могила символическая.
Якушкин И. Д. (28.12.1793—11.08.1857).

Донской монастырь

Дмитриев-Мамонов М. А. (14.09.1790—11.06.1863).
Зубков В. П. (14.05.1799—12.04.1862).
Нарышкин М. М. (04.02.1798—02.01.1863).
Свистунов П. Н. (27.07.1803—15.02.1889).
Чаадаев П. Я. (27.05.1794—14.04.1856).
Черевин П. Д. (27.01.1802—27.05.1824).
Шипов С. П. (р. ок. 1796—25.07.1876).

Могилы утрачены:

Бобринский В. А. (13.01.1804—02.09.1874).
Годеин Н. П. (07.06.1790—16.02.1856).

Голицын М. Ф. (09.07.1800—26.06.1826).
Юрьев А. Н. (р. ок. 1796—21.06.1863).

Новодевичий монастырь

Калошин П. И. (1799—21.01.1854).
Муравьев А. Н. (10.10.1792—18.12.1863).
Муравьев-Апостол М. И. (25.04.1793—21.02.1886).
Орлов М. Ф. (25.03.1788—19.03.1842).
Трубецкой С. П. (29.08.1790—22.11.1860).

Могилы утрачены:

Башуцкий А. Д. (дек. 1792—08.02.1877).
Гагарин Ф. Ф. (1789—06.09.1863).
Крюков Н. П. (04.04.1800—06.01.1860).
Путята Н. В. (22.07.1802—29.10.1877).
Тучков А. А. (26.12.1800—1878).

Места захоронений декабристов на ликвидированных кладбищах:

Данилов монастырь — *Голицын В. М.* (22.09.1803—08.10.1859), *Завалишин Д. И.* (13.06.1804—06.02.1892), *Сабуров А. И.* (1799—1880, не ранее 1897).

Новоспасский монастырь — *Титов П. П.* (24.10.1800—25.04.1878).

Симонов монастырь — *Акинфов Ф. В.* (23.06.1789 — 30.06.1848), *Васильчиков Н. А.* (09.05.1799—20.07.1864). *Свиньин П. П.* (14.02.1801—16.04.1882).

Покровский монастырь — *Непенин А. Г.* (30.11.1782—12.11.1845).

Алексеевский монастырь — *Астафьев А. Ф.* (1781—05.10.1850), *Вишневский Ф. Г.* (1798 или 1799—23.04.1865).

На Ваганьковском кладбище, как указано выше, к настоящему времени сохранились могилы семи декабристов. На углу 2-го участка, по главной аллее справа, за чугунной оградой выделяется надгробный памятник розового гранита, представляющий собой изображение звездного неба, установленный на постаменте. Небесная сфера с четырех сторон обрамлена факелами. На постаменте укреплена памятная доска с надписью: «Декабрист Фролов Александр Филиппович — 1804—1885». Член общества Соединенных славян был осужден по II разряду и конфирмации, приговорен в каторжные работы на 20 лет. Срок сокращен до 15 лет. Каторгу отбывал в Читинском остроге и Петровском заводе. Автор «Записок». В этой же ограде находится памятник — стела из розового гранита, установленный декабристу **Бобрищеву-Пушкину П. С.** Член Южного общества. Принимал участие в сокрытии «Русской Правды». Осужден по IV разряду и по конфирмации, приговорен к 12

годам каторжных работ с последующим сокращением до 8 лет. Рано начал писать стихи и басни, некоторые дошли до наших дней.

Здесь же, слева у этой ограды, — памятная стела с цветником из красного мрамора, на которой начертано: **Хотяинцев Иван Николаевич,** 1785—1863, **декабрист, член Союза благо**денствия, участник Отечественной войны 1812 г. (рис. 1).

На этой же аллее слева, в 70—80 м от вышеуказанных могил декабристов (уч. № 13), находится чугунная ограда с памятной доской из белого мрамора с надписью **«Декабрист Бестужев Михаил Александрович,** 1800—1871. На его могиле сохранилось старое надгробие в виде прямоугольной гробницы из розового гранита с текстом: «Здесь положено тело потомственного дворянина Михаила Александровича Бестужева, скончавшегося 1871 года июня 22 дня на 70 году своей жизни». (В этой же могиле покоится прах матери четырех декабристов Бестужевой Прасковьи Михайловны (1775—27.10.1846), здесь же погребены рано умершие дочери декабриста — Елена (ум. 1867), Мария (ум. 1873), сестра Елена (ум. 1874), которая вывезла из Сибири в Центральную Россию бестужевскую портретную галерею декабристов). (Рис. 2).

Братья Бестужевы были активными членами Северного общества, принимали участие в подготовке восстания. В день 14 декабря на Сенатскую площадь со своими полками вышли братья Бестужевы. Михаил Бестужев штабс-капитан лейбгвардии Московского полка, арестован на Сенатской площади в день восстания. Осужден по II разряду и по конфирмации и приговорен к каторжным работам навечно (срок сокращен до 20 лет). Вместе с братом Николаем отбывали каторгу в Чите и Петровском заводе. По окончании срока жили на поселении в г. Селенгинске. Их доброжелательность и активное участие в жизни бурятского населения оставили неизгладимый след.

Кадровый моряк Михаил Бестужев принимал участие в экспедиции по Амуру, результатом которой было присоединение части Амура к России. Бывшая служанка Бестужевых Жигмит Анаева писала: «Уезжая, Михаил Александрович сильно плакал. — «Живите, не забывайте», — говорил он на прощание... Это были Боги, а не люди».

В издание «Записки декабристов», осуществленное А. И. Герценом в 1862—1863 гг., были включены воспоминания братьев Бестужевых. Наши современники свято хранят память о Бестужевых. В городе Селенгинске есть музей братьев Бестужевых, на могилу М. Бестужева часто возлагают цветы.

На четвертом участке (в середине) находится могила декабриста **А. П. Беляева,** обозначенная памятником цилиндрической формы из черного гранита, пересеченного кубом. Мичман Гвардейского экипажа, один из основателей тайного Общества Гвардейского экипажа, автор его «статутов», член «Ордена восстановления», А. П. Беляев формально не состоял

членом Северного общества, но был тесно связан с К. Рылеевым и принимал активное участие в подготовке восстания на Сенатской площади, вышел на площадь с батальоном Гвардейского экипажа. Осужден по IV разряду и по конфирмации, приговорен к 12 годам каторги. После возвращения из Сибири Беляев поселился в Москве, в доме на Смоленском бульваре, где его посещал Л. Н. Толстой, задумавший писать роман «Декабристы».

На 1-м участке (середина) погребен декабрист Ф. Я. Скарятин. Близкий друг декабриста М. Ф. Орлова, участвовал в организации Московского художественного класса. Привлекался по делу 14 декабря, но был освобожден. На его могиле — массивное надгробие из розового камня (реставрация в 1991 г.).

И наконец, в особенно катастрофическом состоянии находится могила **Ф. Я. Скарятина** (уч. № 1, середина). Массивное надгробие из розового камня завалилось, и многократные попытки поднять и укрепить памятник пока что не дали результатов.

В Донском монастыре, одном из старинных и привилегированных кладбищ Москвы, покоится прах 11 декабристов. К настоящему времени сохранились могилы лишь семи из них. Могилы с надгробными памятниками достаточно хорошо сохранились, однако нельзя сказать, что они находятся в ухоженном состоянии. Создание в монастыре музея-заповедника, возможно, изменит это положение.

На первом участке стоит обелиск из белого мрамора. Под ним покоится прах генерал-майора **М. А. Дмитриева-Мамонова**, участника Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Будучи одним из богатейших людей своего времени, он на свои средства сформировал казачий полк в составе Московского ополчения. Был одним из основателей преддекабристской тайной организации «Орден русских рыцарей».

Справа от Малого собора Донского монастыря (уч. № 2) лежит чугунная плита, на которой начертано: **«Петр Яковлевич Чаадаев** кончил жизнь 1856 года 14 апреля». Член Союза Благоденствия. Философ и публицист, друг А. С. Пушкина и всего литературного кружка того времени, автор знаменитых «Философических писем». Участник Отечественной войны 1812 г., дошедший до Парижа и имевший много высоких наград. Чаадаев вошел в русскую литературу как один из ярких представителей философской мысли. Его влияние на Пушкина было «изумительно» (Я. И. Сабуров). Сам же Чаадаев писал Шевыреву: «Пушкин гордился моей дружбой», а А. С. Пушкин в своем дневнике от 18 июля 1821 г., обращаясь к Чаадаеву, писал: «Твоя дружба мне заменила счастье».

В Донской монастырь при ликвидации кладбища Алексеевского монастыря в 1929 г. был перенесен прах декабриста **П. Н. Свистунова.** Могила его обозначена стелой из темно-се-

рого гранита (уч. № 3). Член Петербургской ячейки Южного общества и участник Северного. Руководитель Южного общества П. И. Пестель возводит Свистунова в звание «боярина» (высший круг членов тайного общества), посвящая его в планы цареубийства. Являясь одним из руководителей Петербургской ячейки Южного общества, Свистунов неоднократно проводил совещания на своей квартире. Он был осужден по II разряду и по конфирмации, приговорен к каторжным работам на 20 лет (срок сокращен до 15). После окончания срока каторги жил на поселении в Каменке, Кургане, Тобольске, где состоял на гражданской службе. Был прекрасным виолончелистом и пианистом. После амнистии 1856 г. в Москве Свистунов встречался с Л. Н. Толстым, который тогда собирал материал для будущего романа «Декабристы». Об одной из таких встреч 5 марта 1878 г. Л. Н. Толстой писал своей жене: «Просидел у него 4 часа, слушая прелестные рассказы его и другого декабриста Беляева».

На этом же участке у монастырской стены стоят рядом два надгробия. Одно представляет собой плиту из розового гранита с вертикальным белокаменным крестом. Надгробная надпись гласит: «Здесь покоится тело **Михаила Михайловича Нарышкина.** Родился 4 февраля 1798 года, скончался 2 января 1863 года. Он был кроток и смиренен сердцем и никого не осуждал». Член Союза Благоденствия и Северного общества, он был посредником обоих обществ. Участник подготовки восстания в Москве в 1825 г. Осужден по IV разряду и по конфирмации приговорен в каторжные работы на 12 лет. Срок сокращен до 8 лет. Был определен рядовым в Кавказский корпус. Отбывая каторгу вместе с другими декабристами, вносил достаточно крупную сумму в общую артельную казну, которая дала возможность выжить другим малоимущим товарищам. Другой памятник из черного гранита в виде аналоя жене декабриста — Нарышкиной Елизавете Петровне (1.04.1802—11.12.1867), урожденной Коновницыной, последовавшей за мужем в Сибирь.

На 5-м участке, ничем не выделяясь среди остальных памятников, стоит прямоугольная гробница из розового гранита с текстом: «Здесь покоится тело гвардии подпоручика **Павла Дмитриевича Черевина.** Родился 27 января. Скончался 27 мая 1824 года.

Скончався в мале исполни лета долга
Прем. Сол. гл. IV ст. 13
Средь юных лет цветущими сединами
он образцом служил для сверстников младых
Как нежный брат он был любим друзьями

Как верный друг он утешал родных:
Минутная весна его полезной жизни
Вся протекла в трудах и в жертвах добрых дел
Он жил для щастия Земной своей отчизны
И рано в лучшую отчизну отлетел.

С. Нечаев

Надпись на прислоненной к надгробию памятной доске гласит: «Декабрист Черевин». Член Союза Благоденствия и Северного общества, рано ушедший из жизни.

Один из современников А. С. Пушкина, его друг, член декабристской организации «Практический Союз» и «Общества Семисторонней или Семиугольной звезды» **Зубков В. П.** похоронен напротив церкви Александра Свирского (усыпальница Зубовых) 1796—1798 (уч. № 6). На могиле его в 1951 г. Московским Советом была установлена стела из темно-серого гранита с текстом: **«Декабрист Зубков Василий Петрович.** 1799—1862». Памятник окружен чугунной оградой.

И наконец, в Донском монастыре похоронен декабрист **Шипов С. П.** На его могиле установлен памятник-саркофаг из черного полированного гранита с текстом: «Генерал-адъютант от инфантерии **Сергей Павлович Шипов** родился 5 февраля 1789 года, скончался 25 июля 1876 года». Член Союза спасения и Союза Благоденствия (член Коренного совета), участник Отечественной войны 1812 г. и русско-турецкой войны 1828 г. (Здесь же погребена его жена Анна Евграфовна, урожденная Комаровская).

На Пятницком кладбище, на 22-ом участке, в одной ограде находятся две могилы с прахом декабристов **Н. В. Басаргина** и **И. Д. Якушкина.** Почти идентичные их надгробия, установленные Московским Советом, представляют собой прямоугольную колонну из черного полированного гранита с рустом, вершину которой венчает ваза. Обе могилы обрамлены цветниками.

И. Д. Якушкин — участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, награжденный многими высокими орденами, яркая фигура в истории декабристского движения. Один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия и Коренного совета, участник Московского заговора 1817 г., вызвавшийся совершить цареубийство, что запечатлено в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

«Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал».

Участник Петербургских совещаний, Московского съезда и подготовки к восстанию в Москве в декабре 1825 г. Решением Верховного уголовного суда Якушкин был отнесен к I разряду

и приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой с последующим поселением. В казематах Читы и Петровского завода Якушкин страстно занимался самообразованием. Среди членов Северного общества слыл мыслителем, философом-материалистом. Его трактат «Что такое жизнь?», опубликованный спустя столетие после написания, стал предметом специальных исследований. Нравственную силу, величие мысли Якушкина можно проследить по сохранившимся источникам, которые принадлежат перу самого декабриста и его современников. Записки декабриста Якушкина были опубликованы за границей А. И. Герценом в журналах «Полярная звезда» и «Колокол». После амнистии 1856 г. Иван Дмитриевич вернулся в Москву к младшему сыну Е. И. Якушкину, благодаря которому многие мемуары декабристов увидели свет. Могила декабриста Якушкина тщательно ухожена, на нее возлагают свежие цветы.

Н. В. Басаргин — член Союза благоденствия и Южного общества, осужден по II разряду и по конфирмации приговорен к каторжным работам на 20 лет (срок сокращен до 15). После 10-летнего пребывания на каторге вышел на поселение, и в различных городах Сибири нес гражданскую службу. После амнистии вернулся в Россию. Написал прекрасные «Записки» и «Воспоминания».

В ограде Грановского (22-й уч.) находятся символические могилы **Р. В. Любимова 1-го,** члена Союза благоденствия, полковника Тарутинского пехотного полка, и **С. Е. Раича** — поэта-переводчика, журналиста и педагога. Раич был домашним учителем у Н. Н. Шереметевой (тещи декабриста Якушкина), а затем воспитывал Федора Тютчева — будущего поэта. Его лекции по русской словесности слушал М. Ю. Лермонтов. С. Е. Раич организовал в Москве литературное общество, в которое входили такие видные писатели и поэты России, как М. П. Погодин, С. П. Шевырев, В. Ф. Одоевский, братья П. В. и И. В. Киреевские и др.

На кладбище Новодевичьего монастыря, которое в 30-х гг. подверглось разорению, похоронено девять декабристов. К настоящему времени сохранились могилы лишь пяти из них.

Справа у Смоленского собора в чугунной ограде на большом природном камне с вертикальным черным мраморным крестом надпись: **«Сергей Петрович Трубецкой».** Имя Трубецкого заняло одно из первых мест в ряду имен декабристов. Гвардии полковник, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, награжденный многими высокими орденами, он один из первых стал членом преддекабристской организации «Священная артель». Член Союза спасения, Союза благоденствия, председатель Коренного совета, один из руководителей Северного общества, один из авторов «Манифеста» к русскому народу. Активнейший участник подготовки восста-

ния на Сенатской площади — был назначен диктатором восстания, однако 14 декабря на площадь не явился. Трубецкой был арестован в первую же ночь после восстания и осужден по II разряду и конфирмации, приговорен к каторжным работам навечно. С. П. Трубецкой оставил блестящие «Записки», которые наряду с записками Якушкина, Пущина и др. декабристов были напечатаны А. И. Герценом отдельным изданием «Записки декабристов» (1862—1863 гг.).

У апсиды Смоленского собора на хорошо укрепленной площадке находятся два совершенно одинаковых надгробия; массивные горизонтальные плиты из черного полированного гранита, под одной из которых покоится прах **Орлова Михаила Федоровича***. Генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, за отличия был награжден многими высокими орденами. 19.03.1814 г. подписал акт о капитуляции Парижа. Выполнял многие дипломатические и государственные миссии. Один из идеологов «декабризма», предполагаемый руководитель восстания и временного правительства. Основатель тайной преддекабристской организации «Орден русских рыцарей». Был близок с членами декабристских союзов, участвовал в Московском съезде 1821 г., был членом Коренного совета, руководителем Кишеневской управы тайного общества. После ареста, благодаря заступничеству брата А. Ф. Орлова, был лишь отстранен от службы и под тайным надзором полиции отправлен на жительство в Калужскую губернию.

Могила декабриста **П. И. Калошина** вместе с его женой А. Г. Калошиной, урожденной Салтыковой (1805—16.06.1871), находится справа от Смоленского собора и обозначена саркофагом из черного полированного гранита с выступающими полями. Могила окружена чугунной оградой. Член преддекабристской организации «Священная артель», член Союза Спасения и Союза Благоденствия (член Коренного совета) и Московской управы Северного общества. После восстания был заключен в Петропавловскую крепость. После окончания следствия отстранен от службы с запрещением въезда в обе столицы и установлением секретного надзора.

Создание в 1930 г. так называемых «площадок» писателей, декабристов и др. привело к неизбежной безвозвратной потере многих могил знаменитых людей России, в том числе утрачены могилы четырех декабристов. На «площадке декабристов» (рядом с могилой Трубецкого) в 1932 г. был перезахоронен прах декабриста М. И. Муравьева-Апостола (первоначальное погребение было за Успенской трапезной церковью у северной стены мавзолея Волконских). В настоящее время могила с

* Под другой плитой — прах его жены Е. Н. Орловой (10.4.1797—22.1.1885), урожденной Раевской, дочери героя Отечественной войны 1812 г., генерала Н. Н. Раевского.

надгробным памятником из белого мрамора в виде аналоя, окруженная чугунной оградой, утратила свой первоначальный вид. Исчезли многие атрибуты надгробия (крест, икона, инкрустация и др.). На памятнике начертано: «Ветеран 1812 года Матвей Иванович Муравьев-Апостол, родился в Петербурге 25 апреля 1893 года. Скончался в Москве 21 февраля в пятницу в 5 часов утра 1886 года».

М. И. Муравьев-Апостол — участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., имел многие высокие награды. Он один из основателей Союза спасения, участник Московского заговора 1817 г., член Союза благоденствия, член Коренного совета, участник Петербургского совещания, член Южного общества, участник восстания Черниговского полка. Осужден по I разряду и конфирмации, приговорен в каторжные работы на 20 лет. Автор воспоминаний о восстании Черниговского полка.

Судьба могилы декабриста **А. Н. Муравьева,** основателя Союза спасения, члена Военного общества, Союза благоденствия, Коренного совета и временного руководителя Московской управы, участника Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., награжденного многими орденами, участника подготовки освобождения крестьян, еще более трагична. В те же 30-е гг. по ней была проложена асфальтированная дорога, по которой идет Крестный ход во время пасхального богослужения. Современный памятник (невысокая стела из серого мрамора, установленная в 60-е гг. МГО ВООПИК) находится в 10—11 метрах от места погребения декабриста.

В Новодевичьем монастыре покоится прах людей, имена которых тесно связаны с именами декабристов. Это:

Н. Н. Муравьев — генерал-майор, основатель Московского офицерского училища для колонно-вожатых, воспитанниками которого были 24 будущих декабриста.

А. С. Муравьева-Апостол — мать трех декабристов, один из которых был казнен на кронверке 13 июля 1825 г. Ее прах покоится рядом с местом первоначального захоронения ее сына — М. И. Муравьева-Апостола (ныне на этом месте хозяйственный двор). Наш долг восстановить эти могилы и увековечить память об этих людях.

Необходимо установить надгробный памятник на могиле декабриста А. Н. Муравьева.

Может быть создана «Книга памяти», в которую заносились бы фамилии знаменитых людей России, могилы которых безвозвратно утрачены. Наряду с созданием такой книги представляется возможным установление на кладбищах памятных стел с указанием имен особенно заслуженных людей. Помимо общественных и государственных организаций, занимающихся Московским некрополем, эти работы могут вести учащиеся,

что сыграет исключительную роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения. Сохранение могил, их облагораживание, сохранение памяти о людях, посвятивших свою жизнь служению Отечеству и народу, является нашим священным долгом.

Последние годы стало традицией проведение Дня поминовения 26 (14) декабря в день выступления на Сенатской площади. Ежегодно в 12 часов на Ваганьковском кладбище собираются потомки декабристов, члены декабристской комиссии, чтобы почтить память первых борцов за свободу народа. В 1989 г. была отслужена панихида по декабристам на Ваганьковском кладбище на Главной аллее у могил декабристов* (рис. 4).

Нашему обществу сегодня как никогда необходима и очень важна та огромная работа, которая проводится по историческому Московскому некрополю.

Рис. 1. **В день поминовения у памятной стелы декабриста И. Н. Хотяинцева. Ваганьковское кладбище.**

* Большую помощь в проведении Дня поминовения оказал директор Ваганьковского кладбища В. И. Стешин.

Рис. 2. **Надгробие декабриста М. Бестужева на семейном участке Бестужевых. Ваганьковское кладбище.**

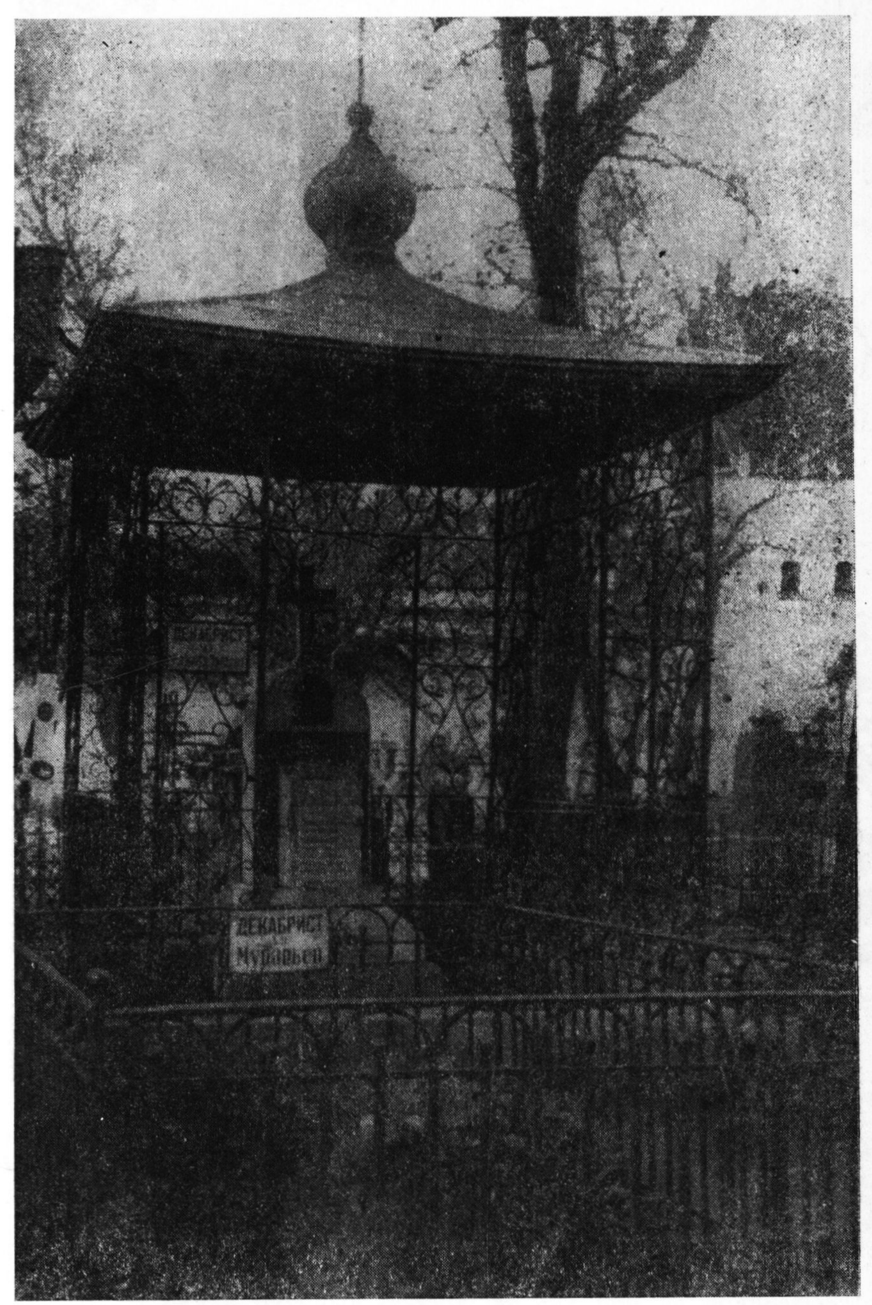


Рис. 3. **Надгробия декабристов М. И. Муравьева-Апостола и А. Н. Муравьева на месте их первоначального погребения. Новодевичий** монастырь **(фото до 1930 г.)**

Рис. 4. **Священнослужители церкви обновления ВХ служат панихиду по декабристам. Ваганьковское кладбище. Главная аллея. 26 (14) декабря 1989 г.**

Л. А. Беляев,
ст. научный сотрудник ИА РАН

РУССКОЕ БЕЛОКАМЕННОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАДГРОБИЕ

Белокаменные памятники типа плит или, как писали в древности, «досок» получили распространение на северо-востоке Руси около второй половины XIII в. и начали активно сменяться другими формами надгробий во второй половине XVII в. Это специфическая центрально-российская категория памятников, распространение которых теснейшим образом связано с развитием Московской государственности. Основные этапы его становления удивительно ясно отражаются в изменениях размеров, типов плит, рисунков на них. Типологически московское надгробие не выводится непосредственно из домонгольской традиции и, видимо, не имеет там прочных корней.

С нашей точки зрения можно выделить три группы надгробий: 1. С выпуклыми, рельефными изображениями, характерные для севера и северо-востока Руси в XIV(?)—XVI вв.; 2. Надгробия-плиты с плоской резьбой без бокового орнамента, незначительной толщины, характерные для Москвы и связанных с ней территорий в XIII — середине XVI в. 3. Более поздние надгробия с орнаментом на боковых гранях значительной толщины. Все три группы образуют единый тип, отражающий представления средневекового населения России о жизни и смерти, потустороннем существовании, а также и традиционные вкусы городских и сельских жителей, уровень художественного ремесла, развитие камнерезного дела и многое другое.

Таким образом, указанная общность памятников — специфический вид исторического источника, требующий комплексного подхода для введения в научный оборот, до сих пор не полностью раскрывший свои возможности. В то же время сделано немало. Первая крупная публикация о

плитах В. Н. Щепкина уже давала возможности для суждений о богатстве материала (1). Однако в написанном примерно в те же годы Н. Н. Врангелем томе «Истории русского искусства», посвященном скульптуре, о них даже не упоминается (2). Заложенные В. Н. Щепкиным в начале века основы классификации плит на основе орнамента были дополнены и уточнены благодаря находкам на Метрострое, введенным в оборот А. В. Арциховским (3). Новый этап в собирании и исследовании надгробий связан с работами Т. В. Николаевой по некрополю Троице-Сергиевой лавры (4) и В. Б. Гришберга, опубликовавшего практически весь доступный к концу 50-х гг. материал лапидарной эпиграфики Москвы (5). 70—80-е гг. — время нового собирательства, давшего материал для серии публикаций Ю. М. Золотова (6) и других исследователей. Особое значение имели находки на кладбищах Кремля, опубликованные Н. С. Шеляпиной (7). В это же время появляется первая работа по истории надгробий. В ней надгробие рассматривается не только как носитель письменной информации, но и как произведение искусства, отражающее определенную степень развития культуры на Руси (8). Наконец, вышла первая книжка по истории надгробий с иностранными надписями на плитах московского типа (9). Таковы весьма значительные итоги нескольких десятилетий собирания, публикации и первичного типологического анализа плит.

Уже в сводке В. Б. Гиршберга было около 400 надгробий с надписями. Следующие годы дали публикации еще приблизительно 100 памятников, причем число их постоянно растет. Только материалы автора, на анализе которых в значительной мере основана данная статья, собранные в 80-х гг. в Коломенском, Даниловом, Высокопетровском, Богоявленском монастырях и в других местах, составляют более 100 плит. Не меньше собрано сегодня и другими исследователями, еще не опубликовавшими результаты. Ориентировочное количество надгробий (XIII — вторая половина XVII в.), которыми можно сегодня пользоваться для изучения, около тысячи. Необходимо подчеркнуть, что материал последних двух — трех десятилетий имеет ряд преимуществ — он лучше протоколирован и шире по охвату, поскольку включает не только московские, но и провинциальные, в том числе сельские некрополи; плиты чаще исследуются не отдельно, а вместе с комплексом кладбища; публикации стали чаще включать неподписанные надгробия. Тем не менее наметилось явное отставание изучения надгробия от его собирания и даже публикации, из-за чего надгробие до сих пор и не занимает подобающего ему места в кругу памятников средневековья. Даже надписи до сих пор изучаются прежде всего для извлечения общей исторической информации и не подвергаются анализу ни с точки зрения филологии, ни с точки зрения семантики, ни в отношении эпиграфики. В какой-

то степени отставание аналитической части сказалось и на процессе накопления — в публикациях все еще распространены довольно общие представления о датировках отдельных типов плит, встречаются явные анахронизмы. В целом уровень не отличается от работ полувековой давности.

Таким образом, перед исследователями встают задачи «научной инвентаризации» опубликованных материалов на основе меняющихся представлений о хронологии, корректировка дат, версификация всех наличных данных, в частности, сведений об условиях находки, соотнесение конкретных экземпляров плит с их надписями и лежащими под ними погребениями (в этих вопросах большая путаница даже на поздних некрополях, не говоря уж о средневековых). Необходимо создание свода по районам и периодам, публикация собранных и добыча новых материалов, фиксация их по самым скрупулезным методам. Свод должен регулярно пополняться материалами и издаваться периодически с научными статьями и комментариями по типу аналогичных западноевропейских изданий (10). Не менее важно осмыслить надгробия средневековой Руси как историко-культурный феномен, раскрыть присущие ему семантические свойства, смысл его внешнего облика, его связи с представлениями средневековья, отразившимися в погребальной обрядности.

Можно назвать конкретные, весьма актуальные темы, для разработки которых имеется значительный материал. Это уже упоминавшаяся лапидарная эпиграфика, где требуется для начала составить надежно датированные таблицы развития отдельных букв и устойчивых сочетаний и провести сравнение с надписями на других предметах декоративно-прикладного искусства, с разного рода граффити, книжными и бытовыми почерками и, кроме того, сопоставить русскую эпиграфику с уже опубликованными таблицами по аналогичному материалу (11) южно-славянских земель. Следует провести филологический анализ эпитафийных формул, сравнить их с текстами иного содержания (например, Жития и т.д.), а также смысловой сравнительный анализ эпитафии. Например, легко заметить, что русское средневековое надгробие не знает благопожелательных надписей, молитвенных обращений к Богу, цитат библейского характера, — хотя все это совершенно неотъемлемая часть любого европейского текста эпитафии (пусть в самой краткой форме). В то же время оно несет зачастую развернутую характеристику даты смерти, включающую подробную информацию о праздниках этого дня, отличаясь этим от южнославянских образцов, которые даже имеют специальную формулу, обходящую вопрос о дате, но подчеркивающую сведения о самом погребенном.

За пределами надписей лежит важнейшая тема генезиса раннемосковского и северорусского белокаменного надгробия,

внутренних и внешних импульсов в его сложении на протяжении XIII—XIV вв. Общие указания на наличие прямых и, конечно, очень важных аналогий с боснийскими надгробными камнями, безусловно, повлиявшими на сложение раннего надгробия Руси, не решают вопроса полностью. Представляется важным указать на некоторые изменения погребального обряда, произошедшие на Руси в XIII в., на возможное проникновение некоторых малоизвестных византийских ритуалов и погребальных памятников, таких как каменные саркофаги с орнаментированными крышками, следы которых обнаруживались и ранее (известный саркофаг из Старой Рязани, несомненно, несколько более поздний, чем предполагалось, датирующийся, вероятно, в пределах конца XIII — середины XIV в.), и встречены вновь при раскопках древнейшего некрополя Богоявленского собора, датирующегося приблизительно также (12). Не исключена возможность употребления на Руси в это время и оссуариев, известных по византийским источникам, в том числе из камня (13). Уменьшение глубины могил, появление деревянных ящиков-гробов, прикрытых сверху каменной плитой (обряд, прослеженный также в Богоявленском соборе), лежащей вровень с поверхностью, — все эти явления, вероятно, каким-то образом повлияли на процесс формирования типов надгробий. Весьма важным для данной темы представляется внимательное отношение к мотивам орнаментации в сопоставлении ее с параллельно существовавшими традициями орнаментации тканей, хорошо прослеживающихся по иконам и миниатюрам, а также археологическим находкам, с некоторыми архитектурными орнаментами типа орнаментов аркосолиев христианских построек Крыма, церковной орнаментики восточнохристианских территорий и самой Византии, которые дают очень близкие по рисунку и, вероятно, смыслу аналоги (14). Табл. 1.

Решение проблемы генезиса русского надгробия во многом позволило бы осветить и вопрос семантики этих плит, явно не ограниченной антропоморфизмом и до сих пор серьезно не анализировавшихся. Предпринятая недавно автором попытка такого анализа на материале надгробий северорусской рельефной группы показала сложность такой работы, но, кажется, дала и определенные результаты, находящие новые подтверждения в материале. Табл. 2 (15). Важнейшей задачей является при этом определение роли народных воззрений и ученой христианской традиции в сложении своеобразной, устойчивой и нигде более не встречающейся схемы орнамента раннемосковского типа надгробий, отдельные элементы которой, однако, широко известны и в других соседних культурных традициях. Средством для этого представляется рассмотрение ранних надгробий Москвы в значительно более широком художественном контексте, более широком кругу изобразительного и текстового материала, чем это делалось ранее. Весьма плодотворным представляется рассмотрение плит как своего рода малой ар-

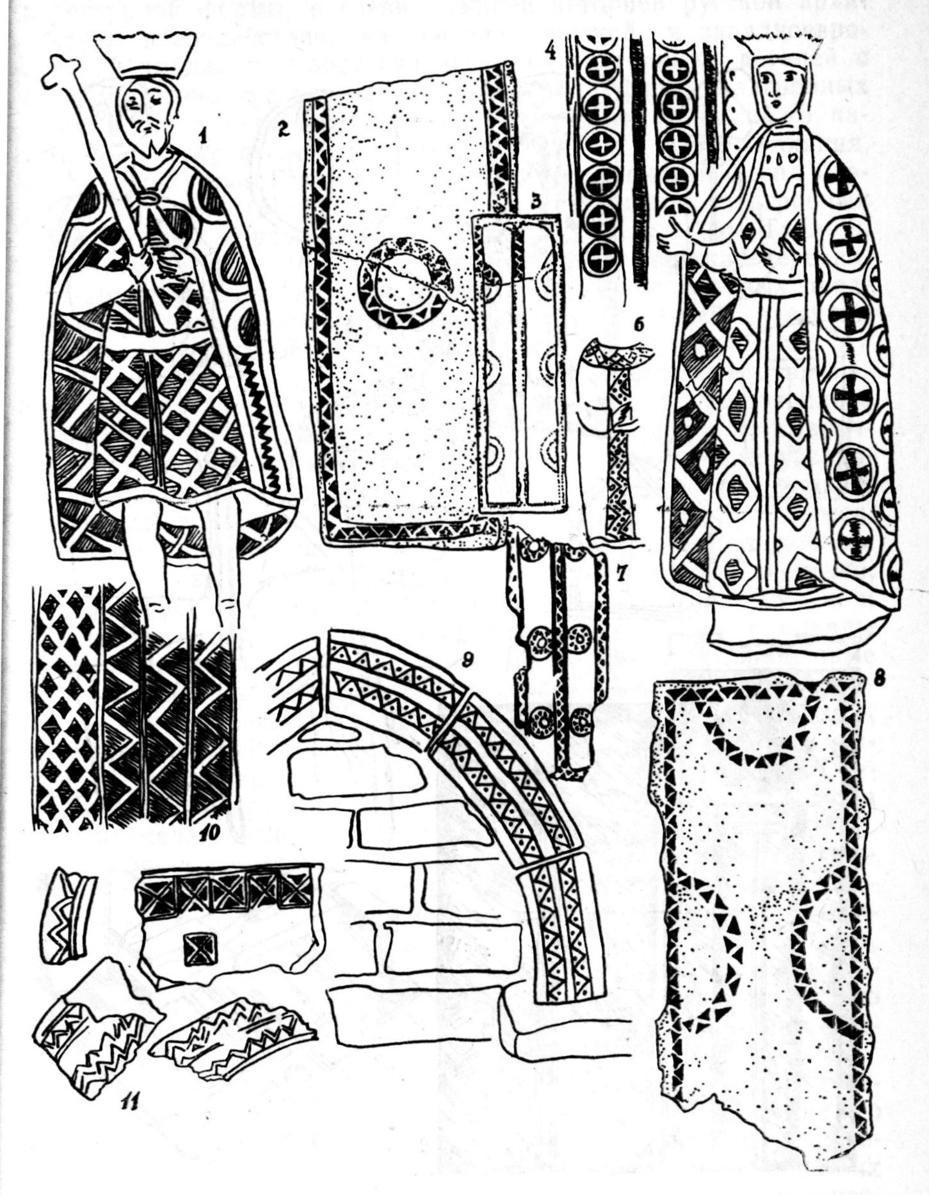


Таблица 1. **Орнамент надгробий Москвы конца XIII — начала XIV в.**

1, 5 — Одежда великого князя Василия Дмитриевича и его жены, (по изображению на Большом саккосе Фотия, до 1423 г.); 2 — надгробие из Богоявленского монастыря; 3, 7 — надгробия из Кремля; 4 — рисунок ткани саккоса митрополита Петра; 6 — рисунок одежды святого с «Померанцевской ставротеки»; 8 — надгробие из Коломенского; 9, 10 — аркосолий и ткань из погребения в храме X в. в Херсонесе; 11 — фрагменты надгробий из крестообразного храма на Мангуне (X—XIV вв.)

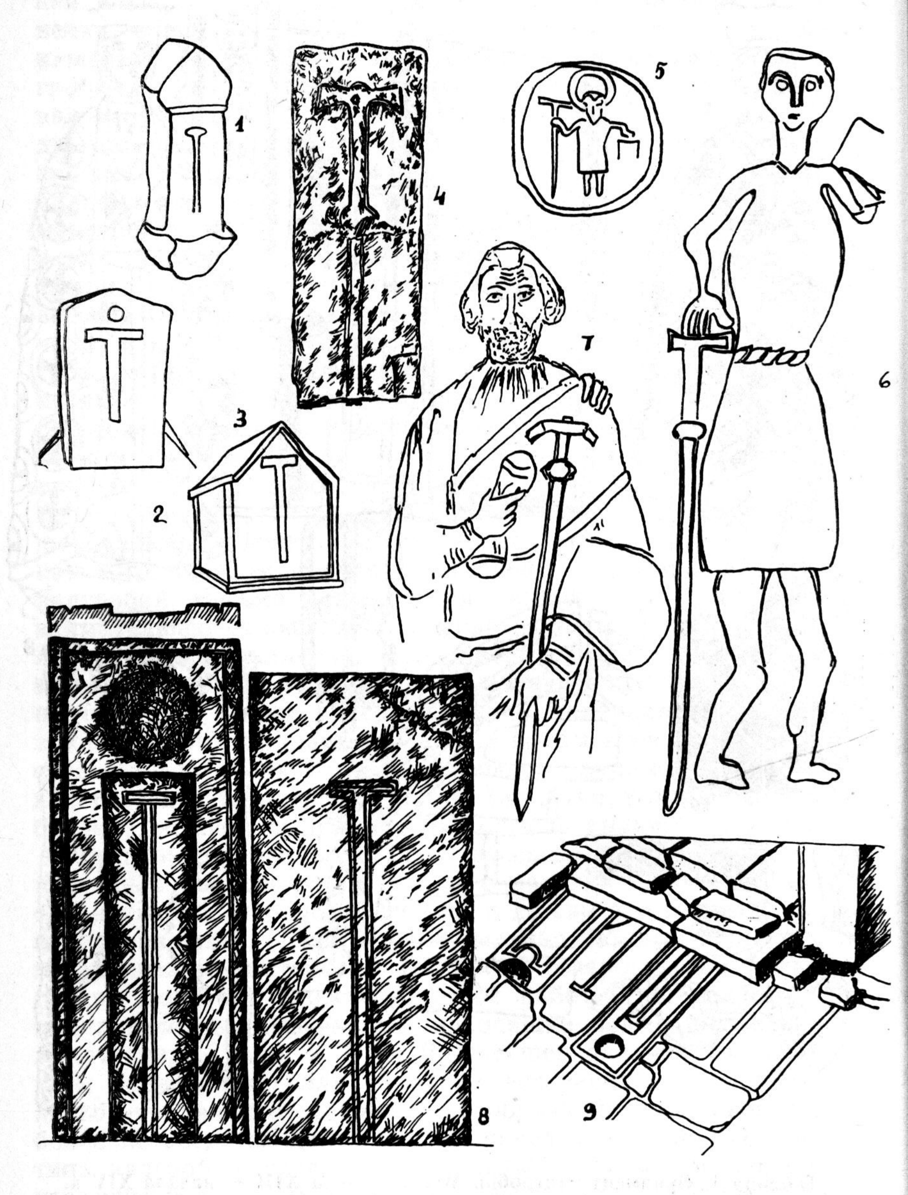


Таблица 2. **Северорусское надгробие с Т-образным знаком и его аналоги.** 1—3, 6 — Т-образные знаки на надгробьях Боснии и Герцеговины; 4 — надгробие XV — начала XVI вв. из Ферапонтова монастыря; 5 — рисунок на печати из Новгорода, XIV в.; 7 — рисунок посоха на мозаике из Салоник (VIII в., церковь св. Дмитрия); 8, 9 — надгробия из армянского монастыря в Старом Крыму.

хитектурной формы, в связи с общей историей русской архитектуры и воздействием на нее византийской и западноевропейской традиции. Сопоставление архитектурных деталей с плитами позволяет увидеть близость ряда форм надгробных памятников и церковных зданий, что говорит о каких-то параллельных процессах развития, о сложных путях влияния, рождающих такие подобия, как, например, боковой фасад церкви в Прилепе (Македония) и боковые стороны надгробных плит Москвы конца XVI — середины XVII в. (16). Табл. 3. При этом не надо забывать о такой важной сфере как деревянная архитектура и, конечно, деревянная резьба бытовых предметов, уже привлекавшаяся как важный источник развития орнаментики русского надгробия.

Продолжая тему орнаментов, следует заметить, что внимательный археологический анализ позволяет не только уточнить датировку отдельных этапов развития мотива (например, арочных орнаментов на надгробиях XVI—XVII вв.), но и установить первоначальную форму мотива, а следовательно, конкретизировать источник проникновения и изначальный его смысл. В нашем примере такой пункт — это канеллюры с двойным рисунком, свойственные прикладному искусству и, конечно, архитектуре Возрождения, проникшие на Русь в XVI в. и плоскостно переработанные русскими камнерезами в аркады с рудиментарными вторыми арочками, а затем превращенные в отдельные нишки, разделенные совсем уже лишними «стоящими тенями» бывших канеллюр (17). Табл. 4, 5. Разумеется, и типологический анализ орнаментов сам по себе также важен, — те же арочки теперь позволяют датировать время изготовления надгробия с точностью примерно до трети века, а не в пределах столетия, как ранее. Табл. 5.

Обобщив упомянутые темы, можно конкретизировать задачу — это анализ надгробия как феномена в контексте художественного развития и культуры, ремесла и верований (причем не только Руси), но непременно на самом широком фоне, в связи с архитектурой, всеми областями прикладного искусства, обрядами и традициями определенного христианского мира, прежде всего — Византии, включая земли южных славян, Крым, Кавказ, Италию, Западную Европу.

Весьма важной является также тема краеведческого и историко-топографического изучения надгробия, исследование его в связи с древними некрополями и архитектурными сооружениями, прослеживание судеб плит за пределами периода их бытования, в XVIII—XX вв., работа над биографиями и генеалогией, сбор письменных известий о надгробии и средневековых кладбищах. Давно назрела публикация картограмм таких кладбищ в Москве, с указанием найденных плит и, по возможности, дворов погребенных или других их владений; публикация документов петровского времени и более поздних, касаю-

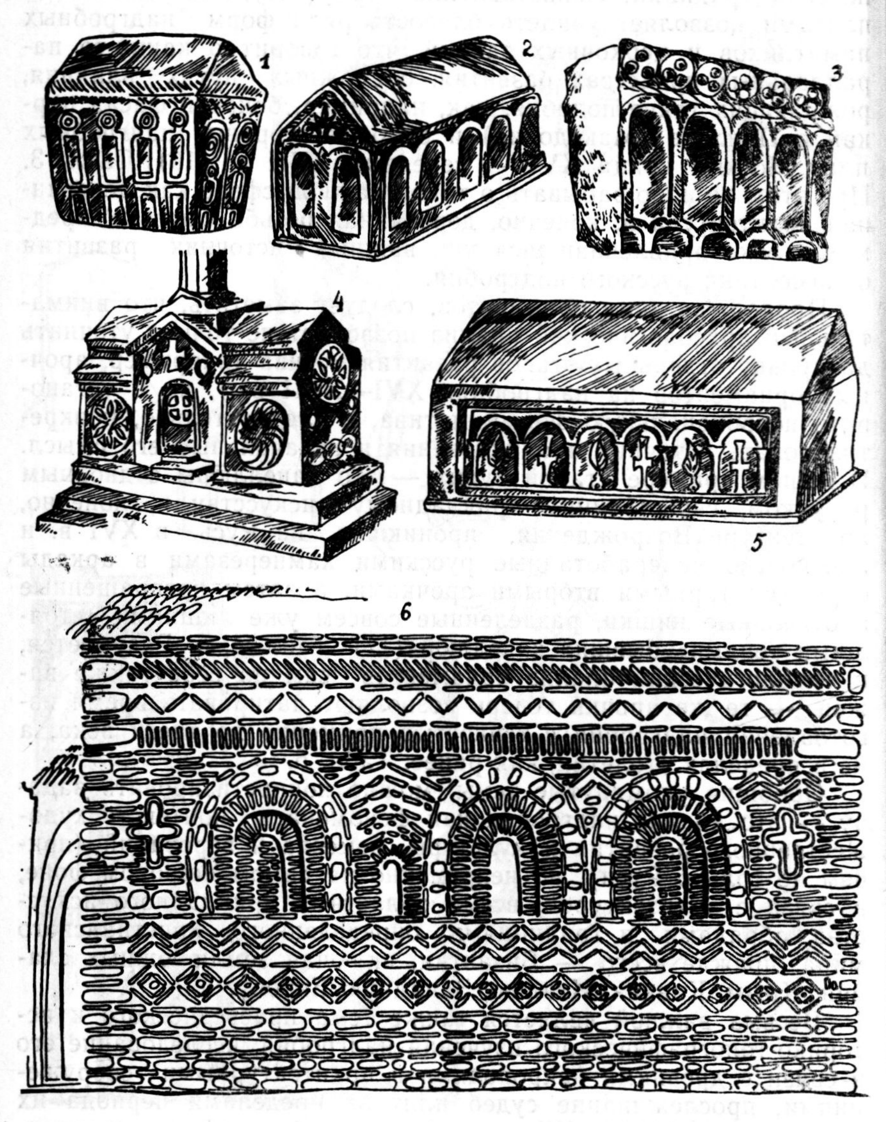


Таблица 3. Саркофаги и надгробия в форме храма.

1—3 — архитектурные мотивы в надгробиях Герцеговины и Боснии; 4 — надгробие в форме церкви из Армении; 5 — аркатура саркофага из Киева (саркофаг «княгини Ольги»); 6 — боковой фасад церкви (1299 г., церковь св. Николая в Прилепе, Македония).

Таблица 4. Канеллюры и аркады.

1 — гробница кардинала Гийома де Брей в Сан-Доменико в Орвьето, кон. XIII в.; 2 — саркафаг в ц. Дмитрия в Печке Патриаршей (Сербия), XIV в.; 3 — церковь-костица Бачковского монастыря (Асеновград, Болгария, XIV в.); 4 — капитель табернакля ц. Сан-Миньяно аль Монте, Флоренция, XV в.; 5 — ложе в сцене Рождества Богородицы в Санта Мария ин Трастевере (Рим, кон. XIII в.); 6 — белокаменное основание креста в Кирилловом Белозерском монастыре, XVI—XVII вв.:

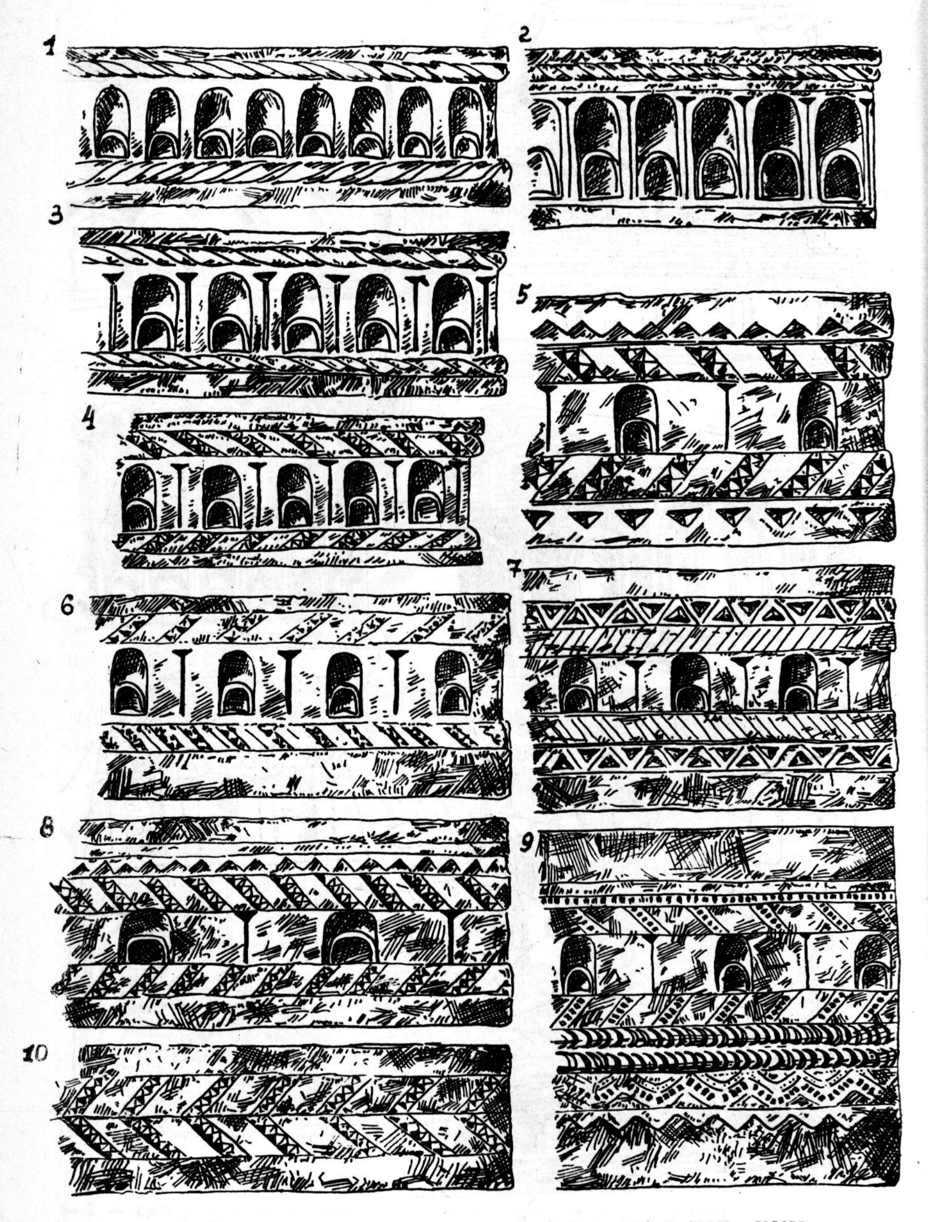


Таблица 5. **Развитие орнамента на гранях надгробий XVI—XVII вв.**
1—4 — последняя четверть XVI — начало XVII в.; 5—8 — 1620-е — 1640-е гг.; 9—10 — вторая треть XVII в.

Таблица 6. **Первые века московского надгробия (на материалах Богоявленского монастыря).**

1 — «Три «поколения» надгробий под фундаментом алтирной преграды (без орнамента, с одним рядом треугольников, с противопоставленными треугольниками); 2 — надгробие жены (еретика?) Семена Кленова — Орины (рубеж XV—XVI вв.);

3 — «классическая» схема надгробия XV в.; 4 — древнейшая надпись монастыря — **1501 г. (7009);**

щихся некрополей и плит, сведений (хотя и редких) о заказах или привозах надгробий из-за рубежа (например, мраморное надгробие), привезенное по просьбе Алексея Михайловича.

Размеры статьи не могут позволить остановиться подробнее на отдельных задачах, тем более претендовать на их решение. Данные таблиц в какой-то степени покажут нераскрытые возможности как самого материала, так и предлагаемых подходов к нему (18).

Литература

1. *Щепкин В. Н.* Описание надгробий // Отчет Императорского исторического музея в Москве за 1906 г. — М., 1907. — С. 73—94.
2. *Врангель Н. Н.* История скульптуры // Игорь Грабарь. История русского искусства. — Т. V. — М., б. г.
3. *Арциховский А. В.* Надписи, найденные на Метрострое // По трассе первой очереди Московского метрополитена. — Л., 1936. — С. 160—165.
4. *Николаева Т. В.* Новые находки на территории Загорского музея-заповедника // СА. — № 1. — 1957. — 25; *Она же.* О некоторых надгробиях XV—XVII веков Загорского музея-заповедника // СА. — № 3. — 1958. — С. 170 ил.; *Она же.* Надгробие новгородского архиепископа Сергия // СА. — № 3. — 1965. — С. 2 ил.; *Она же.* Новые надписи на каменных плитах XV—XVII веков из Троице-Сергиевой лавры // Нумизматика и эпиграфика. — Вып. VI. — М., 1966.
5. *Гришберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII веков. — Часть I. Надписи XIV—XVI вв. // НЭ. — Вып. 1. — М., 1960; То же. — Часть II. Надписи первой половины XVII в. // НЭ.— Вып. III. — М., 1962.
6. *Золотов Ю. М.* Три памятника старомосковской эпиграфики // СА. — № 2. — 1984. — С. 246.
7. *Шеляпина Н. С.* Надгробия XIII—XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // СА. — № 3. — 1971. — С. 284—289; *Она же.* Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского Кремля // СА. — № 4. — 1973. — С. 227.
8. *Ермонская В. В., Нетунахина Г. Д., Попова Т. Ф.* Русская мемориальная скульптура. — М., 1978.
9. *Дрбоглав Д. А.* Камни рассказывают... — М., 1988.
10. В качестве примера укажу многотомную серию корпуса надписей Германи. — «Die Deutsche Inschriften», или немецкие же серии, посвященные генеалогии и имеющие открытый характер — «Deutsche Geschlechterbuch».
11. Великолепный свод надписей Боснии и Герцеговины, опубликованный М. Веrо: Vego M. Zbornik srednjovjekovnih natpis. Bosne i Hercegovine.— Kn. I—IV. — Sarajevo, 1962—1970.
12. Материалы получены при работах под руководством автора в 1986—1987 гг., в настоящее время готовятся к публикации. См. отчеты за соответствующие годы в архиве Института археологии АН СССР.
13. Особенности византийского погребального обряда в сравнении с русским, насколько известно, специально не изучались, в то время как тема явно интересная. См.: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. — Т. I. — Ч. 2. — М., 1881. — С. 391—393.
14. Табл. 1 представляет две ранее не публиковавшиеся плиты из раскопок в Богоявленском монастыре /№ 2/ и в Коломенском /№ 8/, а также сравнительный материал: плиты из Кремля (Шеляпина Н. С., 1971, рис. 1, №№ 3, 8), орнамент арки аркосолия из византийского храма и фрагмента ткани из погребения там же (Колесникова Л. Г. Храм в портовом районе Херсонеса // Византийский временник. — Т. 39. — М.,

1978. — С. 160—172 фрагменты надгробий из храма X—XIV вв. (Мыц В. Л. Крестообразный храм Мантуна//СА. — № 1. — 1990. — рис. 7, (ткани Византии и их изображения (Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. — М.-Л., 1965. — Табл. 279, 287, 288). О возможных параллелях орнаменту тканей в «клеймах» надгробий говорилось и раньше, но вопрос — в серьезной разработке этих параллелей. По-видимому, связи глубже — обнаруживаются совпадения как в деталях («змейки», «ромбы и треугольники»), так и в композиции (вертикальные разделительные полосы, вырезы, ризы и т. п.).

15. *Беляев Л. А.* Белокаменное надгробие из Ферапонтова монастыря // Ферапонтовский сборник. — Вып. 2. — М., 1988. — С. 145—176. Табл. 2 содержит дополнительные материалы, обнаруженные после публикации: плиты из монастыря Сурб Хач в Старом Крыму и изображение на печати (Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. — Т. II. — М., 1970. — Табл. 43, № 691. — С. 217. — Изображение святого в полный рост с посохом в правой руке», XIV в.), а также ряд аналогий в искусстве Византии и Югославии (см. библиографию в вышеуказанной работе).

16. Таблица 3 основана на материалах: №№ 1—3 Wenzel M. Ukrasni motivi na stečsima Sarajevo, 1965, раздел 3 — архитектурные мотивы: № 4. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес. — М.-Л., 1950. — рис. 157 а; № 5 *Ермонская В. В.* и др. Русская мемориальная скульптура. — М., 1978. — табл. 1; № 6 Deroko A. Avec les Maîtres d'autrefois. — Beograd. — № 47 1967. Примеры иллюстрируют средневековые представления о надгробии как миниатюрном храме, в том числе заупокойного, погребального характера и одновременно как о жилище (души или самого умершего). Характерно пристрастие к аркаде, арке вообще, уже с предантичного времени символизировавшей вход в Аид. Сравнить также табл. 4 и 5.

17. Табл. 4 показывает истоки канеллированного орнамента русского надгробия XVI—XVII вв. на примере капители работы Микелоццо (*Лазарев В. Н.* Начало раннего Возрождения в итальянском искусстве. — М., 1979. — Табл. 42), прослеживающиеся взаимосвязи в понимании русскими мастерами этих форм как архитектурных (база креста из Кириллова — ранее не публиковалась), трансформацию канеллюр в плоскостную аркаду и соотнесенность с формами мебели (*Лазарев В. Н.* Искусство Проторенессанса. — М., 1956. — Табл. 65), погребальных скульптур (Там же. — Табл. 32; J. Makcumobuh. Српска средньвековна скульптура Нови Сад. 1971), погребальных зданий (*Тяжелов В. Н., Сопоцинский О. И.* Искусство средних веков. — М., 1975. — рис. 93). Очень важен мотив восприятия надгробия как ложа с покоящимся на нем погребенным, явно знакомый — хотя бы в форме раки — русскому надгробию. Следует напомнить здесь же, что и античные, и византийские погребальные носилки — тоже ложе, но также и гроб одновременно. Табл. 5 показывает дальнейшее развитие канеллированных орнаментов на Руси в арочные. На первых этапах орнаменты сохранили все признаки первоначальной формы и архитектурную глубину, через механически повторяющийся, слабеющий и уплощенный мотив до полной утраты смысла и подавления другими, традиционными элементами. Надгробия происходят: №№ 1, 3, 9 — из Высокопетровского монастыря, №№ 2, 5, 6, 7, 8 — из Богоявленского монастыря, № 4 — из Троице-Сергиевой лавры (по Т. В. Николаевой), № 10 — из Георгиевского монастыря (по В. Б. Гиршбергу).

18. Статья подготовлена на материале большой неопубликованной работы по истории русского средневекового надгробия и затрагивающей многие перечисленные темы при опоре на новый материал полевых исследований последнего десятилетия.

Таблица 7. **Два столетия русского надгробия во фрагментах из Данилова монастыря** (Москва).

1 — анэпиграфическое надгробие второй половины XV в.; 2 — надгробие «Леонтия Иванова сына Ногина», начало XVI в.; 3 — пример декоративных поисков — вязь XVI в. на надгробии 1569 г.; 4 — фрагмент надгробия садовника конца XVI в.

5—6 — парные надгробия в основании церкви Покрова; Андрея Тимофеевича Быкасова (1626 г.) и жены Григория Тимофеевича Быкасова (1632 г.).

С. Е. Компанец,
ст. научный сотрудник НИИК МК
Российской Федерации и РАН

КЛЕЙМА НА НАДГРОБНЫХ ПЛИТАХ XVI—XVII вв.

При исследовании орнаментации надгробных памятников XVI—XVII вв. мы столкнулись с необходимостью несколько глубже рассмотреть проблемы клейм на плитах как датирующей особенности. О необходимости изучения данного вопроса писали А. В. Арциховский, В. Б. Гиршберг, Т. В. Николаева (1). Тем не менее, раскрывая в своих работах особенности орнамента тяг и бокового орнамента, они лишь вскользь упоминали о проблематике клейм на надгробных плитах.

Основным мотивом в орнаментации надгробий, проходящим на протяжении XVI—XVII вв., является «солярный знак» в обрамлении либо геометрического треугольчатого, либо жгутового орнамента. Насколько осознанным является этот тип рисунка, мы определить не беремся. По мнению А. А. Бобринского, первоначальный смысл подобных изображений был основательно забыт, а вертящаяся розетка, сияние вокруг нее — только традиционное изображение солнца и его атрибутов (2). С другой стороны, в Русском государстве еще сильны были пережитки язычества, и символ Солнца Ярила, главного божества славянского пантеона, присутствует на подавляющем большинстве памятников. В то же время сочетание языческого символа с геометрическим орнаментом представляет собой интересное слияние языческой символики с христианской религиозно-мистической. Николай Бюлов, придворный философ Василия III, развернул свои взгляды на философско-теологический смысл треугольника. По его мнению треугольник воплощает движение «святого духа», следующего внутри «святой троицы» по часовой стрелке от бога-отца, занимающего вершину треугольника. Примерно те же воззрения мы находим у философа-мистика XVI в. Ермолая-Еразма

в «Книге о троице», в которой он доказывает подчиненность всего в мире троичности. Подобные идеи характерны для средневековья и нашли свое отражение в надгробной символике.

Изменения в орнаменте клейм происходят на грани XV—XVI вв. и в первую очередь касаются верхнего и срединного клейм. Первая четверть XVI в. дает верхнее клеймо, состоящее из двух — трех рядов мелких треугольников и «солярного знака» в срединном клейме. Предположительно данное сочетание было распространено ранее, первая подобная плита происходит из Рязани и относится к 1237 г. На плите 1513 г. Серпиона Дудина верхнее клеймо состоит из трех рядов мелких треугольников без линейного картуша, что, впрочем обычно для надгробий начала XVI в. В последующем клейма эволюционируют к двум рядам мелких треугольников, обведенных с внешней стороны линейным картушем (надгробие Анны, начало XVI в., 1522 г.; Авдотьи, начало XVI в., двух безымянных плит того же времени). На указанных надгробиях клеймо располагается ниже крайней грани внутренней рамки, все треугольники верхнего клейма располагаются вершинами к центру, и лишь на безымянном надгробии с надписью «спасе» начала столетия — вершинами друг к другу. Срединные клейма начала XVI в. практически повторяют рисунок верхнего клейма, единственное отличие — присутствие восьми крупных треугольников-клиньев, сходящихся вершинами к центру и составляющих так называемый «солярный знак», отделенный от последующих рядов мелких треугольников линейным картушем. Мелкие треугольники, представляющие собой сияние Солнца, расположены в основном в два ряда либо в шахматном порядке, либо вершинами к центру. Самое раннее клеймо подобного рода относится к 1512 г.

Срединные клейма этого типа сохраняются на протяжении всего XVI в. и переходят на начало XVII в. Увеличивается лишь число крупных треугольников-клиньев и достигает 16.

Во второй четверти XVI в. и до конца столетия орнамент срединного клейма переходит на верхнее клеймо и дает более гармоничное сочетание рисунка. Шесть — восемь крупных клиньев сходятся вершинами к центру и один — два ряда мелких треугольников, также располагающихся вершинами к центру (расположение треугольников вершинами друг к другу не встречается).

Наиболее характерные клейма данного типа мы находим на надгробиях Григория 1531 г., Наомова 1547 г., Садовниковой 1593 г., безымянном надгробии 1549 г. (всего 13 единиц). Преемственным по своему орнаменту являются надгробия Ивана Колмина середины XVI в., где верхнее клеймо состоит из двух центров, в которые сходятся вершинами крупные треугольники, представляющие собой что-то среднее между крестом и «солярным знаком». Другой вариант на плите с надписью «на

память Бориса и Глеба» 1548 г., верхнее клеймо которого заполнено прямоугольными треугольниками. Точно такое же клеймо на плите княгини Н. Ф. Сисоевой (3) 1558 г. Наличие столь неординарного орнамента, выходящего за рамки обычного, можно объяснить не только общими тенденциями развития русского искусства XVI в., но и все возрастающим техническим совершенством камнерезного мастерства и традициями конца XVI в.

Вторая половина XVI в. дает новый тип орнаментации — жгутовый орнамент, который вытесняет архаичный геометрический. Происходит изменение и верхнего клейма. К концу столетия распространенным становится сочетание «солярного знака» и жгутового орнамента. С 1531 г. на протяжении всего XVI в. верхнее клеймо представляет собой сочетание «солярного знака» и одного — двух рядов мелких треугольников вершинами к центру. Примерно с 80-х гг. происходит упрощение геометрического орнамента и господствующим становится один ряд крупных треугольников, обрамляющих «солярный знак». Подобный тип орнамента наблюдается на надгробиях Кучкова 1581 г., инока Филофея 1588 г., Марии Садовниковой 1593, младенца Федора 1595 г. и Прохорова 1608 г. Упрощение геометрического орнамента происходило следующим образом: 1513 г. — три ряда треугольников, 1520—1580 гг. — два ряда, 1581—1608 гг. — один ряд треугольников. Это было связано, возможно, с поисками новых мотивов в орнаментации надгробий, с появлением жгутового орнамента, постепенно вытесняющего геометрический.

С появлением жгутового орнамента изменяется орнамент верхнего и срединного клейм. Наиболее популярным с конца XVI и до середины XVII в. является розетка — символ вращающегося солнца. В центре верхнего клейма расположена розетка, обведенная линейным картушем. «Солярный знак» обрамлен жгутовым орнаментом, рисунок нитей которого напоминает «сегнерово колесо». Такой же вариант рисунка мы находим и на срединном клейме. Лишь в одном случае, на надгробии «сына Лыкова» 1608 г., розетку обрамляет треугольчатый орнамент, что можно расценить как проявление архаичных традиций. В трех случаях, на надгробии «раба божия Семена» 1592 г., Б. М. Колесова 1630 г. и на недатированном надгробии, розетка-солнце вращается в противоположную, чем на остальных надгробиях, сторону. Определенный интерес представляет безымянная плита с оригинальным боковым орнаментом и верхним клеймом в виде розетки, но без обрамляющего орнамента. Таким образом с 1591 г. по середину XVII в. господствует другой, но связанный с предыдущим орнамент — вращающаяся розетка-солнце, окаймленное жгутовым орнаментом и линейным картушем. Особенно часто встречаются клейма указанного типа в 90-х гг. XVI в. (7 надгробий)

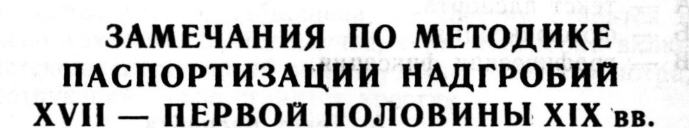
и в 30-х гг. XVII в. (3 надгробия из 14 исследованных). Традиционный «солярный знак» эволюционирует от клиньев-лучей до вращающейся розетки, имеющей в своей основе тот же символ — Солнце.

Подводя итог, необходимо заметить, что автор в своей работе основывался на коллекции надгробных плит XVI—XVII вв., собранных в Донском монастыре в количестве 80 единиц, привезенных в основном из церквей и монастырей Москвы. Прослеживая на примере исследованных памятников смену орнамента клейм, мы заметили существенные особенности орнаментации надгробий XVI—XVII вв., что является важнейшим признаком датировки плит и требует дальнейшего изучения и осмысления.

Литература

1. *Арциховский А. В.* Археологические работы в Москве//Преподавание истории в школе. — М., 1941. — № 1; *Гиршберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XVI—XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. — Вып. 1. — М., 1960; Вып. III. — М., 1962; *Гиршберг В. Б.* Надписи из Георгиевского монастыря // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. — М., 1954; *Николаева Т. В.* Новые находки на территории Загорского музея-заповедника// Советская археология. — 1957. — № 3; *Она же.* Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // Нумизматика и эпиграфика. — Вып. IV. — М., 1966.
2. *Бобринский А. А.* Народные русские деревянные изделия. — Вып. I—XII. — М., 1910—1912.
3. *Гиршберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. — Вып. 1. — М., 1960. — С. 28.

Л. В. Тыдман



ЗАМЕЧАНИЯ ПО МЕТОДИКЕ ПАСПОРТИЗАЦИИ НАДГРОБИЙ XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.

Надгробия XVII, XVIII и первой половины XIX вв. часто выполнены в белом камне, потемневшем от времени и покрытом мхом. Многие надгробия этого времени заглубились в землю. Кроме того, попав в категорию «бесхозных» именно в результате своей древности, они не посещаются; в результате многие древние надгробия стали местом свалки листвы, веток, мусора. Для обнаружения старинных надгробий необходимо производить раскопки-зондажи в местах наиболее старых захоронений, на глубину 20, 30, а иногда до 50 см от поверхности земли.

При выборе объекта паспортизации следует отдавать предпочтение белокаменным надгробиям — как наиболее древним и художественно более ценным. Надгробия из черного полированного лабрадора или красного гранита ставились обычно во второй половине XIX в. или начале XX в. Если кладбище располагает большим количеством таких надгробий, следует паспортизировать лишь часть из них, выбрав наиболее примечательные в художественном отношении. На все прочие надгробия достаточно составить ученые карточки, либо показать их как отдельные компоненты при составлении паспорта на кладбище.

Значительный интерес представляют надписи на памятниках. Они ценны как произведения эпиграфики и как произведения монументальной палеографии. Чтобы зафиксировать информацию, содержащуюся в надписи, достаточно ее переписать. Для палеографической фиксации необходимо сфотографировать и отжать (эстампировать) надпись, так как интерес представляют и шрифт, и способ компоновки, и особенности его размещения в определенном поле, и характер композиции в целом. Если от надписи сохранились только

фрагменты, то представляют интерес отдельные слова и даже буквы (как образцы шрифтов).

Состав и характер материалов при паспортизации надгробий

А — текст паспорта.
Б — фотофиксация.
В — графическая фиксация.

А. Текст паспорта

При заполнении бланка паспорта, во избежание повторов, следует неукоснительно соблюдать тематику каждого пункта, предусмотренного соответствующим разделом паспорта.

Пункт I. Наименование памятника

Указать фамилию и инициалы лица, кому посвящено надгробие.

Пункт II. Типологическая принадлежность памятника

Если надгробие имеет только архитектурный характер, то в графу «Памятник архитектуры» ставится цифра «8»; если надгробие представляет собой скульптурное произведение, то в графе «памятник монументального искусства» ставится цифра «1». Однако типологическая принадлежность надгробия не всегда исчерпывается одним типом, подробнее об этом см. «Методика паспортизации кладбищ», п. II.

Пункт III. Датировка памятника

В том случае, когда надгробие сохранило надписи, дата смерти лица, которому посвящено надгробие, условно принимается за дату памятника. Если надписи не сохранились, то надгробие датируется по стилистическим признакам. Подробнее о вопросах датировки надгробий см. п. VI а.

Пункт IV. Адрес (местонахождение) памятника

Помимо ответов на вопросы, помещенные под строчкой (АССР, край, область, район, автономная область, национальный округ; населенный пункт, пути подъезда), следует указать: название кладбища, на котором находится надгробие, его номер на генплане кладбища; следует также соотнести его с ориентирами кладбища — главным входом, колокольней, часовней, алтарной апсидой церкви, южным или северным фасадом трапезной, главной аллеей и т. д. Во всех случаях указываются расстояния (в метрах) от соответствующего ориентира до паспортизируемого надгробия.

Пункт V. Характер современного использования

В соответствующей графе бланка ставится крестик. При выборе графы следует иметь в виду, что графа «по первоначальному назначению» заполняется лишь в том случае, когда могила посещается, имеет признаки ухода и надзора, производившиеся хотя бы в последнее десятилетие. Если могила многие годы не посещалась и заброшена, то крестик ставится в графе «не используется». В том случае, если надгробие включено в туристско-экскурсионный маршрут как объект осмотра, то в соответствующей графе ставится крестик.

Приложения. Фото общего вида, фото фрагментов; генплан; обмеры: план, фасад, разрез, схематический план охранной зоны

Графы приложения, т. е. перечень сопутствующих тексту паспорта фотографий и чертежей заполняются арабскими цифрами (см. части Б и В настоящей методики).

Пункт VI а. Исторические сведения

Прежде всего сообщаются основные данные о лице, которому посвящено надгробие: имя, отчество, фамилия, чин, звание, сословная принадлежность, даты жизни. К этому добавляются (если имеется такая возможность): выписки из генеалогических книг, справочников или архивных источников, включающие сведения о похороненном и о его роде. Если надгробие посвящено нескольким погребенным, то такие сведения приводятся в отношении каждого из них.

Датировать надгробие следует по самому раннему захоронению. В случаях, когда надписи, по которым можно датировать памятник, утрачены, то паспортизируемое надгробие следует датировать с помощью аналогов; однако всегда необходимо это аргументировать и делать соответствующие ссылки. В них должны быть приведены названия надгробий-аналогов с указанием их местонахождения. В качестве признаков, которые могут быть использованы как средства для таких датировок, служит идентичность архитектурной формы надгробий, его профилировка, материал, шрифтовые и орфографические особенности надписей, характер декоративных элементов, техника исполнения. Если что-либо известно о мастерской, где изготовлено надгробие — о ее местонахождении, названии и расположении карьера, из камня которого выполнено надгробие, то такие сведения приводятся в том же пункте.

В случае, если для паспортизации надгробия пришлось сделать шурфы, следует указать толщину культурного слоя, образовавшегося вокруг памятника и сведения относительно истории надгробия, полученные в процессе указанных работ.

Пункт VI б. Перестройки и утраты, изменившие первоначальный облик памятника

Прежде всего сообщается о крупных утратах, например: скульптурных фрагментах, кресте, урне, крышке или венчающей плите памятника, а затем — об отдельных сколах, выбоинах, искажении надписей.

Пункт VI в. Реставрационные работы

Если работы проводились, то надо сообщить, что именно было дополнено, в каком материале (в камне или в растворе); указать время производства этих работ, автора, название учреждения, проводившего работы и места хранения документации.

Пункт VII а. Описание памятника

1. Описание следует вести со ссылками на соответствующие иллюстрации, которыми являются материалы Приложения (фотографии и чертежи), с указанием их порядковых номеров.

2. Прежде всего указывается местоположение надгробия, помимо того, что сообщалось в п. IV (адрес): даются дополнительные сведения об ориентирах, пользуясь которыми, можно в дальнейшем найти описываемый памятник.

3. Необходимо охарактеризовать существующее состояние надгробия, помимо утрат, о которых сказано в п. VI в.: «ушло в землю», «накренилось», «заросло мхом» и т.д.

4. Следует указать материал (материалы), из которых выполнено надгробие, например: известняк (белый камень), песчаник (дикий камень), гранит, мрамор, чугун, железо и т. д. — с определением естественного цвета или окраски. Нужно иметь в виду, что белокаменные надгробия нередко раскрашивались, поэтому остатки цвета на памятнике должно привлечь внимание и быть упомянуто при описании. При определении цвета можно использовать колерную книжку, делая ссылку на соответствующий номер колера.

5. При описании объемной композиции надгробия необходимо указать, к какому типу относится памятник: саркофаг, стела, плита, пирамида, обелиск, налой, жертвенник, «часовня», колонна (указать ордер). Далее указать, как расположен основной объем: на земле или на постаменте и каком именно. Желательно сообщить и об утраченных фрагментах, упоминание о которых поможет установить первоначальную форму памятника. Если объемная композиция слагается из нескольких разнородных по материалу блоков, то попутно указать, какие части и в каком материале выполнены.

В тексте описания должны быть даны основные размеры надгробия, независимо от наличия прилагаемых к паспорту чертежей. При указании размеров надо руководствоваться

следующими принципами: а) дать габариты основания надгробия, если оно из отдельного блока или плиты (210×70×15) см³. Первый размер — длина, второй — ширина, третий — высота. Если высоту установить нельзя (из-за сильной заглубленности), то в скобках пишется вопрос, и общие размеры будут выглядеть так: (210×70×15). Если высоту можно установить только предположительно, то она дается ориентировочно: (210×70×10—12?); б) Размеры саркофага даются по тому же принципу, но обязательно с выделением размеров торцевых сторон: (восточной и западной): (200×60/50/×65) см³; в) все размеры даются по максимальному выносу.

6. Описание памятника должно отразить каждую сторону надгробия. При наличии одинаковых сторон необходимо описать одну из них и указать, какие именно стороны (называя по странам света) повторяют описанную композицию. Отмечаются и незначительные различия.

7. Описание текстов надгробия должно содержать их местоположение на фасадах по странам света; при этом отмечается, где надписи утрачены, а где их никогда не было. Не следует ограничиваться указанием размеров ниш и надписей; необходимо фиксировать также глубину ниш, в которых размещены надписи, и кроме того, градации ниш. Фиксация этих особенностей производится также и графическими средствами, выполняемыми в натуральную величину, поскольку никакой иной масштаб не передает нюансы, выраженные в натуре в два, три, пять миллиметров. Обнаруженные особенности должны быть отражены в п. VII а. При описании самого текста сначала дается характер техники, в которой выполнена надпись: рельефная или заглубленная, с позолотой букв или чернением и т. д. Затем приводится полный текст всех сохранившихся надписей, с передачей особенностей орфографии, а также даты. Каждая утраченная или нечитаемая буква или цифра обозначаются одной точкой.

8. В описании необходимо отметить все типы орнамента и резьбы, все виды символических атрибутов и скульптурных изображений; указываются ссылки на соответствующие номера изобразительных материалов, прилагаемых к паспорту (фото, графика).

9. Если участок отдельного или семейного захоронения имеет железную или чугунную ограду, представляющую художественную ценность, она тоже описывается, с указанием техники ее изготовления, основных габаритов (протяженность, высота, размеры калитки) и размеров сечения материала.

Пункт VII б. Общая оценка общественной, научно-исторической и художественной значимости памятника

При определении общей оценки памятника следует указать, насколько он типичен в целом для своего времени, а также его

индивидуальные особенности. Это могут быть архитектурные или декоративные детали, его композиции, скульптуры, орнаментики, особенности палеографии. Необходимо отметить также принадлежность надгробия к определенному типу и совершенство исполнения в пределах этого типа.

Пункт VIII. Основная библиография, архивные источники, иконографический материал

Перечисленные материалы используются по принципам, изложенным в п. VIII — Методики паспортизации кладбищ.

Пункт IX. «Техническое состояние»

Этот пункт «для памятников архитектуры и истории» следует заменить «общим состоянием блоков, из которых сооружено надгробие». Под «декором фасадов» следует подразумевать «декор поверхностей памятника». Если надгробие скульптурного характера, то к нему целиком относится графа «для памятников монументального искусства».

Пункт X. «Система охраны»

Подпункты этого раздела а, б, в, г — не вызывают затруднений при заполнении и поэтому не комментируются.

Б. Фотофиксация

При подборе и сдаче фотоматериалов желательно придерживаться следующих требований:

1. Фотографии должны быть пронумерованы на обороте.
2. Первая фотография должна передать не только паспортизируемое надгробие, но и территорию, к нему прилегающую.
3. При изображении общего вида надгробия следует избегать попадания в кадр всех окружающих предметов, в том числе соседних надгробий, оград, деревьев и т. д. При возможности надо стремиться сфотографировать объект в три четверти, со стороны его главного фасада.
4. Фотографируются все фасады надгробия. Идентичность двух фасадов документируется только фотофиксацией каждого из них.
5. Если надгробие имеет очень простые формы, то фотокадр должен передать две или три (вместе с верхней) стороны нагробия. Если это не представляется возможным из-за окружающих помех, то делаются два кадра.
6. Если надгробие относится к XVIII в. или к началу XIX в. (а выполнено в традициях предшествующего столетия), то его фасады нередко оказываются насыщены декоративными элементами нескольких типов. Для передачи характера их детальной проработки иногда требуется представить несколько фотокадров, даже в случае, когда фрагменты расположены рядом,

на одной стороне надгробия. Между тем фиксация всех типов каменной резьбы необходима и по причине ее художественной ценности, и вследствие отражения стиля комплексом всех видов пластических искусств, заключенных в надгробии (в отличие от других объектов, по большей части не сохранивших до настоящего времени подобные сочетания). Сохранность таких комплексных элементов в надгробиях придает этому виду памятников особую ценность, чем и вызывается необходимость их тщательной фиксации.

7. В тех случаях, когда для паспортизации надгробия пришлось произвести зондажи, сопряженные с земляными работами и переворачиванием каменного блока с лицевой стороны, следует перед началом работ сделать один фотокадр, подтверждающий выполненные работы.

В. Графическая фиксация

Графические материалы, изображающие памятник, необходимы для передачи объективных параметров в точных размерах, пропорций объемов и характера орнаментов всех видов. Чертеж должен фиксировать рисунок орнамента, надписи. Только средствами графики можно зафиксировать в натуральную величину, т.е. предельно документально, профилировку деталей. Надписи, даже когда они частично утрачены и нечитаемы из-за сильного выветривания, следует фиксировать способом отжима (впоследствии они могут быть прочтены). При графической фиксации надгробия желательно руководствоваться следующими положениями и требованиями.

1. Следует опускать все случайные утраты и повреждения (трещины, раковины, сколы), мешающие видеть целое на чертеже.

2. Все чертежи, в том числе и шаблоны натуральной величины, выполняются с указанием масштаба и одновременным показом линейного, что необходимо для сохранения документальной достоверности при фоторепродуцировании чертежей.

3. Помимо чертежей плана и фасада надгробий, выполняемых в масштабе 1:10 или 1:5, желательны чертежи профилей в натуральную величину. Отжим профилей в натуре производится при помощи пластилина, при этом показываются сопряжения с прямолинейными поверхностями надгробия.

4. В процессе вычерчивания фасадов надгробий необязательно воспроизводить в соответствующем масштабе надписи, но непременно следует их показывать условно, соблюдая масштаб. Гладкие поля фасадов можно оставлять лишь в том случае, если надписи отсутствовали изначально.

5. Фиксация надписей:

а) все виды надписей, выполненные до середины XIX в., эстампируются (отжимаются) в натуральную величину, а за-

тем вычерчиваются в том же масштабе. Более поздние надписи фиксируются избирательно;

б) при эстампировании шрифтов все типы букв должны быть представлены в разрезе.

6. Фиксация оград и зонтов. Все ограды и зонты, изготовленные до середины XIX в., фиксируются с максимальной полнотой. Чертежи должны содержать следующие данные:

а) план всей ограды с указанием цоколя, если таковой имеется, местоположением калитки. Масштаб 1:10 или 1:20;

б) фасад одной из сторон ограды (наилучшей сохранности). Масштаб 1:5 или 1:10;

в) фасад и разрез одного из повторяющихся звеньев с показом сечения материала. Масштаб 1:1;

г) ограды более позднего времени обмеряются лишь в тех случаях, если они имеют значительную художественную ценность.

СОСТАВ И ХАРАКТЕР МАТЕРИАЛОВ ПРИ ПАСПОРТИЗАЦИИ КЛАДБИЩА

А — Текст паспорта.
Б — Фотофиксация.
В — Графическая фиксация.

А. Текст паспорта

При заполнении бланка паспорта, во избежание повторов, следует соблюдать тематику каждого пункта, предусмотренную соответствующим разделом паспорта.

Пункт I. Наименование памятника

Дать современное название кладбища. В случае, если кладбище имеет второе, также применяемое ныне название, то оно дается в скобках, справа от основного.

Пункт II. Типологическая принадлежность памятника

Если кладбище паспортизируется как: а) архитектурно-планировочный комплекс города; б) территория, создающая необходимую архитектурно-пространственную среду для церкви, стоящей на кладбище или около кладбища; в) территория, сохранившая надгробия, имеющие архитектурную ценность, — то во всех случаях кладбище следует отнести к памятникам архитектуры. В графе «Памятник архитектуры» ставится цифра 4, обозначающая кладбище, и цифра 8, под которой значатся архитектурные надгробия. В том случае, когда на кладбище имеются надгробия с фигурной скульптурой (обменной или в виде рельефа), то в графе «памятник монументального искусства» ставится цифра 1, обозначающая «скульптурные памят-

ники, рельефы...» Если на кладбище имеются надгробия с декоративными резными каменными вставками, деталями, орнаментами, то в той же графе ставится цифра 3, обозначающая «памятники декоративного искусства». Если на кладбище сохранились образцы монументальной палеографии XVIII в. или более ранних периодов, в той же графе («памятник монументального искусства») ставится цифра 4.

При наличии на кладбище могил или надгробий, имеющих значительную мемориальную ценность, в графу «памятник истории» ставится цифра 5, обозначающая «мемориальные памятники и памятники, связанные с развитием культуры, науки, искусства». Существование на кладбище могил или надгробий известных военачальников или воинских захоронений отражается в графе «памятники истории» цифрой 4, обозначающей «памятники и памятные места, связанные с жизнью и деятельностью героев воинской славы».

После заполнения граф типологической принадлежности целесообразно заполнить индекс памятника (вверху, справа, на обложке паспорта). **Первая цифра** обозначает типологическую принадлежность, где 1 — памятник археологии; 2 — памятник истории; 3 — памятник монументального искусства. **Вторая цифра** обозначает вид памятника, а именно: 4 — кладбище; 8 — архитектурное надгробие; 1 — скульптурные памятники, в том числе и рельефы; 3 — памятники декоративного искусства и т. д. В случае неоднозначности типологической принадлежности памятника указывается индекс, характеризующий наиболее существенную сторону значения памятника. **Третья цифра** указывает порядковый номер по списку памятников соответствующей области. Если паспортизируемый памятник еще не включен в соответствующий список, то третья цифра не указывается.

Вторая группа цифр, отделенная от первой знаком тире, последовательно обозначает: **первая цифра** — порядковый номер республики, в которой находится памятник (РСФСР обозначается цифрой 1), **вторая цифра** — порядковый номер области, **третья цифра** — порядковый номер района внутри области.

Пункт III. Датировка памятника

Если кладбище закрыто, то его следует датировать двумя датами. Первая — время основания, вторая — год закрытия. В том случае, когда кладбище продолжает использоваться по прямому назначению, указывается дата его основания, а в скобках справа помечается (действующее).

Пункт IV. Адрес (местонахождение) памятника

Помимо ответов на вопросы, содержащиеся в скобках бланка паспорта (АССР, край, область район, автономная обл.,

национальный округ, населенный пункт, пути подъезда), следует указать название улицы, на которой находится кладбище, номер дома, под которым значится главный вход или контора кладбища. Если кладбище находится за пределами населенного пункта, то следует указать, на каком расстоянии от его окраины или главной площади оно находится при соответствующей ориентации по странам света.

Пункт V. Характер современного использования

В соответствующей графе ставится крестик. Если кладбище служит также объектом туристско-экскурсионного осмотра, то помимо первой графы, заполняется крестиком еще и третья.

Приложения. Фото общего вида, фото фрагментов, генплан; обмеры: план, фасад, разрез; схематический план охранной зоны

Графы приложения (перечень сопутствующих тексту паспорта фотографий и чертежей) заполняется арабскими цифрами (см. части Б, В настоящей работы).

Пункт IV. Исторические сведения

1. Для памятников архитектуры и монументального искусства — автор, строитель, заказчик, история создания

В начале пункта приводятся все старые названия в исторической последовательности, с указанием дат или хотя бы примерного времени переименования.

Указанная в п. III «Датировка памятника» в настоящем пункте излагается более развернуто и аргументируется ссылкой на источник. Если кладбище расположено в городе, то в качестве одного из способов датировок могут быть использованы старые генеральные планы города как изданные, так и хранящиеся в архивах. Следует установить, имеется ли паспортизируемое кладбище на планах городов дорегулярного периода или оно появилось лишь после перепланировки городов, начатой с 80-х гг. XVIII в. В случае невозможности работы с архивными планами необходимо использовать план города, изданный в числе других планов городов в «Своде законов Российской империи» (Книга чертежей и рисунков — СПб, 1839).

Кладбище возможно датировать по аналогии с близ стоящей церковью, что, однако, далеко не всегда гарантирует достоверные результаты. Существующее здание церкви может быть не первоначальным, а сменившим более старое, стоявшее на том же месте. Все соображения, послужившие основанием для датировки, должны излагаться в этом пункте (VI а), с соответствующей ссылкой на использованный материал (литература, архивы и прочее).

В случае, если кладбище расширялось или сокращалось,

указываются даты таких изменений. При отсутствии точных сведений дата указывается ориентировочно, но обязательно с соответствующей аргументацией. В этом же разделе сообщаются даты всех основных построек кладбища: церкви, часовни, ограды, ворот и т. д. Желательно указать имена заказчиков, строителей и т. п.

Кладбище в сельской местности. Необходимо указать, близ какого населенного пункта оно расположено; дать описание окружающего ландшафта: низменный или возвышенный рельеф, основные перепады рельефа; у какой реки, ручья или долины реки, озера, пруда; прилегающие лощины, овраги, лес, пашня.

2. Планировочная и композиционно-пространственная структура

Описание должно содержать планировку кладбища — систему его основных и второстепенных аллей и площадок, их взаимосочетания, местоположение главного въезда и второстепенных входов; необходимо также указать принципы объемно-пространственной композиции: наиболее характерные элементы ландшафта — одиночные деревья, группы деревьев; архитектурные объемы — церковь, часовня, ворота, ограда, усыпальницы, обелиски, стелы и особенно значительные надгробия.

3. Основные габариты, почва, растительность

Дать общие габариты кладбища, ширину главных аллей. Если есть возможность, то следует сказать о почвенном слое (глина, чернозем, песок), охарактеризовать состав пород деревьев и кустарников, отметив преобладающие и редко встречающиеся. В случае затруднения или невозможности определить возраст основной массы деревьев достаточно указать два—три диаметра наиболее характерных по своим размерам стволов.

4. Здания и сооружения кладбища

Перечислить все здания и сооружения кладбища, указывая номера, под которыми они значатся на генплане и тут же, в скобках — дать номера их фотографий. Сооружения, имеющие ранее выполненные паспорта, только упоминаются, с отсылкой к ним. Постройки же, не имеющие отдельных паспортов, описываются с той степенью подробности, которой они заслуживают.

5. Основные комплексы, образующие ансамбль кладбища

При исследовании кладбищенского ансамбля следует установить его главные архитектурно-планировочные компоненты: либо кладбище представляет единое неделимое пространственное образование, либо его ансамбль образуется несколькими

комплексами, расположенными на определенных участках. При разделении кладбища на комплексы и описании участков, или занимаемых, следует руководствоваться прежде всего архитектурно-планировочными и историческими особенностями. Наряду с описанием границ каждого комплекса необходимо дать и общую его объемно-пространственную композицию. Необходимо перечислить и охарактеризовать все участки, составляющие кладбище, с указанием их особенностей и границ. Если не представляется возможным назвать каждый участок в соответствии с его местоположением, например, «участок вдоль дороги», «у оврага», «к югу от церкви» и т. д., то ему присваивается номер, под которым он фигурирует и на генплане. Если кладбище уже разделено администрацией на участки, что зафиксировано в документах и указателях, то целесообразно учитывать такое деление.

6. Общая характеристика надгробий, расположенных на кладбище

Общая характеристика надгробий кладбища включает описание хронологического периода основной массы надгробий; если они относятся к нескольким периодам, следует указать, к каким именно, отметив преобладание той или иной группы. Необходимо также указать основной материал надгробий, габариты, преобладающие типы, общую сохранность.

7. Характерные надгробия на отдельных участках, т. е. в составе отдельных комплексов кладбища

В том случае, если паспортизировать отдельные надгробия по каким-либо причинам не представляется возможным, то желательно дать их краткие описания в тексте вкладыша к прилагаемому пункту (VII а)—7) паспорта. На одном листе вкладыша могут содержаться описания нескольких надгробий. При необходимости вкладыш может состоять из нескольких страниц, в зависимости от имеющегося материала. По каждому надгробию должны содержаться следующие данные:

а) порядковый номер надгробия на генплане и номера фотографий, относящихся к нему;

б) тип памятника (саркофаг, плита, подиум, стела, крест, колонна, аналой, часовня);

в) материал, из которого изготовлен памятник (белый камень, гранит, мрамор, чугун и т. п.);

г) габариты памятника (длина, ширина, высота);

д) краткое описание западной, восточной, южной, северной сторон памятника, его верхней части. Привести тексты, имеющиеся на них с сохранением орфографии источника.

Примеры заполнения вкладыша сведениями по одному надгробию: Надгробие № 12. Саркофаг из белого камня; длина 185 см, ширина 60 см, высота 51 см. Стоит на цокольной плите

из белого камня; длина 210 см, ширина 70 см, высота 17 см. На западном фасаде, в овальной рамке, декорированной резными цветами, имеется надпись (не читается). С южной стороны, посередине в орнаментальной рамке расположена надпись: «под сим камнем...» (текст приводится полностью). Справа и слева от надписи находятся рельефы в виде букетов цветов. С северной стороны в орнаментальной рамке надпись: «...помяни мя...» (текст приводится полностью). Восточная сторона оставлена гладкой. Крышка саркофага утратила первоначальный декор, имевшийся в центре.

Надгробие № 13. Одна цокольная плита из белого камня; длина 173 см, ширина 72 см, высота не менее 20 см. Саркофаг не сохранился.

Надгробие А—16(9). Памятник в виде нижней части тосканской колонны; диаметр 35 см, высота 110 см, с квадратной муфтой посередине (50×50 см, высота 35 см). Колонна на цокольной плите; ее размеры 100×90 см, при толщине 20 см. Памятник выполнен из белого камня. На западной стороне квадрата муфты имеется надпись, которая не читается.

Пункт VII б. Общая оценка общественной, научно-исторической и художественной значимости памятника

При заполнении этого пункта необходимо иметь в виду следующие аспекты: место кладбища в планировочной системе города или населенного пункта, его роль в организации окружающей среды; архитектурно-планировочная ценность самого кладбища (включая его постройки и ландшафт); имеющиеся на кладбище захоронения, их художественная, архитектурная, мемориальная или историческая ценность.

Пункт VIII. Основная библиография, архивные источники, иконографический материал

Материалы располагаются по степени важности, в хронологической последовательности, фиксируемой порядковыми номерами. При ссылке на документы и литературу в п. VI а название дела, книги или статьи не указываются, а дается лишь их порядковый номер и страницы. Однако независимо от наличия ссылок на источники в п. VI а, в разделе VIII следует указать страницы книг и статей или листы архивных дел, имеющих прямое отношение к данному объекту.

Пункт IX. Техническое состояние для памятников архитектуры и истории — конструкций, стен, покрытий, потолков, пола, декора и фасадов, интерьеров

Все представленные подпункты раздела следует соответственно заменить следующими:

«Техническое состояние для городского и сельского кладби-

ща как памятника архитектуры — территории и ландшафта, объемно-планировочной структуры, ограды, ворот и калиток, церкви и прочих построек, деревьев, надгробий».

Пункт X. Система охраны

Такие подпункты этого раздела, как а, б, г, д — не могут вызвать затруднений при заполнении и потому не комментируются. При заполнении п. X в. «Границы охранной зоны и зоны регулирования застройки (краткое описание со ссылкой на утвержденный документ)» — в случае отсутствия утвержденных зон желательно дать свои предложения по охранной зоне и зоне регулирования, пользуясь графическими и фотоматериалами составленного паспорта, посредством ссылок на соответствующие номера фотографий и пункты экспликации ситуационного чертежа.

Б. Фотофиксация

Во время фотофиксации, проводимой при натурном обследовании кладбища, необходимо руководствоваться определенной программой и последовательностью работ, чтобы обеспечить наиболее полную характеристику памятника. Все фотографии должны быть пронумерованы; принцип нумерации — от общего к частному. В том случае, когда уже после завершения работы над паспортом возникнет необходимость дополнить его фотофиксацией, вновь сделанные фотографии получают тот номер, который имеет ближайшая по теме фотография, но с добавлением буквенного индекса в виде дроби.

Фотофиксация памятника слагается из общих видов и фрагментов.

1. Общие виды кладбища с внешней стороны

1—а. Местоположение кладбища в окружающем ландшафте, городском или сельском

Если кладбище находится в городе, надо показать его в окружающей среде. Такой кадр в условиях города можно сделать с холма, с колокольни, с крыши высокого дома, расположенного на одной из ближайших улиц. Если кладбище сельское, то фотоизображение должно передать кладбище в окружающем природном ландшафте. Необходимо показать рельеф, близлежащие овраги, реку, дороги, лес, ручей. В случае особого разнообразия ландшафта следует выполнить фотофиксацию с различных сторон кладбища.

1—б. Границы кладбища

Исключая окружение кладбища, необходимо передать характер его границ, ограды и всякого рода ограждений, а также их протяженность вдоль каждой стороны. Для выполнения

этого требования в условиях города достаточно, как правило, четырех кадров; при сложной конфигурации территории может понадобиться и большее число кадров. При фиксации сельских кладбищ, расположенных на открытой местности, желательно объединить в одном кадре две пограничных стороны. Иногда границей кладбища могут служить лишь ров и вал, порой совсем небольшие (глубина и высота их может быть около полуметра). В некоторых случаях границей кладбища служит склон оврага или берег пруда.

1—в. Фрагменты ограждений

В случае, если ограда или ворота кладбища представляют архитектурный, художественный или исторический интерес, а специального паспорта для них не создается, необходимо выполнить фотографию одного из звеньев ограждения и ворот. Если ограда состоит из нескольких архитектурно-различных частей, то фиксируется по одному звену каждого типа имеющихся ограждений. При различии внешней и внутренней сторон ограды или ворот выполняется также кадр с видом из кладбища.

2. Виды кладбища в пределах его границ

Эти кадры должны охарактеризовать внутреннее пространство кладбища. В подборе фотоматериала и его расположении желательно соблюдать последовательность: закрепленную на каждой фотографии порядковым номером:

2—а. Основные аллеи и дорожки кладбища, образующие его планировочную структуру;

2—б. Перспективы и виды внутренние и наружные, открывающиеся из аллей и отдельных участков кладбища;

2—в. Основные комплексы кладбища.

При выполнении кадров надо выявить характер каждого комплекса, на которые делится кладбище; границы между комплексами обычно совпадают с аллеями и дорожками кладбища. Если одним негативом охватываются сразу два комплекса, то кадрировку следует производить так, чтобы границы между комплексами или их участками была хорошо видна. В случае, если это выявить трудно, следует избегать таких фотографий, где есть фрагменты соседних комплексов на смежных участках.

2—г. **Надгробия.**

При фотофиксации отдельных комплексов кладбища, желательно передать общий отличительный характер преобладающих в нем надгробий и степень насыщенности ими территории данного участка. В том случае, если надгробия не паспортизируются как отдельные объекты, а включены в материалы паспорта на кладбище только как его составные элементы (с соответствующим отражением на чертежах и вкладышах, в

п. VII а), то фотофиксация каждого надгробия может проводиться в том же объеме, что и при единичной паспортизации.

3. Общие замечания по фотофиксации кладбищ

При фотографировании следует одновременно помечать на генплане кладбища точки, с которых проводилась фотофиксация, чтобы к моменту сдачи паспорта можно было выполнить «План фотофиксации». Последний выполняется следующим образом: на специально для этого сделанную копию генплана наносятся точки, с которых проводилась фиксация. Рядом с каждой точкой ставится порядковый номер фотокадра, а из точки проводятся две линии, соответствующие сектору охвата изображаемого. Линии-границы сектора показывают объекты, как вошедшие в кадр (внутри сектора), так и не вошедшие (за пределами сектора).

В. Графическая фиксация

Все виды чертежей, независимо от их масштаба, сопровождаются линейным масштабом, в целях документальности при пользовании и фоторепродуцировании. Принимая во внимание

Таблица

Соотнесенность реальных размеров кладбища в натуре с величиной их графических планов

№ п/п	Наименование чертежа (в зависимости от размеров кладбища)	Масштаб чертежа	Размеры кладбища в натуре (в м), соотнесенного с 1 форматкой (30×21) кв. см	Размеры кладбища в натуре (в м) соотнесенного с 2 форматками (30×42) кв. см	Размеры кладбища в натуре (в м) соотнесенного с 3 форматками (30×63) кв. см
1	Ситуационный план крупного кладбища	1:5000	1500×1000	1500×2000	1500×3000
2	Ситуационный план среднего и небольшого кладбища	1:2000	600×400	600×800	600×1200
3	Генплан крупного кладбища	1:1000	300×200	300×400	300×600
4	Генплан среднего кладбища	1:500	150×100	150×200	150×300
5	Генплан небольшого кладбища или план участка крупного и среднего кладбища	1:200	60×40	60×80	60×120

удобство хранения графических материалов, следует систематизировать все листы планов: их размеры должны быть кратными одному развороту бланка паспорта. Одна сторона листа должна быть равна 30 см, а другая сторона — кратна 21, чтобы складывание листа можно было производить только в одном направлении. В прилагаемой табл. указываются размеры площади, охватываемой планами в 1 форматку, 2 форматки, 3 форматки, чтобы можно было выбрать необходимый масштаб ситуационного или генерального планов в соответствии с размерами кладбища и окружающей местности.

1. Ситуационный план территории, прилегающей к кладбищу. Масштаб 1:5000, 1:2000.

Ситуационный план необходим для того, чтобы показать место кладбища, если сельского — то в окружающем его природном ландшафте, если городского — то с целью определения его места в окружающей застройке, его взаимосвязи с прилегающими улицами, кварталами, рельефом. План включает кладбище и окружающую местность в радиусе до 1 км. Если кладбище находится в городе, то на чертеже должны быть показаны все прилегающие кварталы и улицы с названиями. Кроме того, следует особо выделить улицу (или улицы), ведущую к центру города, а также улицы, направленные из города и переходящие в дороги, ведущие в другие города. В конце каждой улицы — дороги, на «выходах» из города надо указать название города, куда дорога направлена. Если кладбище находится в сельской местности, необходимо показать близлежащий населенный пункт, реку, мост через нее, овраги, лес, дороги, тропы, а также постройки на территории, охваченной планом. При затруднительном показе всего населенного пункта целиком можно нанести лишь его часть, приближенную к территории кладбища.

2. Генеральный план кладбища
Масштаб 1:1000, 1:500, 1:200.

План выполняется в пределах границ собственно кладбища. На этот чертеж наносятся также ограда, калитки в ней, ворота, церковь, часовни, сторожки, усыпальницы в виде павильонов, все площадки, аллеи, дорожки и основные перепады рельефа. Масштаб плана выбирается по таблице, помещенной в начале настоящего раздела («В»).

3. Фрагменты плана
Масштаб 1:500.

При вычерчивании участков кладбища даже в масштабе 1:500 практически невозможно показать отдельные надгробия (обычного типа саркофаг в этом масштабе имеет протяженность в 4 мм, а в изголовье — около 1 мм; кроме того, учитывая, что интервалы между надгробиями в натуре нередко не

превышают 5—10 см, многие памятники на чертеже указанного масштаба могут быть показаны только условно). Вследствие этого, на чертежах в М 1:1000 и 1:500 следует отказаться от фиксации отдельных надгробий, но ограничиться показом наиболее крупных, редко расположенных ориентиров, среди них: церковь, часовни, павильоны-усыпальницы, аллеи, дорожки, вековые деревья, ограды вокруг могил и групп захоронений (если они выполнены из долговечного материала — камня, чугуна, железа). Все перечисленные объекты нумеруются на чертеже и перечисляются в экспликации под соответствующими номерами (например: 1 — главная аллея, 2 — старый дуб, 3 — усыпальница неизвестного лица, 4 — захоронение семьи Морозовых, 5 — часовня в северо-западной части кладбища (если известно название — указать), 6 — группа белокаменных надгробий (засыпанных мусором и землей).

Большое кладбище показывается с расчленением его на участки, которые нумеруются и перечисляются в экспликации плана, с указанием названий. Каждому номеру, имеющемуся на генплане, сопутствует описание границ соответствующего участка. Согласно пункту VII а — 5, помещенному в части «А» (текст паспорта), на чертеже генплана нужно нанести границы участков, определяемых на основании объемно-планировочной структуры кладбища. В качестве границ между участками могут быть использованы аллеи, дорожки, ручей, овраг и другие характерные особенности рельефа или ландшафта, но не следует применять линии сложной ломаной конфигурации, образованные проходами между могилами.

Протяженную территорию больших кладбищ (планы М 1:1000 и 1:500), не имеющую естественных разграничений, в целях фиксации местоположения надгробий, представляющих художественную или историко-культурную ценность, желательно разделить на геометрически правильные квадраты размером 50×50 м, стороны которых ориентированы по странам света. Отдельные такие квадраты больших кладбищ, насыщенные ценными надгробиями, а также участки, ограниченными четкими природными (и другими) ориентирами и генпланы малых кладбищ должны иметь размеры в натуре не более чем 50×100 м; чертежи, их изображающие, должны вычерчиваться в масштабе 1:200. Помимо того, что изображено в М 1:100 и 1:500, на плане в М 1:200 не показывается:

а) все надгробия или их основания;

б) ограды семейных и индивидуальных захоронений, представляющих художественную или историко-культурную ценность.

Надгробия, имеющие основания размерами менее 200×100 см, показываются условными знаками:

а) для вертикально ориентированных памятников это квадрат размером на чертеже 0,5×0.5 см:

б) для горизонтально ориентированных памятников — прямоугольник размером 0,5×1 см.

Направление этих знаков по странам света должно соответствовать натуре. Внутри знака вписывается номер памятника, под которым он значится в экспликации. Экспликация делается на том же листе чертежа, с использованием оставшегося свободного места. Помимо порядкового номера, в ней указывается фамилия погребенного с инициалами и дата установки надгробия.

Прочие данные о надгробии заносятся в паспорт при его паспортизации; если таковая не проводится, то данные заносятся на лист вкладыша к паспорту на кладбище (см. раздел «А» настоящего пособия, п. VII а). Ограды памятников обозначаются прямоугольниками с дугами по углам, в левом верхнем углу которых расположен номер (под тем же номером они значатся в экспликации и в тексте паспорта). Деревья и кусты указываются условными знаками, без обозначения породы и размеров.

На планы масштаба 1:200 в случае необходимости наносится координатная сетка с шагом в 10 метров, вписанная в квадраты 50×50 м. Нумерация квадратов выполняется: вверху слева направо арабскими цифрами и сверху вниз заглавными буквами русского алфавита.

Нумерация самих надгробий и оград для каждого квадрата 50×50 м своя, чтобы можно было дополнять ее, не пронумеровывая вновь при обнаружении ранее неизвестных объектов паспортизации. Планы отдельных участков кладбища размером 10×10 м в соответствии с координатной сеткой, принятой для чертежей масштаба 1:200, вычерчиваются в более крупном масштабе 1:50 с сохранением той же нумерации, которую они получили на чертеже в М 1:200.

На планах в М 1:50 проводится точная фиксация положения и размеров памятников с графической прорисовкой основных деталей надгробий и оград, а также растительности, желательно с указанием породы (береза, липа, сирень и т. д.) и основных размеров, например: $\frac{0,5}{12}$, где числитель — диаметр ствола в метрах, а знаменатель — высота в метрах.

Отдельные части разрушенных памятников и оград нумеруются тем же номером, что и памятник на плане в М 1:200 с добавлением буквенного индекса на каждый фрагмент; например: 17а, 17б, 17в, 17г и т. д.

Все надгробия, нанесенные на чертеж, помечаются в экспликации тем же номером. В ней указывается, кому посвящено надгробие и даты жизни умершего. Если надпись прочесть не удалось, то отмечаются основные признаки надгробия, например, «стела из черного гранита», «белокаменный барочный саркофаг», «тосканская колонна из красного гранита», плита из дикого (серого) камня» и т. д.

Г. И. Пикулева,
кандидат искусствоведения

ЗАДАЧИ СЕКЦИИ «МОСКОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ»

Секция «Московский некрополь» была организована весной 1989 г. по инициативе действующей при Московском фонде культуры (МФК) молодежной комиссии. Московский фонд культуры обратился с призывом к преподавателям и студенчеству столицы взять под свою опеку захоронения деятелей культуры, науки, выдающихся педагогов. «Без заботы о могилах предков ни одно поколение не станет нравственным, без такой заботы глуха историческая память народа. Состояние столичных некрополей на сегодняшний день вызывает серьезную озабоченность и тревогу. Достаточно начать с малого, и забота о некрополях Москвы станет действенной, ибо она нужна всем нам, живым, во имя чести перед будущим», — говорилось в обращении, распространенном среди городской общественности.

Первоначальный этап в создании секции «Московский некрополь» требовал координации сил и московских историков, и краеведов, с одной стороны, и с другой — выработки совместного плана практических действий. При этом ставилась задача максимальной активизации молодежи, привлечения ее к участию в этом благородном начинании. Поэтому одно из первых заседаний было проведено совместно с Московским педагогическим обществом. Инициаторы секции советовались с преподавателями вузов о формах дальнейшего сотрудничества. В результате в состав инициативной группы вошли представители ведущих гуманитарных учебных заведений — МГПИ имени В. И. Ленина, МГИАИ, МАРХИ. К работе подключились средние специальные учебные заведения, техникумы.

Весной 1989 г. на Пятницком кладбище был проведен первый воскресник «Некрополям Мос-

квы — любовь и заботу потомков». Учащиеся Московского областного училища культуры провели субботник на Ваганьковском кладбище на могиле композитора Алексея Николаевича Верстовского (см. рис. 1). Мысль об уходе за надгробием Верстовского была вызвана тем обстоятельством, что основоположник русского музыкального театра, автор национальной оперы «Аскольдова могила» бывал на берегах Москвы-реки, неподалеку от тех мест, где находится ныне это училище. Мы провели занятия в группах первого курса, на которых учащиеся выступили с докладами о жизни и творчестве композитора, исполнили его произведения. В один из погожих дней они отправились на Ваганьковское кладбище, чтобы украсить скромный памятник цветами. Затем совершили экскурсию по исторической части некрополя, возложили цветы к могилам С. Есенина, родителей М. Цветаевой, актеров А. Миронова, В. Высоцкого (см. рис. 2).

В начале нового учебного 1989 г. вместе с преподавателем литературы еще одна группа первокурсников побывала у могилы Верстовского. В декабре приходили ребята-заочники самостоятельно, без опеки старших. Убеждены, что воспитательная работа с учащимися обязательно должна включать знания об охране памятников. Сегодня это чрезвычайно существенно. Ведь большинству из выпускников в силу своей профессии предстоит заниматься просветительной работой среди населения в клубах, домах культуры, в самодеятельных студиях и центрах досуга, в управлениях культуры исполкомов, в городах и поселках Московской области.

Ряд техникумов и училищ также изъявили желание опекать захоронения деятелей культуры. Хотелось бы пожелать, чтобы это начинание имело свое продолжение, не велось от случая к случаю. Уход за надгробиями нужен не от одной юбилейной даты до другой. Это кропотливый труд, реальная возможность обретения учащимися навыков краеведческого поиска, работы с исторической литературой в библиотеках. Наконец, учебные заведения могут создавать музеи художественной культуры, проводить литературные вечера и т. д.

За минувший со дня организации секции период был проведен ряд заседаний, участниками которых были опытные краеведы, искусствоведы, историки, сотрудники музеев, представители ГЛАВАПУ и ВООПИКа. Так, краевед, В. Пирогов выступил с сообщением об истории и современном состоянии Введенского (Немецкого) кладбища с использованием иллюстративного материала — фотографий. Звучало предложение активизировать работу по сохранению некрополя как целостного исторического памятника, проводить регистрацию и реставрацию поврежденных надгробий. Историк А. Иванкив рассказал о рукописной книге А. Саладина «Прогулки по кладбищам Москвы», в которой собран большой фактологический матери-

Рис. 1. **Ваганьковское кладбище. Могила композитора А. Верстовского.**

Рис. 2. **Ребята из МОУК на Ваганьковском кладбище.**

ал по истории старого города и его людях. Большое внимание вызвал доклад председателя секции В. Козлова о критическом состоянии старинных монастырей и некрополей, которое сложилось в результате разрушительных действий городских властей в 1920—30-е гг. Участники секции оживленно, по-деловому обсудили сообщение Н. Трутневой, посвященное проблемам музеефикации и реставрации некрополя Новодевичьего монастыря. Живой отклик вызвал рассказ А. Жегулевцевой о захоронениях декабристов в Москве.

В результате творческого и компетентного обмена мнений на заседаниях определились направления деятельности секции «Московский некрополь»:

1. Установление контактов с организациями и обществами, занимающимися проблемами некрополя, среди них: службы Моссовета, ВООПИК, Управление госконтроля охраны и использования памятников, музеи, учебные заведения, неформальные объединения.

2. Составление библиографии по некрополям.

3. Составление карты Москвы с указанием расположения гражданских, монастырских, церковных кладбищ.

4. Создание картотеки и фототеки по некрополям.

5. Сбор материалов о несохранившихся надгробных памятниках.

6. Выявление и постановка под охрану забытых могил деятелей науки и культуры.

7. Реставрация и восстановление утраченных захоронений.

8. Проведение субботников в исторических некрополях.

9. Чтение членами секции популярных лекций для молодежи об истории московских кладбищ.

10. Установление связей с некрополистами Ленинграда и других городов России.

11. Выпуск благотворительных изданий, книг, карт, буклетов, открыток, марок, календарей (полученные средства поступят на благоустройство некрополей).

«Московский некрополь» считает целесообразным разработку программ, включающих как научно-исследовательскую работу, так и реставрационные мероприятия. Первая такая программа, выдвинутая совместно с комиссией при МГО ВООПИКа, касается увековечивания памяти декабристов в нашем городе. Она включает восстановительные работы в некрополях, установление памятных досок на домах, связанных с жизнью и политической деятельностью славных сынов Отечества. Предложено воздвигнуть памятник декабристам на одной из московских улиц.

В честь декабристов 14 декабря 1989 г. члены секции вместе с объединением «Классика» при МФК провели вечер в Доме-музее Муравьевых-Апостолов на улице Карла Маркса, 23. К этой дате была специально написана литературная компози-

ция «Я слышу песнь, я слышу звуки...», в которую были включены письма, воспоминания, стихотворения А. Пушкина, Ф. Глинки, В. Кюхельбекера, М. и А. Бестужевых, А. Одоевского, К. Рылеева, С. Трубецкого, Н. Лорера, М. Муравьева-Апостола, Н. Басаргина, М. Волконской, Е. Уваровой, М. Сергеева. На вечере исполнялись романсы, арии, фортепианные произведения композиторов первой половины XIX в., которые знали и любили декабристы. В вечере участвовали выпускники консерватории, лауреаты и дипломанты союзных и международных конкурсов: музыковед и пианистка Л. Когтева, певица Т. Марущак, скрипачка С. Орлова. Среди зрителей, собравшихся в малом зале музея, были почитатели и потомки декабристов. Они тепло поддержали нашу инициативу. Традиция литературного театра, возникшего при нашей секции, имела свое продолжение. 4 декабря 1991 г. был сыгран спектакль «Пока свободою горим...», в котором выступили преподаватель консерватории Н. Деева, артист театра им. К. Станиславского Л. Зверинцев, студенты Гнесинского училища.

Секция приняла участие в подготовке конференции московских некрополистов. Конференция придала новый импульс для дальнейшей теоретической и практической деятельности «Московского некрополя».

А. В. Иванкив

ЗАБЫТЫЕ ФОТОГРАФИИ А. Т. САЛАДИНА

Одним из интереснейших источников по истории московского некрополя является рукописная книга «Прогулки по кладбищам Москвы»[1]. Ее автор — незаметный служащий Московско-Казанской железной дороги А. Т. Саладин (1876—1918 гг.).

На протяжении нескольких предреволюционных лет он методически описывал московские кладбища. В дальнейшем его заметки составили объемную рукописную книгу, насчитывающую 335 машинописных листов. Книга содержит очерки, каждый из которых посвящен одному из московских кладбищ. Читателям предлагается краткий исторический обзор кладбища, описание наиболее интересных в художественном отношении надгробий. Автор рассказывает об известных исторических личностях, нашедших свой последний приют на московской земле[2]. Уникальность «Прогулок по кладбищам Москвы» создают и имеющиеся в конце описания уничтоженных некрополей 1917 г.

При написании книги автор использует различные источники: от легенд, ходивших в народе, до сугубо научной литературы. Вполне естественно, что такое издание должно содержать богатый иллюстративный материал: автор фотографирует надгробные памятники, наиболее привлекающие его внимание. В переписке А. Т. Саладина со своим покровителем — писателем И. А. Белоусовым — мы находим частые упоминания о проводимой фотосъемке на кладбищах[3]. О желании поместить фотографии в книгу нам подсказывает и имеющиеся в рукописи «Указатель некоторых памятников». Впоследствии указанные в нем памятники полностью совпадут с сохранившимися фотографиями.

Долгое время все попытки обнаружить фото-

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, д. 549.

[2] Подробнее см.: *Иванкив А. В.* А. Т. Саладин и его рукописная книга «Прогулки по кладбищам Москвы»//Краеведение Москвы. — М., 1990. — С. 96—99.

[3] ЦГАЛИ, ф. 66, оп. 1, д. 904, с. 5 об., 16 об., 18 об.

материалы А. Т. Саладина не приносили успеха. В архивных фондах, сохранивших материалы о творчестве автора «Прогулок...», имеются лишь текстовые материалы. Только знакомство автора этих строк с потомками А. Т. Саладина помогло обнаружить редкие фотографии. Их владельцем оказался краевед из г. Раменское В. В. Лобанова. Фотографии достались ей в наследство от матери, которая была близко знакома с внуком Саладина. У В. В. Лобановой хранятся авторские фотоальбомы с видами Подмосковья и некоторые документы из личного архива Саладиных. Все фотографии датируются 1917 г. Они выполнены на плотной матовой бумаге и наклеены на листы картона. На них указаны фамилии владельцев памятников, названия кладбищ, а также номер страницы, рукописи книги, соответствующей этому снимку. Все эти фотоматериалы готовились для издания. В коллекции находится более 100 снимков. Их историческая ценность очевидна.

Массовое уничтожение некрополей в 20—30-е гг. лишило нас возможности проникнуть в историю монастырских и городских кладбищ. Погибшие могилы унесли с собой последние упоминания о жизни предыдущих поколений. Из указанных в рукописи 26 кладбищ Москвы на сегодняшний день осталось лишь 11. Мотивы их уничтожения были различны: от идейных, когда юные пионеры сбивали палками кресты, до чисто прагматических, когда за счет кладбищ высвобождались территории для нового строительства.

Дореволюционный некрополь по сравнению с современным находился в значительно лучшем состоянии. И это прекрасно доказывает большинство фотографий из коллекции А. Т. Саладина. Правда, были и исключения. Здесь интересно отметить фотоснимок надгробий С. Т. Аксакова (1791—1859), автора известной «Семейной хроники» и его сына К. С. Аксакова (1817—1860), одного из идеологов славянофильства. Уже в 1906 г., почти через 50 лет после установления памятников Аксаковым на кладбище Симонова монастыря, в журнале «Исторический вестник» появляется тревожная заметка П. А. Россиева «Забытые могилы на Московских кладбищах». В ней автор обращает внимание широкой публики на запустение могил некоторых известных деятелей литературы и искусства; состояние памятников Аксаковым отмечается как «весьма плачевное»[1]: могилы заросли травой, надгробный крест на могиле С. Т. Аксакова треснул, общая ограда покачнулась. Увидев среди этого запустения небольшой венок в ограде, автор был искренне растроган. Сторож кладбища рассказал: «Перед Пасхой были девочки из какого-то приюта и привезли своей работы венок... А кроме них уже сколько лет никого не видим».

В коллекции мы находим фотографию, сделанную Саладиным 1 июля 1917 г. С 1906 г. состояние памятников Аксако-

вым не улучшилось; кресты почернели, а на правом из них видна глубокая трещина.

После революции некрополь Симонова монастыря, как и десятки других, приходит в запустение. Деревянные кресты идут на растопку, металлические решетки переплавляются для разных надобностей. В 1926 г. мы еще слышим одинокие голоса, раздающиеся в защиту кладбища. Так, в январе 1926 г. «Вечерняя Москва» публикует статью А. Епифанского «Могилы актеров, художников прошлого»[2]. Автор с сожалением рассказывает о невосполнимых потерях, понесенных городским некрополем за короткое время. Это коснулось и кладбища Симонова монастыря. На нескольких памятниках, относящихся к могилам членов Аксаковской семьи, были отломлены кресты, другие же покосились и дали глубокие трещины. Через несколько лет история кладбища пришла к своему трагическому финалу. Оно было закрыто, а затем и совсем стерто с лица земли.

Большой интерес имеет для нас фотография с изображением автора снимков (см. рис. 1). Сфотографирован А. Т. Саладин ровно за год до своей смерти на кладбище Симонова монастыря рядом с памятником известному историку-этнографу, другу Герцена В. В. Пассеку (1808—1842). К сожалению, А. Т. Саладин закрывает собой боковую часть памятника, на котором находится какая-то надпись. Ее нетрудно установить по рукописи автора. Эпитафия на могиле взята из Евангелия от Матфея: «Любите враги ваши, благославите клевещущия, вы добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и их гонящая вы» (Матф. 5.44). Эта фотография носит символический характер. Пройдет какое-то время и могилы Пассека и Саладина будут уничтожены.

На кладбище Даниловского монастыря автор сделал снимок памятника известному историку П. Н. Кудрявцеву (1816—1858) (см. рис. 2). Профессор Московского университета П. Н. Кудрявцев был товарищем и преемником Т. Н. Грановского по кафедре всемирной истории. Главным его научным трудом стала книга «Судьба Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим». В «Прогулках по кладбищам Москвы» А. Т. Саладин пишет: «Глубоко убежденный в торжестве права угнетенных народов П. Н. Кудрявцев, как и Т. Н. Грановский, горячо верил в возрождение Италии. С любящим сердцем, с детски простою душой, несмотря на свою замкнутость, он оставил по себе добрую память среди товарищей и слушателей Московского университета, где он, чередуясь с Грановским, читал лекции по

[1] Исторический вестник. — 1906. — № 1. — С. 822—848.
[2] Вечерняя Москва. — 1926. — № 1. — С. 2.

Средней и Новой истории»[1]. На его могиле возвышался черный мраморный памятник с живописным изображением тела Спасителя в центре. Эту могилу постигла судьба большинства захоронений Даниловского монастыря. Она была уничтожена вместе с кладбищем. Здесь же неподалеку стоял памятник известному славянофилу Ю. Ф. Самарину (1819—1876). Судьба этой могилы тоже трагична.

В сохранившейся коллекции А. Т. Саладина большой интерес представляет фотография первоначального захоронения Н. В. Гоголя (1809—1852) на кладбище Даниловского монастыря (см. рис. 3). В 30-е гг. останки великого писателя переносятся на Новодевичье кладбище, а памятник заменяется на новый, примитивный. С этого кладбища был перенесен и памятник великому русскому философу, славянофилу А. С. Хомякову (см. рис. 4) и основателю Московской консерватории дирижеру и пианисту Н. Г. Рубинштейну (1835—1881) (см. рис. 5).

Дошедшая до наших дней фотоколлекция А. Т. Саладина постепенно находит свое практическое применение. Так, сохранившаяся фотография надгробного памятника на могиле С. М. Соловьева помогла воспроизвести крест и воздвигнуть его на месте захоронения великого историка на территории Новодевичьего монастыря. Другие же фотографии ждут своего научного изучения. Они помогут в дальнейшем восстановить утраченные святыни.

[1] ЦГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, д. 549, с. 162.

Рис. 1. **А. Т. Саладин у могилы В. В. Пассека.**
Кладбище Симонова монастыря.

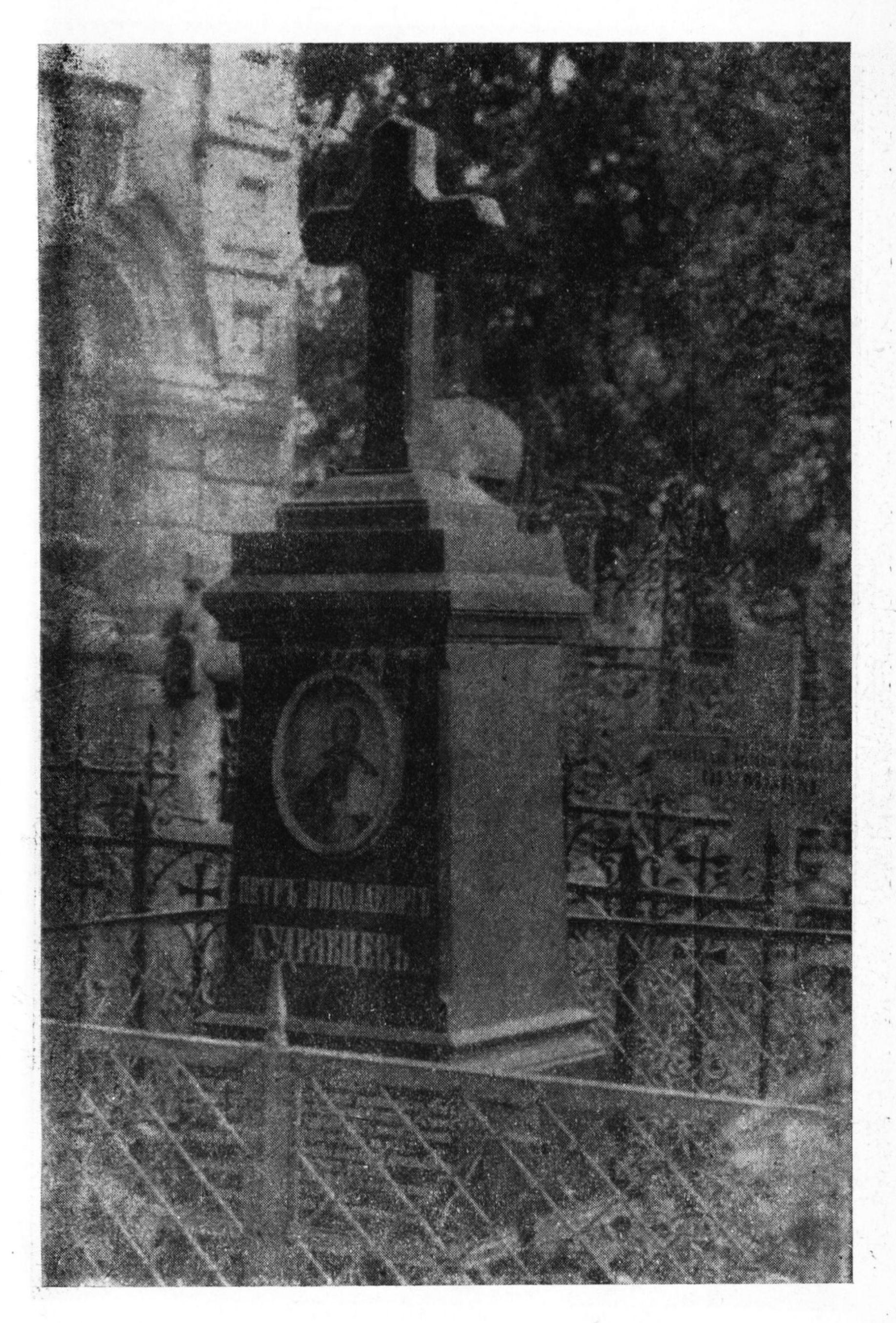


Рис. 2. **Могила П. Н. Кудрявцева.** Кладбище Даниловского монастыря.

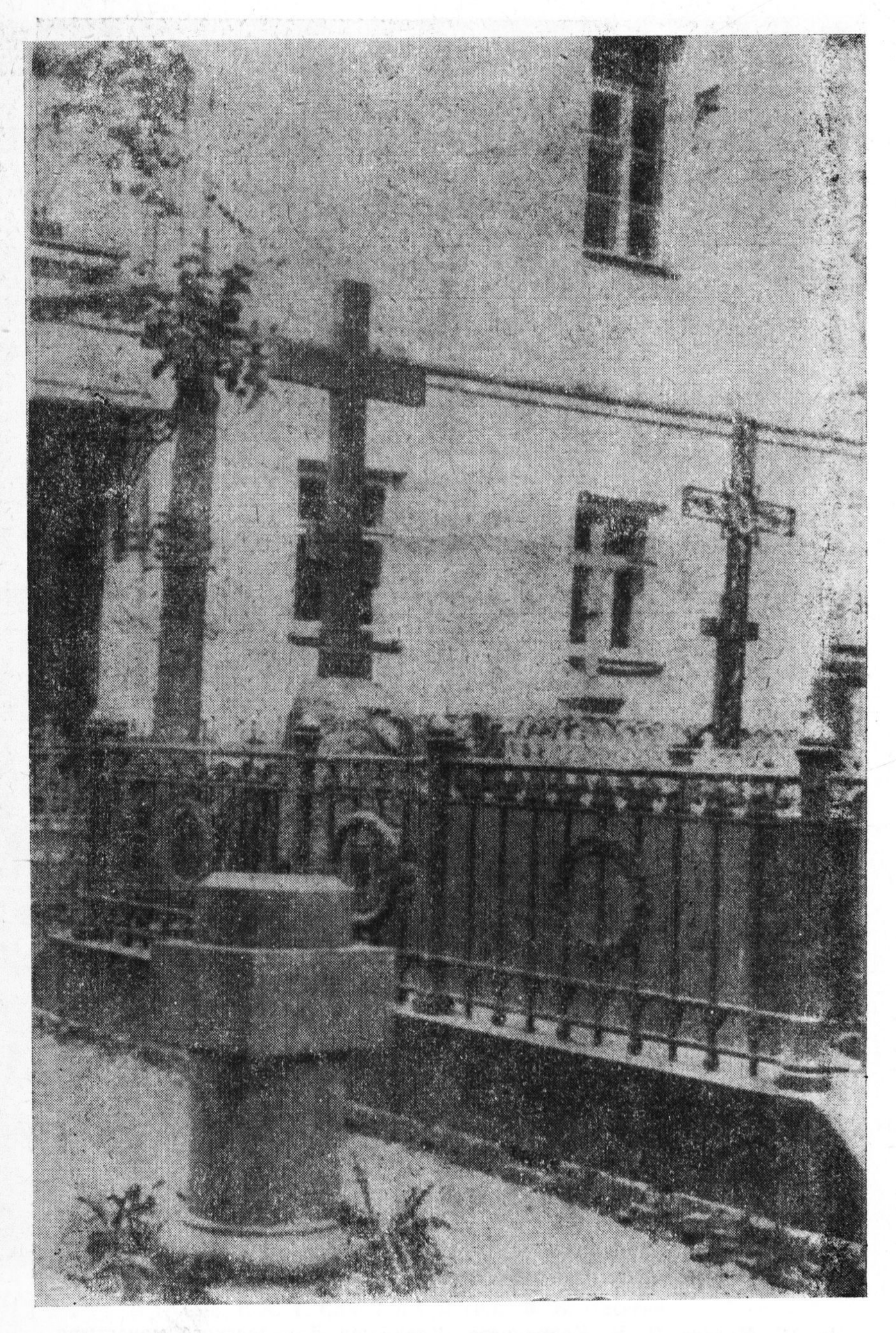


Рис. 3. Могила Н. В. Гоголя. Кладбище Даниловского монастыря.

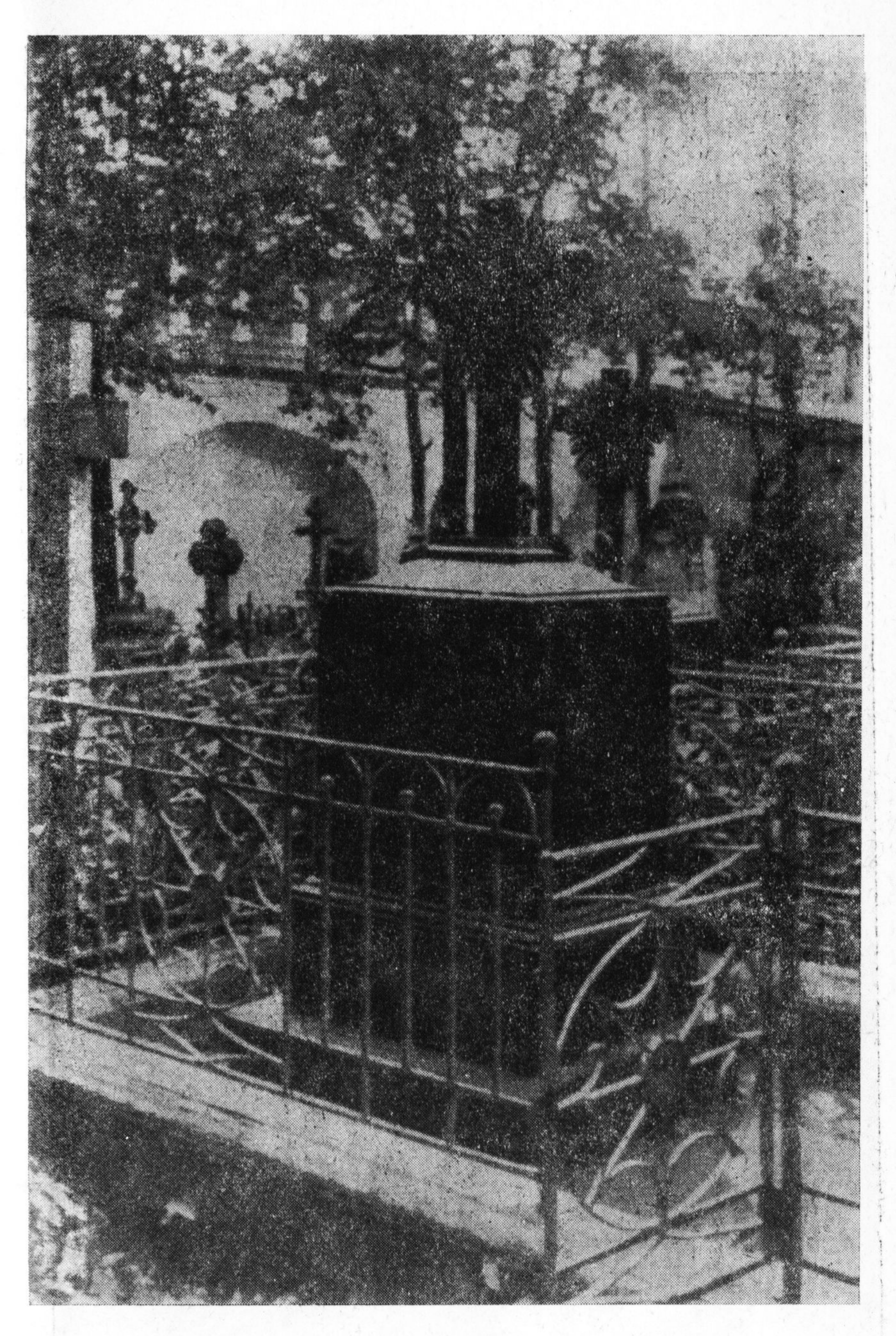


Рис. 4. Кладбище Даниловского монастыря.

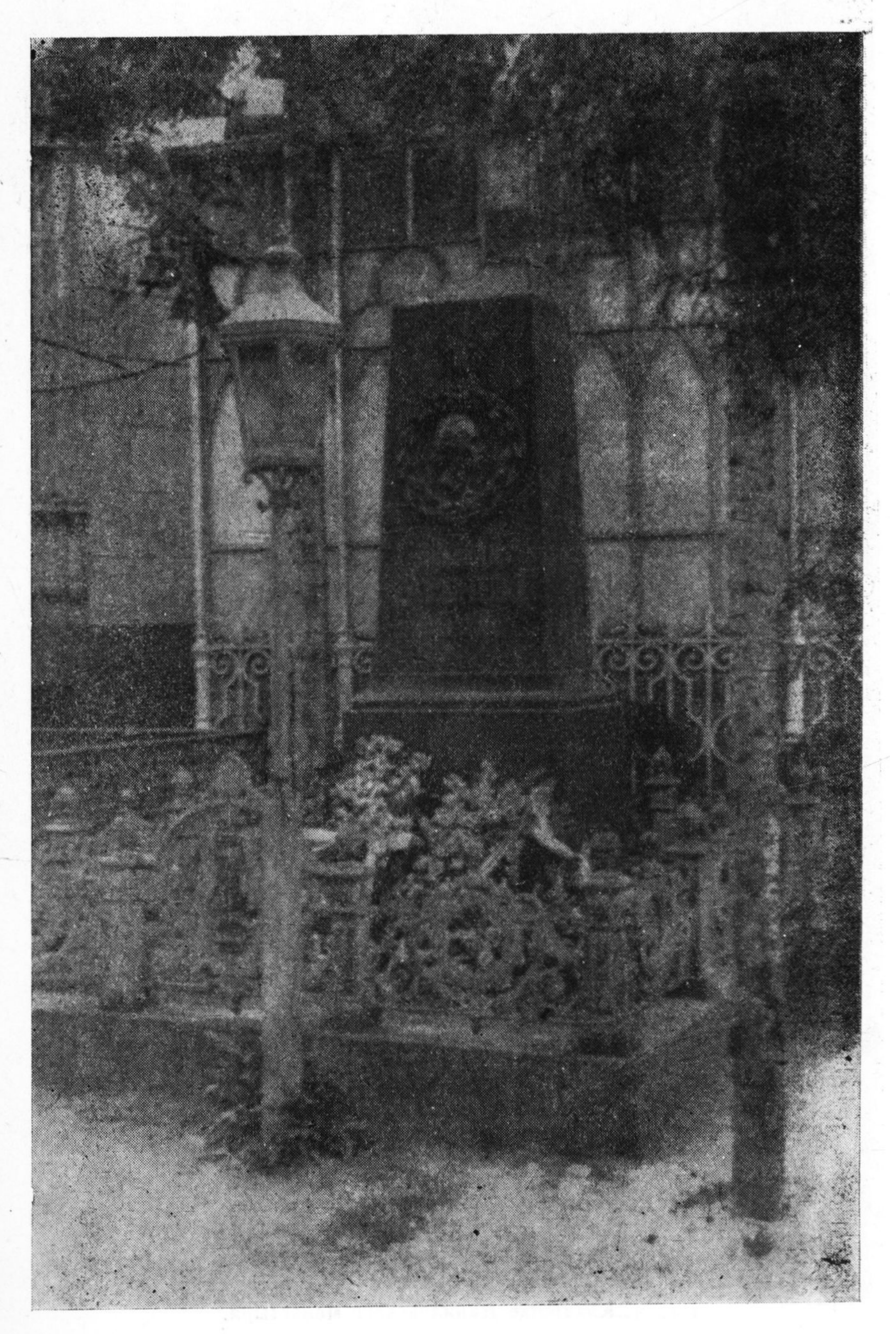


Рис. 5. **Могила Н. Г. Рубинштейна. Кладбище Даниловского монастыря.**

СОДЕРЖАНИЕ

Московский некрополь (история, археология, искусство, охрана)

Материалы научно-практической конференции

Зав. ред.-изд. отд. *Л. Н. Ильина*
Лит. редакторы *Л. Н. Ильина, С. Б. Островская*
Художник и худ.-техн. редактор *А. А. Осмоловская*
Корректор *Л. И. Милехина*

109072, Москва, Берсеневская наб., 20
Научно-исследовательский институт культуры
Редакционно-издательский отдел.

Сдано в набор 22.05.91. Подписано в печать 27.01.92. Формат $60\times90^1/_{16}$. Объем усл. печ. л. 12,375. Изд. л. 13. Тираж 5000 экз. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Цена договорная.
Заказ 1242
Типография Минстанкопрома, г. Щербинка